

НАШЕСТВИЕ ТЬМЫ

ХРОНИКИ ИМПЕРИИ УЖАСА

ГЛЕН КУК

06

Глен Кук

**Хроники Империи
Ужаса. Нашествие Тьмы**

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Кук Г. Ч.

Хроники Империи Ужаса. Нашествие Тьмы / Г. Ч. Кук —
«Азбука-Аттикус», 2006

ISBN 978-5-389-18247-9

Тень бесконечной ночи За громадными горами под названием Зубы Дракона, куда не достает холодное дыхание Ветра-Оборотня и пламя начала мира, над стенами замка Фангдред возвышается Башня Ветров. Обитатель этой одинокой цитадели, бессмертный чародей, развязывает войну за вековую любовь Непанты, сестры Королей Бурь... Дитя октября Октябрь – пора, когда листья обретают цвет крови, а ветер пронизывает до костей; это время темных и странных свершений. У королевы рождается дитя Тьмы, и его крики слышны далеко за вершинами Зубов Дракона, на краю мира, где Непанта и Насмешник ждут войны, которой страшатся даже чародеи. Нашествие Тьмы На краю империи война – не только ад. Насмешник потеряет в чертогах смерти старых друзей, но обретет новых сторонников среди залитых кровью и усеянных костями полей. Дитя войны завладеет мечом истины, и наконец раскроется роковая тайна Звездного Всадника.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-18247-9

© Кук Г. Ч., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Тень бесконечной ночи	6
Пролог	6
1	8
2	13
3	21
4	31
5	37
6	43
7	52
8	59
9	68
10	72
11	81
12	90
13	98
14	108
15	118
16	123
17	134
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Глен Кук
Хроники Империи Ужаса
Нашествие Тьмы

© К. П. Плешков, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Тень бесконечной ночи

Пролог

Лето 994 года от основания империи Ильказара

Конец охоты

В залитом голубым светом зале, вырубленном в сплошном камне, ждали четверо. Вошел пятый.

– Я был прав. – Усталость и запыленная одежда выдавали тяготы проделанного им путешествия. – Это действительно Звездный Всадник.

Он уселся в кресло. Остальные ждали.

– Двенадцать моих людей отдали свои жизни, но оно того стоило. Я допросил троих, сопровождавших Ученика в Малик-Таус, и свидетельства их были весьма убедительны. Ангелом Ученика оказался Звездный Всадник.

– Хорошо, – кивнул тот, что принимал решения. – Но где он сейчас? И где Джеррад?

– На два вопроса – один ответ. У Громовой горы.

Не услышав ничего, кроме молчания, новоприбывший продолжал:

– Погибла большая часть лучших моих агентов. Но весть дошла: маленького старичка и крылатого коня видели в окрестностях Пещер Древних. Джеррад взял с собой голубей, и сокольников принес одного из них, как раз когда я вернулся домой. Джеррад обнаружил лагерь старика у подножия горы. У него с собой Рог.

Последнюю фразу он произнес срывающимся от волнения голосом:

– Отправляемся утром.

Рог Звездного Всадника, Виндмьирнерхорн, имел славу Рога изобилия. Человеку, который сумел бы вырвать его из рук хозяина и подчинить своей воле, можно было уже ни о чем не беспокоиться – он мог создавать любые богатства, способные купить весь мир.

Все пятеро мечтали о восстановлении древней империи, похищенной у предков.

Время похоронило их империю, и на свете уже не существовало ниши, которую она могла бы заполнить. Это были не более чем мечты, и большинство присутствующих прекрасно это понимали. Однако они неизменно стояли на своем, движимые силой традиций, желанием принять вызов и страстью, переполнявшей тех двоих, что вели сейчас беседу.

– Там, внизу, – сообщил Джеррад, показывая на погруженное в вечерний полумрак глубокое, поросшее зелеными соснами ущелье. – Возле водопада.

Его спутники с трудом могли разглядеть исчезающий вдали дым костра.

– Что он собирается делать?

Джеррад пожал плечами:

– Просто сидит там уже месяц. Не считая ночи на прошлой неделе, когда он помчался верхом куда-то на восток и вернулся лишь на следующий день перед заходом солнца.

– Знаешь, как туда спуститься?

– До сих пор я не подходил ближе, чтобы его не испугать.

– Ладно, займемся лучше делом. Воспользуемся теми светлыми часами, что нам еще остались.

– Разделимся и нападём на него со всех сторон. Джеррад, что бы ни случилось, не дай ему добраться до Рога. Если понадобится – убей.

Было уже за полночь, когда они напали на старика, а если бы не взошла луна, то все началось бы еще позже.

Проснувшись при звуке шагов, Звездный Всадник стремглав метнулся к Рогу. Джеррад прыгнул первым, с ножом в руке. Старик на полпути сменил направление и с удивительной ловкостью вскочил на спину крылатого коня, который взмыл в небо под звуки, напоминавшие хлопанье драконьих крыльев.

– Сбежал! – выругался предводитель. – Проклятье! Проклятье! Проклятье!

– Вот ведь быстроногий старикашка, – заметил кто-то.

– Какая разница? – сказал Джеррад. – Мы получили то, за чем пришли.

Предводитель поднял объемистый Рог:

– Да, теперь он у нас в руках. Закладной камень новой империи. А Ветер-Оборотень станет ее краеугольным камнем.

– Слава империи! – воскликнули его спутники по подобию предков, хоть и с иным энтузиазмом.

Откуда-то сверху послышался приглушенный далекий звук, похожий на эхо смеха.

1
583–590 гг. от О. И. И
Он вступает на мировую арену

Палачи в капюшонах устанавливали украшенный изящным орнаментом столб, а ребенок плакал у их ног. Когда привели женщину с красными от слез глазами и растрепанными волосами, он хотел побежать к ней, но палач мягко подхватил его и передал удивленному старому крестьянину. Пока люди в капюшонах укладывали вокруг женщины вязанки хвороста, она с немой мольбой смотрела на ребенка и мужчину, не видя ничего, кроме них. Священник совершил над ней соответствующие таинства, поскольку с точки зрения его религии она ни в чем не согрешила. Прежде чем вернуться на предписанное ему место, он взмахнул яркими кистями из конского волоса над нечесаной головой пленницы, осыпав ее усмиряющей боль пылью сонного лотоса, и произнес молитву за спасение души. Главный палач дал знак начинать. Помощники принесли горящую головню, и палач поднес ее к вязанкам хвороста. Женщина смотрела на собственные ноги, словно не понимая, что происходит. А ребенок не переставал плакать.

Крестьянин со свойственной сельским жителям грубой нежностью утешал мальчика, неся его туда, где он не мог услышать криков. Вскоре мальчик перестал всхлипывать, словно смирившись с жестокими прихотями судьбы. Старик поставил его на мощеную улицу, не выпуская детскую руку из своей. Ему самому было хорошо знакомо горе утраты, и он знал, что его следует унять, прежде чем оно перерастет в заклую ненависть. Этот мальчик наверняка однажды станет мужчиной.

Мужчина и мальчик протолкались через веселящуюся толпу – день казни всегда был в Ильякаре праздником. Мальчик бежал вприпрыжку, пытаясь поспеть за быстро шагающим крестьянином и утирая слезы тыльной стороной грязной ладони. Покинув окрестности дворца, они вошли в район трущоб, а затем двинулись по вонючим улочкам среди развешанного белья, пока не добрались до площади, называвшейся Крестьянским рынком. Старик подвел мальчика к прилавку, за которым в окружении дынь, помидоров, огурцов и кукурузных початков восседала пожилая женщина.

– Та-ак, – протяжно проговорила она. – И что ж ты такое нашел, Ройял?

– Смотри, матушка, какой бедняжка, – ответил тот. – Видишь следы от слез? Иди сюда, иди, получишь сладенькое.

Подняв мальчика, он зашел за прилавок.

Женщина порылась в небольшом свертке и достала конфету:

– Держи, малыш. Это тебе. Садись, Ройял. Слишком жарко, чтобы таскаться по городу. Взглянув на мужа над головой мальчика, она вопросительно подняла брови.

– День уж точно выдался жаркий, – ответил Ройял. – Люди короля снова сожгли ведьму. Молодую. Черный капюшон велел мне забрать ребенка.

Мальчик стоял в тени старой женщины и жалобно смотрел на них круглыми глазами, левым кулачком прижимая ко рту твердую как камень конфету, а правым вытирая остатки слез. Но он уже не плакал и глядел на них, словно маленький идол.

– Я подумал, что мы могли бы его воспитать, – мягко и неуверенно сказал Ройял, зная, что касается большого для обоих вопроса.

– Это большая ответственность, Ройял.

– Да, матушка. Но у нас самих нет детей. Однако, когда умрем, кому достанется хозяйство? А так – и ему будет на что прожить.

Ройял не сказал этого прямо, но она поняла, что, если у них не будет потомка, он отдаст хозяйство любому встречному – лишь бы не королю.

– Что, теперь будешь притаскивать всех сирот, которых найдешь?

– Нет. Но воспитание этого мальчика – обязанность, которую наложила на нас смерть. Как мы смогли бы ею пренебречь? Кроме того – разве каждую весну и лето, до самой осени мы не жили надеждой, что древо все же начнет плодоносить? Или я должен служить этой земле, словно раб, а ты – продавать здесь ее плоды лишь затем, чтобы оставить после себя немного серебра, закопанного под полом дровяного сарая? Или чтобы хватило на крестьянскую могилу?

– Ладно. Но ты для этого мира слишком добр. Хотя бы потому, что женился на мне, зная, что я бесплодна.

– Никогда об этом не жалел.

– И потому я согласна.

Ребенок все это время молчал. Когда женщина умолкла, он отнял ладонь от глаз и положил ее на лежащие на коленях старческие руки.

Дом Ройяла, расположенный на берегу Эоса, в двух лигах вверх по реке от города Ильказар, наполнился жизнью. Когда-то пустой и покрытый пылью, медленно превращавшийся в руины, он заискрился новым блеском. Муж и жена достали из тайника монету, на которую купили краски, гвозди и ткань для занавесок. Через месяц после появления ребенка дом выглядел как новый. Прежде покрытые коркой застарелой грязи, горшки и сковородки теперь блестели над очагом. Вымели накопившийся сор, под которым появился пол из твердого дерева. На крыше золотилась новая солома. Небольшая комнатка в задней части дома преобразилась в сказочный мир с маленькой кроватью, шкафчиком ручной работы и детским стульчиком.

Перемены были столь отчетливы, что не избежали чужого внимания. Пришел королевский сборщик налогов за причитающейся данью, но Ройял со старушкой едва его заметили.

Однако, несмотря на то что они отдавали ребенку всю свою любовь и душу, тот ни разу не сказал «спасибо». Он был достаточно послушен, не доставлял особых хлопот и любил их некоей печальной любовью, но за все время не произнес ни звука – хотя иногда поздно ночью Ройял слышал, как приемный сын плачет у себя в комнате. Они привыкли к его молчанию и со временем уже не пытались убедить его хоть что-то сказать. В конце концов они пришли к выводу, что, возможно, он вообще не умеет говорить. Подобного рода несчастья не были редкостью в столь жестоком городе, как Ильказар.

Зимой, когда земля покрывалась снегом, семья не выходила из дому. Ройял учил мальчика крестьянским умениям – строгать дерево, лущить кукурузу, коптить и развешивать ветчину, пользоваться пилой и молотком, а также играть в шахматы, в которых мальчик вскоре стал настоящим мастером. Ройяла часто удивляла его сообразительность, ибо он забывал, что дети вовсе не глупее взрослых, им просто не хватает знаний.

Прошла зима. Ребенок подрос и поумнел, но так и не заговорил. Его называли Варт, что на их языке означало Молчун. Пришла весна, и Ройял начал работать в поле. Варт помогал ему, ходил вместе с ним за плугом, разрыхляя землю босыми ногами. Вскоре появились молодые ростки. Варт помогал полоть, ставил подпорки для помидоров и швырял камнями в птиц, отпугивая их от дынь. Старушка решила, что в будущем из него получится хороший хозяин. Похоже, крестьянская жизнь ему нравилась.

Летом, когда созрели дыни, покраснели помидоры, а тыквы вымахали в зеленые булавы, Варт помогал убирать урожай, укладывал и снимал груз с повозки Ройяла. Старушка была против возвращения мальчика в Ильказар, но Ройял решил, что тот наверняка уже обо всем забыл, а потому они все вместе отправились на рынок, где провели весьма удачный день. Их урожай был самым ранним, товар – исключительного качества, а весь Ильказар высыпал на улицу в поисках свежих овощей. Позже, когда помидоры и тыквы становились обычным делом, горожане начинали ими брезговать, предпочитая мясо.

– Мы разумно поступили, усыновив его, – сказала старушка, сидя на своем обычном месте в тени. – Смотри! Когда нет дынь, они покупают помидоры и тыквы.

– Пора еще слишком ранняя. Когда прилавки наполнятся и еды хватит даже для свиней, все будет выглядеть уже не столь весело. Как думаешь, может, нам поискать учителя для Варта?

– Учителя? Ройял, мы же крестьяне!

– Ну да, касты – кастами, но их всегда можно обойти. И самый лучший способ – серебро. У нас ведь есть немного, которого нам все равно никогда не потратить. Я подумал, что, может быть, он захочет научиться грамоте. Жаль было бы впустую тратить такой ум для работ в поле. Однако никого более или менее важного я бы в это вмешивать не хотел. Лучше всего, на мой взгляд, подойдет деревенский священник. Он мог бы взяться за обучение взамен на свежие овощи и немного денег, чтобы пополнять запасы вина в перерывах между уроками.

– Вижу, ты уже все решил – что я могу возразить? Давай скажем ему. Где он болтается?

– На другой стороне площади, смотрит, как мальчишки играют в мяч. Сейчас его приведу.

– Нет-нет, позволь пойти мне. Я уже и так вся одеревенела. А ты лучше посторожи помидоры. Только смотри, чтобы молоденькие девицы тебе голову не вскружили. Засмотришься, попытаешься заглянуть под расстегнутую кофточку, тут тебя и обкрадут. Эти их накрашенные сиськи...

– Ой, матушка, я уже слишком стар для такого.

– Не настолько стар, чтобы не засмотреться.

Пройдя между пустыми ящиками из-под помидоров рядом с остатками тыкв, она двинулась через площадь. Вскоре вернулась, полная тревоги:

– Там его нет, Ройял. Ребята говорят, он ушел где-то с час назад. И осел тоже пропал.

Ройял посмотрел в сторону загонов для скота:

– Так, ладно, кажется, я знаю, куда он пошел. Теперь давай ты стереги кухню чародея от происков юных учениц.

Она тихо рассмеялась, но тут же помрачнела:

– Думаешь, он вернулся туда, где...

– Угу. Я надеялся, что он успел забыть, поскольку был тогда совсем малышом. Но урок, преподанный королем, забыть нелегко. Смерть на костре – настоящий ужас, кошмар на всю оставшуюся жизнь. Приготовь каких-нибудь сладостей к нашему возвращению.

Ройял нашел Варта именно там, где и следовало ожидать, – тот сидел верхом на осле перед Королевскими воротами. Площадь выглядела не столь мрачно, как обычно, впрочем мальчик приехал сюда не затем, чтобы разглядывать останки казненных. Маленький и хрупкий, он не отрываясь смотрел на укрепления дворца. Когда Ройял вышел на площадь, Варт как раз направился к боковой калитке. Стражник – неприветливый ветеран средних лет – оставил его, спрашивая, чего надо. Он все еще пытался добиться хоть какого-то ответа, когда появился Ройял.

– Прошу прощения, сержант. Я слишком был занят торговлей и не заметил, как он ушел.

– Ничего страшного, ничего страшного. Ребяتيшки – они все такие, у самого целый выводок. Что делается на рынке? Жена намекала, что хочет туда заглянуть.

– Пусть лучше поторопится. Дынь уже нет. Помидоры и тыквы тоже скоро кончатся.

– В таком случае жди меня сегодня вечером. Оставь тыкву и пару помидоров, очень уж гуляша хочется. И следи, где таскается этот осел. Он носит на спине весьма умного парнишку.

На прощание он тепло и искренне улыбнулся Варту.

Пока Ройял вел в поводу осла с мальчиком на спине, Варт не проявлял никаких чувств. Но позже, когда по пути через кривые улочки старый крестьянин спросил его, не хочет ли он научиться читать и писать, мальчик пришел в восторг. Столь неожиданный всплеск эмоций удивил старика, и на мгновение ему показалось, что мальчик наконец заговорит. Однако вскоре вернулась обычная для него апатия, и лишь отражалась едва заметная радость на лице.

Так что, когда они продали последнюю тыкву и вернулись домой, Ройял отправился в гости к местному священнику.

Шло время, мальчик вырослел и в возрасте десяти лет уже был ростом с Ройяла и почти так же силен. Старики были вне себя от счастья. Они заботились о нем словно о драгоценном камне, давая ему все самое лучшее. В стране, где бедность сопровождалась болезнями, голодом и недоеданием, мальчика старались отлично кормить. Он вырос высоким в стране, где рослые мужчины считались редкостью.

Его обучение под присмотром священника шло столь же успешно. Он быстро научился писать, часто пользовался записками, чтобы компенсировать молчаливость. Способности его произвели немалое впечатление на священника, и он не требовал никакой платы, кроме редких подарков в виде даров земли. Он настаивал на том, что обучение стремящегося к знаниям мальчика – и без того достаточно достойная оплата. Вскоре он научил Варта всему, что умел сам.

Но как это неизменно бывает, однажды в доме над рекой в Ильказаре поселилась печаль. Осенью, после того как они продали на рынке остатки урожая, старушку свалил удар. Она лишь раз вскрикнула и погрузилась в сон, от которого уже никогда не пробудилась. Ройял горевал об утрате, как и подобало многолетнему супругу, но в конце концов смирился с ней со свойственным ему стоическим спокойствием. Несмотря на бесплодие, его жена прожила долгую полнокровную жизнь, а под конец даже познала радость воспитания сына. Кроме того, Ройял видел, что Варт столь же болезненно переживает ее уход. Хотя мальчик редко проявлял нежные чувства, он всегда был послушен и вежлив. Мысли его блуждали где-то далеко, словно он пребывал в стране теней, где жизнь не могла до него дотянуться.

Как веками поступали и всегда будут поступать крестьяне, Варт и Ройял сперва похоронили умершую, а потом вернулись к работам в поле. Однако крестьянин был стар, и его желание жить угасло со смертью жены. Ранней весной, в пору первых посевов, он ночью тихо ушел следом за ней. Варт думал, что старик спит, пока утром не потряс его за плечо.

Варт снова заплакал, поскольку любил Ройяла, как сын – отца. Отправившись в деревню, он нашел священника и привел его, чтобы тот совершил погребальный обряд. Варт занимался хозяйством, используя все свои умения, до конца сбора урожая. Часто он продавал товар

чересчур дешево, не желая торговаться. Позже, решив, что, проработав все лето, он в достаточной степени почтил память приемных родителей, Варт поручил священнику продать хозяйство и начал самостоятельную жизнь.

2

Осень 995 г. от О. И. И
Вниз с гор страха

Древний замок Вороний Грай был построен столь глубоко в Крачнодьянских горах, на вершине Кандарин, что мало кто из жителей нижних земель знал о его существовании. Однако благодаря семерым путникам, ехавшим по крутой горной тропе, названию этому предстояло вскоре появиться на многих устах. Шестерых незнакомые с ними люди называли Королями Бурь. Они направлялись в столицу самого северного из всех Цис-Крачнодьянских королевств, Ива-Сколовду.

Во главе отряда ехал Турран, хозяин Вороньего Грая. Позади следовал Ридье, самый старший, с седеющими волосами и суровым лицом, потом – Вальтер, младший из братьев, красивый и статный. За ними ехали Брок, невозмутимый и спокойный, и его брат-близнец Люксос. Люксос был высок и худ, словно гончий пес, Брок – коренаст и мускулист. Отряд замыкал Джеррад, которого интересовала исключительно охота – не важно, на горного ли медведя или на опасного человека. Шестеро странных мужчин.

Седьмой была их сестра Непанта, младшая, с такими же длинными черными волосами, что и у остальных. Она ехала с гордостью, как того требовало ее достоинство, но позу ее ни в коем случае нельзя было назвать воинственной или победоносной. То была не юная хозяйка Вороньего Грая, но грустная и одинокая женщина. Необычайно красивая, она уже приближалась к тридцатилетию, но сердце ее оставалось столь же холодным, как и дом в горах. Однако причиной ее нынешней отрешенности было нежелание разделять планы братьев.

Она уже была сыта по горло их интригами и махинациями. Неделей раньше, не обращая внимания на угрозу вечного проклятия, она вызвала Ветер-Оборотень, чтобы тот сделал непроходимым перевал, через который они сейчас ехали. Ей хотелось, чтобы братья остались дома, но попытка провалилась. Они перестали ей доверять и потому взяли с собой.

Отряд с волнением подъехал к Северным воротам Ива-Сколовды. Они погибли бы, если бы их узнали. Между Вороньим Граем и городом царил вражда – горькая, как кровь, старая, как леса, и терпеливая, словно смерть. Однако их приезд остался незамеченным. Была осень,

пора, когда в городе ждали охотников и торговцев с севера, привозивших скорнякам из Ива-Сколовды шкуры добытых летом зверей.

Доехав в окружении чуждых звуков и запахов до центра, они остановились на постоялом дворе «Имперский сокол», где укрывались несколько дней. Лишь Турран, Вальтер и Ридье отважились выйти на улицу, и то ночью. Дни они проводили, запершись в комнатах и строя планы.

Непанта, одинокая и покинутая всеми, сидела в комнате, размышляя о том, чего хотела, но боялась. Она много спала, и ей снились два повторяющихся сна – один прекрасный, другой кошмарный. Дурной сон всегда следовал после хорошего.

В первом сне она покидала Крачнодьянские горы и двигалась на юг, через Ива-Сколовду и Итаскию, в сказочный Дунно-Скуттари или в колыбель западной культуры Хеллин-Даймиель, где красивая и умная женщина могла найти свое место в мире. Затем сон преображался, и она оказывалась в городе из тысячи хрустальных башен, и одной из них ей хотелось завладеть. Теплая волна окатывала ее каждый раз, когда взгляд останавливался на башне – всегда изумрудной, – которая чем-то ее неумолимо притягивала. Когда она подходила ближе, страх усиливался, но вместе с ним усиливалось и желание. А потом, сделав двадцать шагов, она уже радостно смеялась и бежала вперед.

Всегда одно и то же. А затем из мрачных уголков ее разума выползали кошмары. Стоило дотронуться до шпилья – это был шпиль, не более того, – как он с грохотом падающих драгоценных камней рассыпался на куски и из руин поднимался чудовищный дракон.

Непанта пыталась бежать, но местность вокруг преображалась. Город хрустальных башен превращался в лес разящих копий. Она знала, что копия не могут причинить ей вреда, однако слишком их боялась, чтобы усомниться в причинах собственного страха.

Потом она просыпалась, мокрая от пота, испуганная, полная чувства вины, сама не зная отчего.

Хотя ночи из-за подобных снов отнюдь нельзя было назвать скучными, днем Непанта тосковала. Она могла тогда думать лишь о собственной унылой жизни в Вороньем Грае. Ей наскучил вид серых гор, покрытых снежным саваном и окутанных лентами ледяных рек, и непрерывный вой арктического ветра. Ее утомляло одиночество и чувство отверженности, роль орудия в безумных планах братьев. Ей не хотелось больше быть Королевой Бурь, она хотела выйти в мир и жить как обычные люди.

Наконец наступила ночь, их пятая ночь в Ива-Сколовде, когда Короли Бурь начали действовать. В полночь, едва небо затянулось тучами, среди которых иногда проблескивал свет луны, братья выехали с постоялого двора. Вооруженные.

Вальтер и Ридье помчались к Северным воротам. Турран с остальными поехал рысью к Лунной башне, чудовищному сооружению из серого камня, где обитали правители города и королевства.

В темноте подземелий собирались жестокие мужчины и точили мечи. То была ночь сведения счетов с Советом и королем.

Вальтер и Ридье подъехали к воротам, которые охраняли двое сонных стражников.

– Кто идет? – рявкнул один.

– Возможно, смерть, – ответил Ридье.

Свистнул выхватываемый из ножен меч, острое остановилось на волосок от горла стражника.

Второй стражник замахнулся ржавым копьём, но Вальтер уклонился, избегая удара, после чего приставил кинжал к его ребрам.

– Лечь! – приказал он.

Стражник послушно исполнил приказ. Лязгнуло падающее копьё. Второй быстро последовал примеру первого. Вальтер и Ридье связали их и бросили в сторожевую будку.

Ридье вздохнул:

– Когда я увидел копьё... – Он пожал плечами.

– Ворота, – в замешательстве проворчал Вальтер.

Кряхтя от усилий, они подняли засов и открыли ворота. Ридье принес из сторожевой будки факел, вынес наружу и, размахивая им над головой, подал сигналы. Вскоре послышались тихие шаги.

Из темноты появился рыжебородый великан, за которым шли шестьдесят солдат в мундирах цветов Вороньего Грая.

– А, капитан Гримнасон, – рассмеялся Ридье, обнимая косматого гиганта. – Ты появился вовремя. Отлично.

– Да, лорд. Как идут дела?

– Пока все прекрасно. Но каков будет конец – нам еще предстоит узнать, – ответил Вальтер. – Нам предстоит самое сложное. Следуй за мной.

Турран и его спутники появились у Лунной башни в тот миг, когда Вальтер и Ридье открывали ворота в город. Как оказалось, вход в башню охранял только один стражник.

– Стражник, мы купцы из Итаскии, торговцы шкурами. Мы просим аудиенции у короля, – вежливо сказал Турран.

– Может быть, завтра вечером. Уж точно не сегодня. Идет собрание Военного совета. Да и не поздновато ли? – спросил стражник, высовывая голову.

– Военного совета?

– Да. – Одиноким солдатам на посту часто не хватало общества, и этот стражник не был исключением. Наклонившись, он шепотом сообщил: – Есть подозрение, что Вороний Грай подстрекает к мятежу. Старому Сету Биранову показалось, будто он видел Туррана, главара сумасшедших чародеев. Наверняка ему плохое вино в голову ударило, он тот еще пьяница, но король его послушал. Гм... может, старый дурень знает кое-что такое, чего не знаем мы, – усмехнулся он, судя по всему считая подобное невозможным. – Так или иначе, сегодня – никаких аудиенций.

– Даже для Королей Бурь собственной персоной? – спросил Люксос и тихо рассмеялся, когда старый солдат удивленно вздрогнул.

– Брок, Джеррад, займитесь им, – приказал Турран.

Они быстро связали солдата и заткнули рот кляпом.

– Люксос! – крикнул Турран, поднося к свету факела потрепанный кусок пергамента и прищурившись глядя на него. – Какая лестница?

Он держал в руке план башни, нарисованный для Вальтера одним из тех, кто сейчас точил мечи в подвалах.

– Если нужно побыстрее – то главная.

Турран шел первым. Они беспрепятственно добрались до зала Совета на вершине башни, где им попытался преградить путь еще один стражник. Наклонившись, чтобы взглянуть на их лица, он увидел обнаженные мечи.

– Убийцы! – крикнул он и попытался, пытаясь закрыть дверь.

Однако Брок и Турран уже навалились на нее плечами, свалив стражника на пол. Джеррад, правда, протянул ему руку, но перед этим наступил на его меч.

Членов Совета охватила паника. Толстые горожане едва не покалечились, вырывая друг у друга оружие и отступая к дальней стене. Неудачливый стражник присоединился к ним. Сам король даже не шевельнулся, парализованный страхом.

– Добрый вечер! – сказал Турран. – Я слышал, вы как раз вели разговор про нас. Подойдите ближе! Вам нечего бояться. Нам не нужна ваша жизнь... нам нужно только ваше королевство.

Он рассмеялся, но веселье его быстро угасло. Члены Совета все еще держали оружие наготове.

– Вороний Грай должен получить этот город.

– Зачем? – спросил один. – Вы воскрешаете ненависть столь древнюю, что сегодня ее считают полузабытой легендой. С тех пор как отсюда изгнали ваших предков, прошли века.

– Речь идет о намного большем, – ответил Турран. – Мы строим империю. Новую империю, которая затмит величие Ильказара.

Он говорил вполне серьезно, хотя знал, что для братьев вся эта история – скорее военная игра, нечто вроде шахмат, в которых фигурами были живые люди. Во всех планах и приготовлениях ни он, ни братья не обращали особого внимания на последствия или цену. Брок, Люксос, Джеррад и Ридье пытались претворить в жизнь древние фантазии Вороньего Грая скорее ради развлечения, чем с искренней убежденностью.

Послышался нервный смешок:

– Мировая империя? Вороний Грай? С горсткой людей? То, что не удалось Ильказару с миллионами его жителей? Да ты, похоже, взбесился.

– Словно лис, – ответил Турран, отбрасывая со лба темные волосы. – Словно бешеный лис. Я уже занял Ива-Сколовду, и притом без кровопролития.

– Еще нет! – Один из членов Совета шагнул вперед, доставая меч.

Турран печально покачал головой:

– Займись этим глупцом, Люксос. Но не причиняй ему вреда.

Люксос с самоуверенной улыбкой подошел ближе. Его противник поколебался, затем сделал выпад, который мог бы стать смертельным. Однако Люксос отбил клинок и сам перешел в атаку. Сталь трижды лязгнула о сталь, и человек из Ива-Сколовды посмотрел на свои пустые руки.

Это стало достаточным уроком.

Турран усмехнулся:

– Как я уже сказал, мы занимаем город и, если удастся, сделаем это без пролития крови. Но если вы так уж хотите, можем устроить праздник Темной Госпоже. Эй, ты там, взгляни-ка в окно.

Мрачный толстяк послушно посмотрел в указанном направлении.

– Солдаты! – прорычал он. – Что вы делаете?

– Я же сказал – занимаем город.

С яростным ревом члены Совета бросились вперед...

– Башня под защитой, господин, – послышался за дверью низкий голос, и рыжебородый капитан ввел в зал отряд солдат. Окинув взглядом изумленных членов Совета, он рассмеялся и спросил: – Что мне с ними делать?

– Запереть в собственной темнице, пока Непанта не будет в безопасности. Где Вальтер?

– Я вам нужен? – Вошел Вальтер, запыхавшийся после подъема по лестнице, с порозовевшим от возбуждения лицом.

– Да. Собери своих революционеров. Сегодня вечером я хочу начать организацию нового правительства. И – как можно быстрее вывести наши войска из города.

Вальтер ушел.

– Ридье, возьми отряд и приведи Непанту. Я хочу, чтобы она перебралась сюда до восхода солнца, – продолжал Турран.

Ридье кивнул и вышел.

Капитан повел членов Совета в камеры. Затем Короли Бурь сели рядом с королем Ива-Сколовды и продиктовали ему заявление об отречении от престола.

Пришла Непанта. Мужчины принесли из подвалов заточенные мечи. Она стала их принцессой, они же – ее армией и полицией, хотя ни один Король Бурь не питал к ним доверия. Однажды они уже оказались предателями.

Непанта со всей серьезностью отнеслась к новой роли и сыграла ее намного лучше, чем ожидали братья. Она не одобряла их идею завоевать город и пошла на немалый риск, пытаясь этому помешать, однако, когда ее вынудили обстоятельства, с энтузиазмом взялась за дело. Грязный, прогнивший насквозь город нисколько не походил на видения из снов – но, по крайней мере, Ива-Сколовда давала хотя бы тень ответа на ее желания. И она намеревалась использовать каждое мгновение украденной у нее славы – насколько это было возможно.

Низложенный с трона король официально объявил о своем отречении назавтра в полдень, хотя город об этом уже знал и особо не возражал. Народ, похоже, считал, что хуже свергнутого правительства ничего быть не может, – настолько оно было продажно.

Поскольку Турран не желал выставлять свою власть напоказ, чтобы не разжигать древнюю вражду, он увел солдат в Вороний Грай. Оставил только один взвод под командованием подчинявшегося Гримнасону лейтенанта Рольфа Прешки в качестве личной охраны Непанты. Другие Короли Бурь остались, чтобы помочь сестре создать правительство, но с нетерпением ждали очередных легких завоеваний.

Непанта стояла в одиночестве у окна в темной комнате Лунной башни, глядя на залитый лунным сиянием город. Светало. Блестящие черные волосы падали ей на плечи. Проницательный взгляд темных глаз обследовал сад. Губы, пухлые и розовые, когда она улыбалась – что бывало крайне редко, – были сейчас плотно сжаты, поскольку думала она о вещах далеко не приятных. Лоб пересекала бессменная глубокая морщина. Неожиданно Непанта повернулась и начала расхаживать по комнате изящной, но далеко не женственной походкой. Несмотря на красоту, Непанте недоставало женственности, возможно, потому, что она слишком долго прожила в обществе жестких и грубых мужчин, а может, оттого, что ее не покидал страх. Дурные сны приходили теперь каждую ночь. Но сейчас ее преследовали мысли о Вороньем Грае, а не воспоминания о кошмарах.

Они как будто играют в завоевания, думала она, совсем как в детстве. Но теперь они уже взрослые, а это реальный мир – мир, который они едва знали. Они слишком долго жили в странном, мертвом Вороньем Грае, и это наложило отпечаток на их сознание. Замок безумцев, думала она, в горах, на высочайшей из вершин, висящий над краем острых как ножи горных хребтов и вечной зимы. Он стоял там, постепенно разрушаясь, а его обитатели время от времени нападали на Ива-Сколовду. Несчастный город! Однако имелись старые счеты, которые требовалось свести. Их предков, вице-королей империи в Ива-Сколовде, после ее распада изгнали в Крачнодьянские горы. С тех пор каждое поколение потомков пыталось вернуть семейную власть сюзеренов над Цис-Крачнодьянскими провинциями бывшей империи. Мечты глупцов умирают последними.

Турран, как всегда, играл роль генерала. Но что у него была за армия? Ха! Пара сотен людей, среди которых лишь перебежчики из Гильдии под началом рыжебородого Гримнасона годились для боя. И все же она сочувствовала городам на западе. Они вступят в бой, а Турран с помощью Ветра-Оборотня разобьет их древние стены и почтенные замки. Никогда прежде в семье не доходило до столь полного подчинения Силе. Прежней жизни наступит конец. Маленькая вселенная Вороньего Грая падет, поскольку его обитатели намерены разыграть свою игру. При мысли о том, чему еще предстоит погибнуть, ее охватил гнев.

Сама о том не догадываясь, она вела себя с тем же высокомерием, которое презирала в братьях. Она ненавидела их отважную самоуверенность и при этом не хотела для себя ничего иного, кроме как победы на магическом поле битвы.

– Неужели этот идиотизм никогда не закончится? – спросила она в ночь.

Наверняка закончится рано или поздно, пусть даже лишь тогда, когда из уст посланников госпожи Смерти падет ее имя. Конец наступит, и он будет означать победу или поражение. Однако ни в том ни в другом ей не найти спасения от небольшого ограниченного общества, в котором она выросла. Смерть казалась ей единственным путем к настоящей свободе.

О, как страшно хотелось покончить с утомившей ее жизнью! Братья понятия не имели, о чем она говорит. Они походили на рыбок, счастливых в водах мелочных событий. Они не замечали скрывавшегося в душе Непанты перепуганного ребенка, страстно желавшего познать мир. Но Непанта и сама его не понимала – это был меньший из страхов, которые днем подавлялись ее пламенной натурой, а ночами властвовали в ее снах.

За время пребывания в Ива-Сколовде сны изменились. Их приятные фрагменты остались прежними, но когда она протягивала дрожащую руку, чтобы коснуться изумрудного шпиля...

...Башня расплывается, порождая дракона, сама же она бежит через странный лес из копий, но теперь уже не одна. Со всех сторон тысячами появляются кошки, уворачиваясь от копий, которые выпрыгивают из земли и атакуют. Впрочем, кошки принимают их удары с радостью, большинство лишь делают вид, будто пробуют скрыться. Непанта в ужасе бросается бежать. К ее разочарованию, убегает она всегда одна...

Одна. Она всегда была одна, даже посреди города, в самом сердце королевства.

Сны мучили ее до такой степени, что она старалась не спать. Сейчас, думая об этих кошмарах, она хотела только одного – заплакать, но слезы не шли. Вороний Грай подавил в ней все чувства, угасли даже гнев и ярость. Вскоре ей не останется ничего, кроме ужасов одиноких ночей.

Она принялась ругаться – медленно, методично. С губ ее слетали все оскорбления и непристойности, которые она слышала за жизнь, проведенную в обществе грубых мужчин. Луна скрылась за горизонтом на западе. Погасли звезды. Еще до того, как она закончила ругаться, наступил рассвет. А потом у нее не осталось ничего – кроме страха.

На мгновение вернулись воспоминания из детства, мечты о странном рыцаре, который явится, чтобы спасти ее с Кандарина.

Воспоминание оказалось ничем не лучше снов. Она спрашивала себя, кем стало это невинное дитя, – шлюхой, позволявшей насиловать себя собственным братьям, желавшим и дальше вести свою игру. В течение дня ей приходилось терпеть унижения от ненавистных взглядов человеческих отбросов, которых братья отдали ей во владение. Да будут они все прокляты, особенно братья за то, что оказались чересчур ленивы, чтобы править самим.

В конце концов сдавшись и укладываясь спать, она прошептала молитву:

– Пусть боги Верхнего и Нижнего мира или все Силы, что есть на свете, обратят в прах и уничтожат навеки посланников гибели, Королей Бурь из Вороньего Грая.

Однажды ночью в самом высоком зале на Лунной башне собрались шестеро, ожидая прихода Туррана. Пятеро ждали его с бесстрастным терпением, но не Непанта...

– Проклятье! – выругалась она, ударяя кулачком о стол. – Этот бездельник когда-нибудь явится?

– Терпение, Непанта, – умоляюще сказал Ридье. – К чему такая спешка? С тех пор как ты без причины вызвала Ветер-Оборотень, погода стоит ужасная. Будем ждать, сколько бы ни пришлось.

При упоминании о минувшей неудаче она взяла себя в руки, но ничего больше не сказала.

– Еще немного, – сказал Вальтер. – Он скоро будет.

И Турран действительно появился – меньше чем через час. Наклонив голову и лишь улыбнувшись вместо приветствия, он на мгновение остановился в дверях, оценивающе разглядывая родню. Он был самым высоким и мускулистым из семерых, весил почти двести фун-

тов. Его волосы и глаза, как и у остальных, были черными и блестящими. В нем было нечто, некая харизма, благодаря которой люди, особенно женщины, охотно содействовали его планам. Будучи мечтателем, хотя мечты его были не столь замысловаты и куда более прекрасны, чем сны Непанты, он желал стать во главе победоносной армии. Красивый, приятный, потенциальный великий полководец – и слегка безумный.

– Как идут дела?

– Отлично, – ответил Ридье. – Наша победа записана на небесных скрижалях. Земля должна дрожать. – Турран нахмурился, и Ридье уже не столь воодушевленно продолжил: – Ты поздно появился. Что случилось?

– Погода. – Турран сел на свободный стул. – Над Крачнодьянскими горами постоянно бушует буря – результат эксперимента Непанты. Более того, с каждой минутой она усиливается. На обратном пути я пережил настоящий ад. Нужно что-то с этим делать.

Его сарказм не ускользнул от внимания Непанты.

– Ах вы, проклятые мужчины! – возмущенно бросила она. – Вы всегда такие высокомерные... Ладно, раз уж мы собрались вместе, будем и дальше играть в эту дурацкую игру. Какие ты привез известия, Турран?

– А ты, похоже, все такая же, Непанта. Все-то тебе хочется побыстрее. Что ж, как мне кажется, мир мог бы уделять куда меньше внимания тому, что мы делаем в Ива-Сколовде. Брок, вино еще осталось? – спросил Турран, меняя тему. – Что-то я проголодался в пути.

– И это все, что ты можешь сказать, после того как заставил нас столь долго ждать? – настаивала Непанта. – «Дайте мне поесть», и все?

– Мы слишком долго терпели твои капризы, Непанта, – с едва сдерживаемым гневом ответил Турран. – То, что ты устроила с Ветром-Оборотнем, больше не повторится. Я уже раз тебя предупреждал... ты получишь то, чего заслуживаешь.

– И что вы можете мне сделать? – бросила она, словно не слыша угрозы в его голосе. – Заточить в Глубокие темницы, чтобы я не помешала вашим идиотским заговорам?

Она замолчала, увидев, что все одновременно кивнули, и услышав потрясшие ее слова Люксоса, который до этого часто ее защищал.

– Если это единственный выход – я сам брошу тебя в темницу, – сказал он.

– И выкину ключ, – добавил Вальтер, единственный брат, с которым она была по-настоящему близка.

Она ошеломленно уставилась на них. Безумие Туррана словно передалось остальным. Зная, что пустых угроз от них ждать не стоит, она замолчала, решив не говорить больше ни слова.

– Вальтер, что тут было без меня? – спросил Турран брата, в обязанности которого входила разведка.

– В наших руках башня, символ власти. Пока что народ, похоже, доволен. Тень Ильказара уже не беспокоит их так, как еще пару поколений назад.

Турран задумался.

– Непанта, мы можем тебе доверять и оставить тут одну? – наконец спросил он.

Она едва заметно кивнула, предпочитая не рисковать. В любом случае люди Вальтера не спустят с нее глаз. Что она могла сделать, чтобы разрушить их игру?

– Хорошо. Пора возвращаться домой, нужно обучать войско. Утром мы уезжаем, вернемся в надлежащее время, чтобы успеть к началу весенней кампании. А ты води себя осторожнее. Если возникнет желание устроить какое-нибудь вредительство – вспомни о Глубоких темницах. Представь, каково было бы тебе просидеть там до тех пор, пока все не закончится. Еще немного – и моему терпению придет конец.

Непанта задрожала от ужаса. Отвратительные Глубокие темницы, полные вонючей слизи, находились глубоко под Вороньим Граем. Их якобы посещали духи, и они опустели столь давно, что никто из ныне живущих так и не познакомился с ними во всей полноте.

– Вальтер?

– Да?

– Подготовь все, что нужно для насылания бури. По дороге я ненадолго задержался в посольстве Двара, и мне не нравится их позиция. Они не собираются признавать наш суверенитет. Пожалуй, стоит их примерно наказать, заранее продемонстрировать нашу мощь.

Щеки Непанты порозовели от волнения – наконец-то должно было произойти нечто интересное. Она радовалась каждый раз, когда ей предоставлялась возможность управлять Ветром-Оборотнем.

Высокие горные цепи населяли воздушные стихии, силы, бушевавшие во время бурь над Крачнодьянами и часто этими бурями управлявшие. Жители низин, считавшие их призраками и демонами, назвали их Дикой Охотой, представляя в виде злых духов, охотившихся за душами, чтобы утащить в собственную преисподнюю. Короли Бурь были не настолько глупы. В течение поколений после изгнания, последовавшего за упадком империи, семья научилась управлять стихиями и, соответственно, погодой, которую они вызывали, – в особенности яростным вихрем, Ветром-Оборотнем.

Пока жители Итаскии, Дунно-Скуттари и Хеллин-Даймиеля наслаждались приятным зимним вечером, Двар, вассал Ива-Сколовды, стонал под напором неистовствовавшей бури. Буря бушевала всю ночь, а когда закончилась, Двар был покрыт пятиметровым слоем снега. Пока разъяренные жители откапывали город из-под завалов, Короли Бурь уже направлялись на запад, в сторону Вороньего Грая.

3

Осень – весна 995–996 гг. от О. И. И
Из уст глупца

Человек по имени Сальтимбанко, больше известный как Насмешник, сидел на клочке болотистой земли перед Драконьими воротами в Прост-Каменце. Со всех сторон его окружали грязные оборванные ребятишки, которые хихикали, глядя на него, и требовали разных шуток. Тучный псевдофилософ и фальшивый чародей тщетно пытался их отогнать и перекрычать вопли, одновременно стирая со смуглого лица струйки пота.

– Эй, достопочтенный господин! – крикнул он проходившему мимо путнику. – Дай-ка я тебе погадаю! Не покидай прекрасный Прост-Каменец, пока не услышишь, что уготовала тебе судьба. Сей недостойный толстяк – знаменитый великий черный маг, который предскажет твоё потаенное будущее. Всего одна крона, господин, и могущественная завеса скроет твою персону. Одна крона – и твоей драгоценной сущности не будут угрожать никакие злые чары.

Сплюнув в сторону толстяка, путник двинулся дальше, покинув Прост-Каменец через Драконьи ворота. Его ярко разукрашенная повозка покачивалась под грузом дымящихся пахучих жаровень с благовониями. Миновав изваяния крылатых львов и отвратительных химер, он проехал между двумя громадными драконами из зеленого камня – Огненнооком и Пламенноязыким.

Сальтимбанко на чем свет стоит ругал путника, бормоча сквозь зубы и скорчив похожую на череп гримасу. Дети вопили от радости, не обращая внимания на его сквернословие и сзывая друзей. Толстяк продолжал ругаться, осыпая проклятиями уже самого себя, чтобы привлечь побольше шумной ребятни. Взгляд его больших карих глаз был столь же зловещим, как и взгляд Огненноокого у ворот.

Он начал читать долгое заклинание, вызывающее гром, молнию и огонь, которые должны были обрушиться с неба на головы не по годам развитых оборванцев. Но ничего не произошло. Магия его была фальшивой, хоть и впечатляющей, – и ребятишки это знали.

– Тьфу! – фыркнул Сальтимбанко, сжав толстые губы на круглом, как дыня, коричневом лице. – Тьфу! – пробормотал он себе под нос. – Всемогуший, великодушный, богатый Прост-

Каменец, бесценный карбункул моей матери! Уже три холодных несчастных дождливых дня сижу я перед знаменитыми Драконьими воротами и не заработал ни шекеля! Никто не бросил даже ржавого медяка этой скромной, всегда готовой помочь душе! Что за странный город! Ничего тут не заработаешь, разве что плевки и дерьмо пересчитать на таланты и шекели. Что ж, мой обрюзгший сердечный друг, пришло время отправиться в путь, чтобы поискать пастбища позеленее по другую сторону горизонта. А может – какой-нибудь более суеверный мир, где люди верят в богов и духов и склонны доверять способностям всемогущих некромантов. Я лично отправляюсь в сказочное королевство Ива-Сколовда. Горе мне! – тут же воскликнул обманщик-чародей, и живот его затрясся, когда он отвечал сам себе: – Так далеко! Эта гора мяса попросту не в состоянии дойти столь далеко. Упитанный философ умрет от истощения, прежде чем преодолеет двадцать тяжких миль!

Видя необходимость убедить ленивую натуру, его более безрассудная половина выдвинула самый сильный и наименее правдоподобный аргумент:

– К тому же, толстяк, какое ужасающее будущее сулит независимому, мятежному мужу жена-ведьма, когда он вернется в неблагодарный Прост-Каменец? Кровавое убийство посреди загаженных улочек!

Он замолк и ненадолго задумался, глядя исподлобья на наблюдавших за ним детей. Те молчали, ожидая продолжения, готовые на все, что угодно.

– Более того, – сказал он сам себе, – о человек с нежными ногами, это вовсе не означает, что ты должен лично преодолеть многие мили на долгом пути в Ива-Сколовду. Разве мы не можем, обладая столь разнообразными талантами и поддержкой этой преданной юной шайки, похитить достойное транспортное средство?

Лицо его прояснилось при мысли о краже.

– Хей! Эта гора жира способна на все, когда оказывается перед оскаленной пастью необходимости! Жена? Хей! Что за ужасная мысль!

Немного помолчав, он поднял взгляд, выбрал полдюжины ребятишек и жестом подозвал их к себе.

Болтавшиеся у Драконьих ворот бездельники, всегда готовые ограбить неосторожного путника, стали на следующее утро свидетелями необычного зрелища. Смуглый толстяк в изящной гоночной колеснице, украшенной гербом могущественного благородного семейства, поспешно покидал город. За колесницей бежала стайка смеющихся оборванных детей. За ними, отчаянно преследуя колесницу, спешили двенадцать пикинеров из городской стражи, у которых путались под ногами ребятишки, а дальше – банда профессиональных охотников на воров, рассчитывавших на немалое вознаграждение от владельца колесницы. В самом конце, слишком далеко, чтобы надеяться на возможность принять участие в убийстве, тащилась стареющая красотка, ревевшая, словно гарпия, у которой только что отобрали добычу. Насмешник едва сдерживал крокодильи слезы, думая о цене, которую та затребовала за исполнение роли мифической жены.

Вся кавалькада с грохотом промчалась через ворота и направилась на север. Толстяк смеялся, словно безумец.

Недовольные преследователи возвращались, упустив вора. А вдали смеющийся толстый негодяй ехал в новой колеснице по дороге, что вела в Ива-Сколовду.

Когда стало ясно, что ему больше ничто не угрожает, Сальтимбанко повел себя уже не столь решительно. Каждый придорожный источник давал ему повод ненадолго задержаться. Первый же встреченный постоялый двор имел счастье давать кров его болтливой персоне почти неделю – пока хозяин не заподозрил, что его каким-то дьявольским образом обманы-

вают, и не вышвырнул толстяка на улицу. На самом деле тому не слишком хотелось ехать в Ива-Сколовду, хотя он сам этого не осознавал.

Чуть позже Сальтимбанко остановился и побеседовал с владельцем процветающего хозяйства. Хозяин полагал, что имеет дело с умственно отсталым, но, если речь идет о продаже лошадей, это ему только на руку. Он купил у Сальтимбанко лошадей и колесницу за три слитка серебра, к которым добавил худого, комичного ослика. Животное сгибалось под огромным весом нового владельца, но не обращало на это никакого внимания, продолжая путь на север в роли бесстрастного свидетеля мошенничеств своего хозяина.

Совершив сделку, хозяин смеялся в кулак, но смеялся и Сальтимбанко, который вернул деньги, потраченные в Прост-Каменце, и в придачу приобрел ослика. А ослик составлял половину всего, что ему требовалось, чтобы въезд в Ива-Сколовду одновременно привлекал внимание и демонстрировал полную невинность. Готовясь сыграть роль, он принялся создавать себе репутацию безумного, болтливого и безвредного шута.

Он начал с того, что давал десятки идиотских ответов на вопросы, которые задавали ему в попадавшихся по дороге селениях, и требовал соответствующей оплаты за услуги, а не получив ее, искренне негодовал. Крестьяне из долины реки Серебряная Лента обожали его и платили за само развлечение. По мере приближения к Ива-Сколовде он все больше смеялся себе под нос.

Путешествие на юг продвигалось медленно, и слава опережала Сальтимбанко, что ему, собственно, и требовалось. Вскоре уже в каждой деревне к его приходу были готовы невероятные вопросы, обычно касавшиеся космогонии или космологии – Первопричины, формы Земли, природы Солнца, Луны и звезд. Иногда, однако, люди обращались к нему с просьбой дать совет в более серьезных делах, и тогда он давал какой-нибудь совершенно безумный ответ. Когда два месяца спустя после отъезда из Прост-Каменца он наконец проехал через Южные ворота Ива-Сколовды, о нем уже сложилось определенное мнение. Многие считали его безумцем, которым он притворялся, – и именно на этом основывался его план. Без этого у него наверняка ничего бы не вышло и он никогда бы не увидел вознаграждения за работу, для которой его наняли.

Через неделю после торжественного въезда в город, заняв в достаточной мере странное жилье в бедном квартале и превратив его в таинственный храм, толстяк приступил к делу. Холодным ветреным утром он въехал на осле на Рыночную площадь и отыскал прилавок, принадлежавший встреченному по дороге крестьянину.

– Могу я одолжить пустой ящик? – спросил он у крестьянина.

– Ящик? – удивленно переспросил тот.

– Да, ящик для кафедры, – не моргнув глазом ответил толстяк, стараясь выглядеть откровенным сумасшедшим.

Крестьянин широко улыбнулся. Сальтимбанко улыбнулся в ответ, поздравляя самого себя.

– Такой сойдет?

Сальтимбанко внимательно осмотрел пустой ящик для хранения овощей:

– Неплохо, но низковато. Есть еще один?

– При условии, что вернешь.

– Слово чести.

На краю площади виднелась небольшая груда развалин – остатки разрушенного здания. Именно там Сальтимбанко с некоторым риском для себя разместил ящики, поднялся на них и закричал:

– Покайтесь, грешники! Близок конец света, Страшный суд! Покайтесь! Примите истину, которая даст вам прощение и вечную жизнь!

Стоявшие неподалеку люди повернулись в его сторону. Внезапно испугавшись, с отчаянно бьющимся сердцем, он заставил себя продолжать:

– Близится Страшный суд! Мир вступает в пору смертельного огня! Грешники, отдайтесь любви, что несет вам святая дева Гудрун, Мать-Земля, Непорочная, которая спасет вас для любви! «Дайте мне вашу любовь, – говорит она, – а я дам вам вечную жизнь», – продолжал он, описывая с немалыми добавлениями всевозможной чуши путь истинный, которого Гудрун требовала от своих возлюбленных, чтобы те могли получить ее милость и поселиться с ней в обители под названием Вечность.

Он говорил об адском огне и сере, перечислял ужасающие пытки, уготованные для тех, кому не удалось заслужить любви Гудрун. К интерпретации мифа добавилась немалая доля идей его приемного отца – вроде «люби меня, а не то...», «зачем ты делаешь мне больно», «ах ты, жестокий гаденыш».

Когда-то эта религия была широко распространена на территории Малых королевств, особенно в Кавелине, однако она мертва уже много веков. Ни Сальтимбанко, ни кто-либо из его слушателей не имели ни малейшего понятия, о чем, собственно, речь. Однако он добился успеха – пламенное выступление и угроза близящегося Страшного суда привлекли внимание. Появились новые слушатели, и вскоре собралась толпа. Сальтимбанко набирался все больше смелости, и ему становилось все интереснее, что из этого выйдет. За полчаса он без остатка завоевал души трехсот слушателей, полностью забыв об опасениях. Получив второе дыхание, он умело играл на чувствах толпы.

Результат его выступления оказался именно таким, на какой он и рассчитывал. Это было видно по их лицам, по прикрываемым рукой улыбкам, по осторожным кивкам тех, кто стоял ближе всего и не хотел его обидеть, выразив неодобрение по поводу очевидного безумия. Собственную довольную улыбку он предусмотрительно оставил при себе. Его сочли безвредным симпатичным придурком, вроде тех, кто готов умереть от простуды, выставляя себя напоказ под проливным дождем.

Ему удалось также привлечь к себе внимание властей. В толпе были те, подобных кому он уже встречал в других королевствах, – слишком неприметные, слишком бесстрастные, слишком серьезные под маской безразличия... В общем, не кто иные, как шпионы. Шпионы Королей Бурь, которых наверняка интересовало любое более или менее крупное собрание. Принцесса Непанта оказалась хитрым политиком, позаботившись о том, чтобы оказавшиеся предателями сторонники в случае ее гибели не избежали кары. Их имена и дела стали бы известны любому последующему правительству – и их ждала смерть. Им попросту приходилось ее поддерживать, интересоваться всем, что могло бы стать знаком появления силы, имеющей целью уничтожение принцессы.

Это были люди, державшиеся в тени, – опора правительства, во главе которого Вальтер поставил свою сестру. Именно привлечение их внимания лежало в основе плана Сальтимбанко. Любой, а в особенности они и их госпожа, должен был считать его безвредным клоуном.

– Что думаешь? – спросил один человек-тень другого.

– Какой-то клоун с новым представлением. Могу предположить, что в конце он попросит денег.

И в то же самое мгновение Сальтимбанко именно так и сделал – доказал, что его интересуют не только души слушателей. Он улыбнулся про себя, видя, как шпионы понимающе кивают. На какое-то время он оказался в безопасности.

День за днем, неделю за неделей он выступал с идиотскими речами, бродя по городу, чтобы как можно больше людей могло его услышать. Каждый день он говорил на другую тему, призывая на помощь извечную философскую чушь, чтобы создать о себе мнение невинного безумца. Какое-то время спустя он собрал вокруг себя молодых энтузиастов, появлявшихся во время всех его выступлений. Этим он опасался – не повредят ли они его политическому ней-

тралитету? Молодежь с их дурацкими идеями могла использовать его выступления как прикрытие для своей тайной деятельности. Однако со временем оказалось, что его опасения безосновательны: скучающая молодежь никакой деятельностью не занималась, а собиралась лишь для развлечения.

Поскольку лично ему все это доставляло немалое удовольствие и он неплохо зарабатывал на жертвованиях, недели проходили незаметно. Оставался месяц до начала весны, когда он решил, что город созрел для его главного творения, которое он давно уже готовил, – несомненно комичного для людей с улицы выступления в честь принцессы Непанты. Политические настроения с каждым днем становились все более предательскими, а принцесса стояла перед лицом нарастающего народного протеста. В качестве места для выступления он отважно выбрал входную лестницу Лунной башни.

Поскольку большинство жителей Ива-Сколовды полагали, что его новая речь – очередная вершина в карьере профессионального идиота, Сальтимбанко не сомневался, что они придут за ним, куда бы ему ни хотелось. И в самом деле, толпа собралась такая, какой он никогда прежде не видел. Когда он подъехал к башне, сидя верхом на осле, его уже ждало огромное количество народа, приветствуя радостными возгласами. Обеспокоенная стража башни, силы которой удвоили, неуверенно наблюдала за происходящим.

Заметив его, солдаты успокоились, решив, что теперь следует ожидать лишь взрывов хохота. Сальтимбанко же молился лишь, чтобы не вспыхнуло восстание.

Он неуклюже поднялся по ступеням, ведущим к дверям башни, приподнимая подол монашеского облачения, словно бредущая через ручей старуха. Прежде чем он успел произнести первое слово, по раздавшимся среди толпы возгласам стало ясно, что публика тепло его встретит.

Остановившись на пять ступеней ниже солдат, он повернулся, и из уст его полился поток цветистых похвал в честь Непанты. Вскоре толпа выла от радости.

Непанта сидела в полумраке уединенной комнаты, погруженная в мрачные мысли, забыв об окружающем мире и лишь телом пребывая в реальности. Кошмарные демоны из сновидений преследовали ее теперь даже днем. Она могла заснуть, лишь падая от усталости. После отъезда из Вороньего Грая стало еще хуже, и возникшие было надежды на лучшее пошли прахом.

До нее доносился невнятный рев, словно сквозь плотную завесу.

«Ветер-Оборотень?» – была первая, полная ужаса мысль.

Нет, это человеческие голоса, поняла она мгновение спустя.

Тяжело, словно чувствуя себя вдвое старше, она подошла к выходящему на улицу окну. Укрывшись в тени, она посмотрела на собравшуюся внизу толпу, и ее охватил страх. Она никогда еще не видела столько людей в одном месте. Ужас привел ее в чувство. Отшатнувшись от окна и схватившись руками за горло, она повернулась и бросилась прочь. Дернув за шнур звонка, вызвала капитана стражи.

Он ждал ее вызова и, едва она закончила звонить, уже стучал в дверь комнаты.

– Входи! – приказала она, пытаясь скрыть панику.

– Госпожа?

– Рольф, чем заняты эти люди? – Она нерешительно махнула рукой в сторону окна.

– Какой-то шут выступает с речью, госпожа.

– Кто? – потребовала она объяснений, уверенная, что в голосе ее слышен страх.

Однако капитан, даже если что-то и заметил, ничем этого не выдал. Он ждал, и лицо его не выражало ничего, кроме любопытства.

– Послушаем его, – решила она.

Они подошли к окну, но мало что смогли расслышать сквозь смех толпы, хотя Непанте показалось: она несколько раз услышала собственное имя.

– Отчего они так смеются? – спросила она несмело, словно маленькая девочка.

– О, они считают его великим шутком и клоуном, госпожа, – усмехнулся Рольф, облачиваясь на подоконник.

– И ты, похоже, тоже?

– Собственно, в Ива-Сколовде давно уже был нужен кто-то вроде него. Слишком уж тут все застоялось.

– Кто он такой? Откуда?

– Что ж, госпожа, поскольку люди готовы его слушать – мы попытались это выяснить. Все, что мы узнали: он приехал недавно, после выступлений с проповедями в селениях на юге. Есть свидетельства, что до этого он останавливался в Прост-Каменце. Прибыв в наш город, он провел несколько дней в одиночестве, а затем начал выступать с речами. Теперь он народный герой. У меня нет ни малейших сомнений, госпожа, что он абсолютно безвреден. Люди собираются лишь затем, чтобы над ним посмеяться. И судя по всему, это ему нисколько не мешает. Он неплохо на них зарабатывает.

«Значит, капитан видел мой страх, – подумала она. – И теперь пытается развеять мои опасения».

– О чем он говорит? И почему толпа столь огромна? – спросила она.

Капитан неожиданно смутился, пытаясь скрыть замешательство.

– Ну давай же, Рольф. Я слышала, как он произносил мое имя. Что он обо мне говорит?

– Как прикажешь, госпожа, – пробормотал он, очевидно боясь, что лишится звания капитана. – Это речь в твою честь, госпожа.

В глазах Непанты блеснули искорки огня, который легко мог переродиться в гнев.

– И по этой причине его считают шутком? – гнев сменился яростью, теперь он читался не только в глазах, но и в нахмуренных бровях. – Почему?

Судя по поведению Рольфа, больше всего ему сейчас хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Он покашливал, переминался с ноги на ногу, смотрел то в пол, то на потолок, что-то неразборчиво бормоча.

– Капитан! – рявкнула Непанта. – Мне не по душе эти недоговорки! Когда я в последний раз наказала солдата за то, что он высказал собственное мнение или принес дурную весть? – спросила она уже мягче.

– Не помню, госпожа.

– Если подумаешь как следует, – прошептала она, глядя на окно, – то вспомнишь, что наказания следовали лишь за нарушения дисциплины, а не за исполнение обязанностей, которое мне не нравилось. А теперь говори! Почему люди смеются, когда этот человек возносит мне хвалу?

– Они презирают тебя, госпожа.

Ей показалось, будто в комнате повеяло холодным ветром. Быстро сгущающиеся северные тучи предвещали зимнюю грозу.

– Презирают меня? Но почему? – В тихом вопросе слышалась боль.

– Потому что ты та, кто ты есть, – мягко ответил он. – Потому что ты женщина, потому что в твоих руках власть, потому что ты свергла короля. Почему люди презирают властителей? Именно по этим причинам, – возможно, есть и другие, но прежде всего потому, что ты из Вороньего Грая, их извечного врага. И потому, что их подстрекают изгнанные члены Совета, которых ты по глупости освободила.

Дуновение холодного ветра с Крачнодьянских гор пронизало ее холодом – и душу, и тело.

Неужели отголоски падения империи будут слышны вечно? Ильказар лежал в руинах, но эхо падения все еще ощущали на себе его разбросанные по миру внуки. Темные крылья ненависти до сих пор парили над их жизнью, словно тени кружащих стервятников.

Люди внизу продолжали заходиться от хохота.

– Скажи мне честно, Рольф, разве люди не стали жить лучше, после того как здесь появилась я? Разве налоги не стали ниже? Разве я не забочусь о бедных? Разве я не сменила продажное, ленивое, безразличное ко всему правительство на неподкупное, действенное, ответственное? Разве я не расправилась с преступными группировками, которые прежде являлись чуть ли не вторым правительством? – Она содрогнулась при воспоминании об отрубленных головах на копьях на городских воротах. – Вспомни также о дотациях на торговлю между Итаскией и Прост-Каменцем.

– Все это правда, но подобное ничего не значит для глупцов, госпожа. Я здесь вырос. Твои реформы получили поддержку у мелких торговцев, ремесленников, в особенности скорняков, членов цехов и среди тех рабочих, кто умеет думать. Все они – наиболее пострадавшие жертвы старого правительства и преступных группировок. Но большинство людей твоими бюрократическими штучками не обмануть. Кроме того, богачи, главари преступного подполья и низложенные советники постоянно повторяют им, как, по их мнению, обстоят дела на самом деле. А еще, независимо от реформ, ты – чужая, ты – узурпатор. – Он слабо улыбнулся, пытаясь обратить свои слова в шутку.

Однако комната по-прежнему была полна холода.

На губах Непанты возникла редкая для нее улыбка, и напряжение Рольфа слегка ослабло.

– Чужая – и поэтому тиран, да? Даже если их неблагодарные животы полны впервые за много лет? Что ж, пусть. Их взгляды меня не интересуют... пока они будут себя должным образом вести.

Она на секунду задумалась. Рольф молча ждал, не замечая боли, которую причинили его слова.

– Я вспоминаю высказывание кого-то из древних мудрецов, которое прочитала в старинном пергаменте в домашней библиотеке, – сказала она наконец. – Он писал: «Человек становится мудрецом, лишь когда осознает собственный недостаток мудрости», а потом его рассуждения приводят к тезису, что массы – стадо ослов, поскольку в своем невежестве они приходят к убеждению, будто знают уже все, что стоит знать.

Рольф ничего не ответил, пребывая в необычной для него задумчивости, возможно, потому, что сама она вдруг оказалась крайне разговорчивой... Она вырвала его из размышлений, внезапно сменив тему:

– Тот человек всегда говорит обо мне?

– Нет, госпожа. Каждый день что-то новое, и, прошу прощения, речь всегда идет о каких-то идиотизмах. Насколько я знаю, он впервые пробует силы в политике, хотя вряд ли тут можно с чем-то спорить.

Холодный ветер усиливался с каждой минутой.

– Приведи несколько примеров.

Рольф вновь ощутил твердую почву под ногами, несколько расслабился и, усмехнувшись, поделился с ней услышанной бессмыслицей:

– Вчера, например, он утверждал, что Земля круглая.

Непанту тут же охватило любопытство.

– Еще пример!

На этот раз уже не смеясь, Рольф поспешно сказал:

– В другой раз он говорил, что Солнце – обычная звезда, только находится ближе. Скаане, местный философ, выступил против его тезиса. Начался настоящий спор безумцев, Скаане к тому же утверждал, что Земля вращается вокруг Солнца...

– А что он говорил раньше?

Рольф с трудом сохранял серьезность.

– Что-то религиозное. Заявлял, будто с каждой седьмой реинкарнацией душа вселяется в животное, природа которого ближе всего к природе данной личности. Как он утверждал, его осел – это Вилис, последний король Ильказара.

На губах Непанты промелькнула тень улыбки.

– Продолжай.

Рольф улыбнулся, вспомнив отличный пример:

– Неделю назад Земля изменила форму. Раньше она была большой лодкой, плывущей по морю эскалонского вина, которую приводила в движение большая утка, привязанная к корме. В тот день он был пьян, возможно, потому и видел весь мир как море вина.

На лице Непанты вновь появилась редкая улыбка.

– Приведите его сюда!

– Госпожа, если сейчас мы ему помешаем, они бросятся на штурм башни!

– Что ж, подождем, пока он закончит.

– Да, госпожа.

Она подошла к северному окну. Вдали маячили покрытые снежными шапками вершины Крачнодьянских гор. Выл северный ветер, предвещая снег.

Едва увидев Рольфа в дверях башни, Сальтимбанко понял, что тот появился не просто так. Пять минут спустя его выступление достигло шумной кульминации, и через четверть часа улица перед башней уже опустела – остались только его осел и ящик для подаваний, полный до краев.

Рольф пригласил толстяка в башню. С трудом скрывая дрожь, Сальтимбанко последовал за ним. До комнаты Непанты он добрался, тяжело дыша и фыркая, словно умирающий дракон. Лицо его побагровело, по лбу и щекам стекал пот.

Дверь в комнату Непанты была открыта настежь. Рольф вошел, не ожидая приглашения.

– Вот человек, которого ты желала видеть, госпожа.

– Спасибо, капитан, – ответила Непанта, отворачиваясь от северного окна. – Можешь идти.

– Но...

– Ты сказал, что он совершенно безвреден.

– Да, но...

– Если мне потребуется помощь – я буду кричать во все горло. Иди!

Он вышел.

– Ну? – спросила Непанта, поворачиваясь к гостю.

Не услышав в ответ ни слова, она повторила вопрос, на этот раз громче.

Сальтимбанко пытался стряхнуть оцепенение, овладевшее им при виде этой женщины. Она была прекрасна – волосы цвета воронова крыла, черные глаза и изящный овал лица. Заметил ли он след одиночества и страха за покрывавшими лоб морщинами, которые он в той или иной степени ожидал увидеть? К его удивлению, женщина несколько не походила на стареющую гарпию, образ которой сложился в его воображении. Судя по всему, возраст Непанты приближался к тридцати годам, но старой ее нельзя было назвать. Он подозревал, что задача его может оказаться куда менее неприятной, чем казалось на первый взгляд.

Его вырвал из размышлений ее голос.

– Да, женщина? – Решив до конца играть свою роль, он не собирался кланяться перед чьим бы то ни было благородным происхождением, не признавая ничьего превосходства.

– Кто ты, учитель? – спросила она, именую его почетным титулом, с которым обычно обращались к ученым.

Вопрос оказался довольно неожиданным, однако полученная на улицах практика позволила ему достаточно пространственный и вместе с тем ничего не говорящий ответ.

– Я Сальтимбанко. Скромный бедный приверженец Единственной Великой Истины. Нищий бродяга, прославляющий Святое Слово. Я – Единственный Истинный Пророк, а также Спаситель Мира. Я – усталый Носитель Космической Мудрости. Я – Сын Короля Тайного Знания...

– И Принц Лжецов! – рассмеялась Непанта.

– Это лишь одно из обличей тысячегранного драгоценного камня Великой Истины!

– И в чем же состоит эта великая истина?

– Великая Истина! Хей! Это чудо всех веков, расцветающее перед искоркой в больших и прекрасных глазах благородной дамы...

– Пожалуйста, покороче, ты не торговец, расхваливающий товар.

– Итак – Великая Истина гласит: все – ложь! Все люди – лжецы, все вещи и дела – ложь. Вселенная, Время, Жизнь – все это космические шутки, из которых сплетены мелкие ежедневные обманы. Даже самой Великой Истине не стоит доверять.

Непанта прижала руку ко рту, скрывая усмешку:

– Не слишком оригинально – Этриан из Ильказара, пять веков назад... хотя все равно интересно. Ты всегда следуешь своей вере, то есть не говоришь ничего, кроме лжи?

– Конечно! – возмутился он, словно она оспаривала его достоинство.

– И это очередная ложь. – Она опять рассмеялась и тут же спохватилась.

Смех замер на ее губах, сменившись удивлением. Сколько прошло времени с тех пор, когда у нее появлялся настоящий повод для веселья? Неужели этот толстяк, который наверняка не такой дурак, каким притворялся, способен рассмешить ее и до слез?

– Почему ты проповедуешь столь странные вещи?

Сальтимбанко, едва скрывавший страх под беззаботной маской, задумался, прежде чем ответить. Сейчас лучше всего подходила полуправда, которая могла бы перевести разговор в иное русло.

– Неисчислимы ряды людей, которые считают меня не более чем хвастливым торговцем чепухой. Хей! Именно они – самые большие глупцы. Они приходят лишь затем, чтобы я развлекал их веселым зрелищем. А потом, уже после представления, многие подходят к бедному толстому идиоту и дают ему денег, чтобы уберечь от неприятностей, которые он сам себе создает. Только подумай, госпожа! В толпе перед башней сегодня было много народу – три, четыре, а может, и пять тысяч. Возможно, лишь тысяча из них пожалела несчастного идиота. Каждый бросил грош – всего один мелкий грош, хотя некоторые давали и больше, – в корзину, которую сторожил очень грустный и голодный осел, принадлежащий крестину-проповеднику. За месяц я неплохо заработал – десять крон с лишним. Так что пусть будет так и дальше, каждый день в году. Поскольку я человек экономный, я теперь стал богаче любого среди тех, кто смеется над проповедником-идиотом. Хей! И тогда я тоже смеюсь! Но тихо, молчком. Людей легко разгневать так, что они начнут убивать.

Сальтимбанко усмехнулся при мысли о том, как он одурачивал тех, кто считал его глупцом, но тут же понял, что поступил неосторожно, брякнув о накоплениях. В голове у него взвыли волки ужаса. Да, он был профессионалом, но так и не научился полностью подавлять эмоции, когда ситуация становилась напряженной. И все же ему удалось их скрыть.

– Тебе нравится, когда люди над тобой насмеются?

– Хей! Я же актер, верно? Да, многие смеются над толстяком, и никакой радости с этого нет. Но толстяк этот известен тем, что его радует золото, столь хитрым образом добытое из чужих кошельков. В поединке между толпой и Сальтимбанко за то, кто кого больше одурачит, результат ничейный.

Непанта отвернулась к северному окну, вглядываясь в грозовые тучи, собирающиеся над Крачнодьянами. Затем она снова повернулась к Сальтимбанко, вырвав его из минутной задумчивости.

– Поужинаешь со мной сегодня? – спросила она и тут же судорожно вздохнула, поняв, сколь безрассудно себя повела, и так до конца и не осознав, что произошло и почему она так поступила.

Она знала лишь, что ее радует общество этого откровенно жуликоватого, внешне веселого, но на самом деле перепуганного человека. Возможно, она чувствовала некое с ним родство.

Пока они стояли, глядя друг на друга, башни коснулись первые порывы снежной бури, и Непанта побежала закрывать окна.

Сальтимбанко действительно поужинал с ней, а потом воспользовался приглашением укрыться от бури и остался на ночь. На следующий день они долго беседовали, что в итоге завершилось очередным совместным ужином, а потом очередным приглашением остаться на ночь. Наутро Непанта предложила стать его покровительницей. Делая вид, что лишен какой бы то ни было гордости, Сальтимбанко тотчас же принял ее предложение и быстро переселился в башню вместе с ослом и остальным имуществом. Комната, которую ему выделили, находилась возле покоев Непанты, что вызвало множество разговоров среди прислуги. Однако, как бы они ни старались, даже самые опытные шпионы не смогли бы обнаружить ничего непристойного в их взаимоотношениях.

4

590–605 гг. от О. И. И Каким одиноким стал город

Потеряв самых близких ему людей, охваченный горем, Варт решил пойти путем, о котором думал уже давно. Как только завершился сбор урожая, он навестил учителя-священника и попросил его помочь с продажей хозяйства. Полученные деньги вместе с теми, которые оставил ему Ройял, он закопал недалеко от реки, а потом сложил скромные пожитки в старую кожаную сумку и отправился в Ильказар.

Вскоре среди многочисленных городских нищих появился новый, который, однако, был намного сообразительнее остальных и постоянно учился. Но, как и прежде, он никому особо не бросался в глаза, поскольку никто не уделял уличному мальчишке даже взгляда. Он похудел, одичал и огрубел, но с возрастом становился все умнее.

Но, как и раньше, он оставался немым – и оттого чужим. Те, кто был старше его, чувствовали себя в присутствии Варта беспокойно, хотя понятия не имели отчего. Возможно, дело было в холодном взгляде или в том, как в едва заметной улыбке приподнимались уголки губ, обнажая клыки, едва кто-либо намекал ему о планах на будущее. В его взгляде было нечто, заставлявшее взрослых отворачиваться, словно он казался им изголодавшейся тварью, только и думавшей о том, как их сожрать.

Однако его странность притягивала к нему таких же сирот, как и он сам. К нему относились с уважением и страхом, так взрослые дрожали перед великими чародеями и королем. Он тоже вскоре стал королем – властелином мрачной империи нищих и воров, считавших, что его власть им только на пользу. Он напоминал маленького костлявого идола, а личный двор разместил на углу Крестьянского рынка, умелым правлением принося своим сторонникам беспрецедентные богатства.

Но как бы ни восхищались Вартом в роли властителя его сторонники, их весьма беспокоило то, чем он занимался по ночам. Он часто отправлялся в Дворцовый район, где разглядывал замок короля или дома могущественных чародеев. Он ни разу не пропустил церемонию сожжения ведьм, хотя сами осужденные редко привлекали его внимание. Широко раскрыв

глаза, он всматривался в закрытые черными капюшонами фигуры и в чародеев, которые пришли проследить за тем, как свершается «справедливость».

Ибо какая то была справедливость? Зачем нужно было сжигать ведьм в городе, которым правила магия, сделав тем самым его великим? Что бы ни говорил король, но его политику и политику империи определяли махинации чародеев. Каким могуществом обладали ведьмы, если оно повергало магов в ужас?

Старое пророчество – в Ильказаре все, от короля до последнего нищего, несокрушимо верили в черную магию – гласило, что город и империя падут от рук ведьмы. В итоге великие чародеи пришли к выводу, что вряд ли мертвая ведьма сможет исполнить пророчество, и потому немедленной казни подвергались все женщины, на которых падала хотя бы тень подозрения. Или чьим имуществом пожелал завладеть кто-то из чародеев – поскольку собственность ведьмы переходила тому, кто ее выследил.

Пользуясь заработками, которые приносила его нищенская империя, Варт посещал некоторых чародеев и покупал у них знания. Изображая полного энтузиазма немого мальчишку, он разузнал у них множество секретов. В их глазах он был всего лишь забавным отклонением среди других детей. Как и многие не столь умные люди, они совершали привычную ошибку, считая детей, наряду с другими мелкими зверьками, существами порой забавными, порой утомительными, но никогда не интересующимися чем-либо серьезным. Чародеи из Ильказара были стары и давно уже забыли, что такое молодость, – о чем, впрочем, забывает большинство людей. Таким образом, за время своих визитов Варт вызнал секреты, которые наверняка хранились бы в строгой тайне от кого-нибудь постарше.

От чародеев и от священников, у которых вызвали интерес к его персоне сообщения его бывшего учителя, Варт получил великолепное образование. Он едва не рассмеялся, узнав наконец о пророчестве, ставшем причиной смерти матери. Позднее он узнал, что завистливый чародей хотел заполучить ее обустроенный дом, королю же ее смерть могла обеспечить решение ряда проблем личного, политического и финансового характера.

Однажды ночью кто-то нашел его плачущим. С тех пор он получил новое имя – Вартлоккур, Молчун-Живущий-в-Печали. Вартлоккур стал выдающимся актером. Пользуясь жалостью, с которой другие относились к его немоте, он подчинял сильных людей своей воле. Чародеи учили его, священники принимали со всей душой. Его последователи сами помогали ему реализовать тайные планы, даже не ведая их сути – зная лишь, что они у него есть. Он стал одним из самых знаменитых мальчишек Ильказара и одной из его интригующих тайн.

Однажды несколько священников собрались и, не желая видеть, как впустую пропадает ум мальчика, решили оплатить его образование. Но когда они пришли, чтобы ему об этом сообщить, оказалось, что он исчез. Выбрав себе двенадцать спутников, он покинул город. Куда он ушел? Почему? Священники какое-то время беспокоились о нем, но потом забыли. Было в нем нечто такое, о чем они предпочитали не вспоминать.

Перевал Лао-Па-Син находился в двух тысячах миль к востоку от Ильказара, будучи единственной дорогой, позволявшей преодолеть двойную горную цепь – Костяные Столбы и Небесные Столбы. К западу от него располагались города-государства, мелкие королевства и обширная империя Ильказара. На востоке простирался Шинсан, Империя Ужаса, внушавшая страх из-за царивших там чар и веры в зло. Вдоль западных склонов гор раскинулись плодородные Форсенские степи, словно созданные для пастбищ. Однако бесполезно было искать на них племена кочевников – слишком близок был Шинсан...

Через много месяцев после того, как Вартлоккур покинул Ильказар, весенним днем с перевала Лао-Па-Син спустился верхом двенадцатилетний мальчик, нисколько не похожий на жителей Шинсана. Его белая кожа, характерная для людей с запада, потемнела от солнца, но не обладала янтарным оттенком, свойственным жителям востока. Лицо его выражало смешанные

чувства – страх, который вызывало прошлое, и надежду на лучшее будущее. Преодолев перевал, мальчик остановился, чтобы убедиться: его пропуск на свободу все еще при нем. Достав из седельной сумки пергамент, он развернул его и взгляделся в слова, которые не мог прочитать.

Королю и чародеям Ильказара: вспыхнет гнев мой, и погублю вас мечом, и жены ваши станут вдовами, а дети ваши сиротами.

Вместо подписи – лишенный каких-либо черт овальный символ.

Послание не вызвало особого интереса в Ильказаре – лишь пересуды насчет наглости отправителя, но ни капли страха. Посланник не назвал страны, откуда он прибыл.

Год спустя еще один юноша с испуганным взглядом, мчавшийся так, словно за ним гнался сам дьявол, принес следующее письмо:

Королю и чародеям Ильказара, осудившим по ложному обвинению женщину по имени Смирена: «Кто сеет ветер, пожнет бурю».

На этот раз послание было подписано не только пустым символом, но и стилизованной маской смерти и вызвало куда больше домыслов, нежели предыдущее, поскольку гонец признался, что прибыл из Шинсана. Из архивов извлекли историю дела Смирены. Ее сын избежал участи ведьмы! Страх пронзил сердца жителей города, повсюду шептали о древнем пророчестве.

Но ничего не случилось, и вскоре обо всем забыли – пока не прошел еще год и не прибыл третий посланник, а за ним следующий, и так происходило год за годом, пока король и чародеи не поверили. Они наняли убийц – даже могущество чародеев Ильказара не могло пробить магический щит, охранявший Шинсан, – но те сбежали по дороге. Никто не был настолько глуп, чтобы отправляться в Шинсан.

Что толку от богатств в день гнева?

Под двенадцатым посланием виднелось двенадцать символов, и каждый нес в себе грозное обещание. Король и чародеи изо всех сил пытались убедить друг друга, что их власти и могущества хватит, чтобы отдалить любую угрозу.

На тринадцатый год Шинсан покинул еще один юноша, и глаза его были столь же полны страха, как и у предшественников. Преодолев Форсенские степи, он остановился в Некремносе на берегу реки Роэ. Как в городе, так и в восточной части степи ему часто встречались легионы Ильказара. Некремнос был протекторатом империи, и признание ее верховной власти являлось альтернативой кровавой, обреченной на поражение войне. Мощь Ильказара, основанная на сочетании магии и военного совершенства, оставалась непобедимой.

Птотор Лысый, король Некремноса, был умнее, чем подозревали его подданные. Он прекрасно знал о тяготеющем над Ильказаром пророчестве и предвидел, что судьба нанесет удар еще во времена его правления.

Вартлоккур пообщался с королем, поговорив с ним о закате империй.

В Шемерхане он обнаружил разрушенный город, осажденный гарнизоном захватчиков. Жители его голодали, вынужденные прилагать все усилия, чтобы выплатить наложенные Ильказаром контрибуции. Вартлоккур встретился и с его королем, а затем отправился в Гог-Алан.

Город тоже оказался завоеван, и положение в нем было еще хуже, чем в предыдущем. За то, что он слишком долго давал отпор захватчикам, его лишили всяческой чести и достоинства. Когда-то гордые жители не имели теперь права ни на какую часть своих доходов, кроме того, что могли заработать их женщины, удовлетворяя похоть вражеских солдат. И на этот раз Вартлоккур сперва поговорил с лишенным реальной власти королем, после чего поехал дальше.

Преодолев перевал к западу от Гог-Алана, он направился на юг, вступив на территорию Джебала-аль-Альф-Дхулкварнени, мертвой части мира, которой не владел ни один король. Наконец он добрался до долины Себиль-эль-Селиб, что означало Крестный путь, где первый король-император Ильказара поймал в ловушку и распял на крестах тысячу мятежников из числа знати. Там он поставил лагерь и занялся приготовлениями.

Несколько дней спустя он вошел в город, которому был обязан жизнью и немалой болью. У ворот ему навстречу вышли чародеи, ожидавшие ежегодного послания, которое, однако, на этот раз гонец не собирался передавать никому, кроме самого короля. Послание требовало смерти на костре для Вилиса и семи раз по семь чародеев Ильказара в качестве покаяния за преступление, совершенное над Смиреной. Как и следовало ожидать, требование отвергли. Послание заканчивалось обещанием голода и мора, землетрясений и небесных знамений, появления многочисленных, как звезды на небе, врагов, а на печати стояло число «13».

Печать так и оставалась загадкой. Однако, заметив мистическое число, чародеи пришли к выводу, что врага следует искать среди них. Они обыскали весь город, но он уже исчез. Они перетряхнули всю империю, но все равно ничего не нашли. С тех пор страх стал постоянным участником их совещаний, однако так ничего и не произошло. По крайней мере, не сразу.

Падение Ильказара описано в «Чародеях Ильказара» – сомнительной правдивости эпосе о последних днях короля Вилиса, наверняка содержащем множество преувеличений. Начинается он следующими словами: «Ах, каким одиноким стал столь многолюдный город! Как похож он на безутешную вдову, когда-то величайший среди всех городов!»

На границы империи хлынули варвары. Мятежи охватили вассальные государства. Странная эпидемия деморализовала войско, сокращая ряды. В небе взорвалась и погасла звезда. В самом Ильказаре видели дракона, пересекавшего в полнолуние лунный диск. Никогда не случавшаяся в это время года буря уничтожила флот на море Котсум. На западном побережье не давали покоя тролледингские пираты.

Слова песни гласят: «Она плачет и плачет посреди ночи, на лице ее слезы, но никто из друзей ее не утешит... [строка утрачена]... и стали они врагами».

Мятежи в вассальных государствах перешли в открытый бунт. Целые армии оказались побеждены, застигнутые врасплох. Ростовщики из Ильказара жаловались, поскольку не получили назад долги, которые они предоставили империи. Те, кто делал свое состояние на торговле награбленным, ворчали, поскольку новых завоеваний больше не было. Запасы подходили к концу, и люди роптали.

Король, как это свойственно политикам, пытался сдержать недовольство, выступая с очередными речами. Он обещал невозможное, в которое, однако, верил...

И все же сдержать мятежников ему не удалось. Они были слишком многочисленны, действовали во многих местах, а их ряды росли с каждым днем, к тому же посланные против них войска каждый раз преследовали неудачи – наводнения, протухшая еда, болезни. И с каждым победоносным мятежом поднимались все новые завоеванные народы.

По всему Ильказару кружили мрачные беспокойные слухи, что, когда придут вражеские солдаты, город подвергнется неслыханным жестокостям. Люди бежали прочь, пока король не объявил эмиграцию уголовным преступлением. Глупец. Он поступил бы намного лучше, если бы сам как можно скорее избавился от очередных голодных ртов.

В том году на землях Ильказара не собрали никакого урожая. Спорынья, черви, долгоносик и саранча уничтожили все. Единственным источником пищи стали запасы с прошлых лет и сокращающийся с каждым днем ручеек податей.

Хотя мысль о чародеях из Ильказара тревожила их, взбунтовавшиеся короли и жадные до добычи варвары собрали силы и объединились против империи.

Как пишет поэт: «Павшие от меча счастливее тех, кто умер от голода, обессилив без плодов земли. Полные сострадания женщины варили собственных детей, ставших пищей в дни гибели их народа».

Под Ильказаром стояли хорошо накормленные войска с высоким боевым духом, который они обрели, побеждая имперские легионы. Они гордо проводили тучные стада перед наблюдавшими со стен людьми. В самом же городе трупы крыс продавались за серебряный шекель,

пойманные живьем стоили вдвое дороже. Люди боялись собственных мертвецов, предвещавших эпидемию.

Исчезли все собаки и кошки, так же как лошади королевской кавалерии и животные из королевского зверинца. Город кишел слухами. Исчезали дети. Отличавшиеся хорошим здоровьем опасались обвинений в людоедстве. Иногда тела умерших от болезней находили с отгрызенными кусками мяса, – возможно, то была работа крыс, а может, и нет...

Осада продолжалась. Однажды из окружавшего город лагеря выехал мрачный юноша, которого слегка пугал сам город и до сих пор жившие за его стенами чародеи. Уверенности ему придавало лишь то, что магию их нейтрализовали способности единственного человека, обученного таинственным магом-тервола и Принцами-Чудотворцами из Шинсана. С собой он вез пергаментный свиток. Кто-то заметил, что произошло это ровно через год после получения предыдущего послания. В нем повторялись предыдущие требования Вартлоккура, однако с существенным дополнением – списком людей, которых следовало выслать за стены города и перед которыми должен был унизиться сам король.

Вилис стал более сговорчив. Пять дней спустя на стенах города начало что-то происходить. Короли и генералы мятежников, одетые в черное, на вороных конях, с развевающимися над головами черными знаменами подъехали к городским стенам, остановившись на расстоянии выстрела из лука.

Когда солнце поднялось в зенит, на стенах установили семь групп высоких кольев, по семь в каждой. К кольям были привязаны облитые сырой нефтью главные чародеи. Сам король принес факел и поджег их всех. Наступила долгая тишина. Ни одно облачко не пятнало чистого неба. Казалось, замерли все живые существа на земле, чего-то неуверенно ожидая. А затем запах достиг ноздрей наблюдателей, и вонь горелого мяса испугала лошадей.

Молчун ничем не выразил своих чувств. Победа его еще не стала окончательной.

Когда огонь закончил пожирать тела, открылись ворота и из них, шатаясь, вышли худые, измученные люди. На глазах у всех король упал на колени, целуя покрытые пылью ноги каждого, кто проходил мимо. Их была всего горстка выживших среди тех, кто когда-то помог или оказал небольшую услугу несчастному сироте, – в том числе мужчина в порванной черной мантии палача и пожилой сержант. Среди них были также священники, несколько чародеев рангом пониже и несколько потасканных шлюх, когда-то в той или иной степени заменявших ему мать.

Ворота закрылись. Вартлоккур ждал. Солнце медленно клонилось к закату. Он послал гонца.

– Где третья часть покаяния? – спросил всадник.

– Вы получили все, что я могу вам дать, – ответил король Вилис. – Моя власть и империя обратились в прах. Хватит жестокостей! – Схватив лук, он выстрелил в гонца, но промахнулся.

– В таком случае Ильказар умрет! – гонец уехал.

Вартлоккур долго сидел, погруженный в размышления. Несмотря на обещания, он надеялся, что ему не придется воплощать их в жизнь. Собственно, ему никто не был нужен, кроме Вилиса. Но вместе с ним были короли, доверившиеся его слову.

Короли ждали. Город тоже ждал. Наконец Вартлоккур решился. Подняв правую руку, а затем левую, он призвал на помощь то, что приберегал специально для этого случая, – Силу, которой не владел ни один чародей, столь незаметную, что сперва лишь лошади что-то почуяли, а затем задрожала земля. Короли перепугались, увидев могущество Вартлоккура. Дух земли, король земных стихий, известный тем, что никто, кроме самых знаменитых мастеров восточных чар, не мог его укротить, прибыл на зов.

Дрожь сменилась землетрясением. Рухнули городские ворота. Свалились со стен колья с привязанными чародеями. Задрожали шпили и минареты. А земля тряслась все сильнее, и уже рушились большие здания. Пошла трещинами толстая городская стена, самое массивное

сооружение Ильказара. У Вартлоккура уже болели руки, онемевшие оттого, что приходилось все время держать их поднятыми, и от шедшей через них Силы. Однако рук он не опускал: сделай он это раньше времени – и дух земли бросил бы не до конца выполненную работу. Ильказар же остался бы достаточно могущественным, чтобы штурм его обошелся чересчур дорого. Вспыхнуло пламя, распространяясь по городу. Пыль, поднимавшаяся от рушащихся домов, смешивалась с дымом пожаров, заслоняя небо. Большое правительственное здание осело в реку Эос, впадавшую в Ильказар через огромную прочную решетку, перегородив течение, и часть города затопило.

Наконец, удовлетворившись, Вартлоккур позволил землетрясению прекратиться и спустил двуногих псов. Воины почти не встретили сопротивления, сам же он во главе с королями направился к дворцу.

Вилиса нашли среди руин цитадели, где он сидел, раскачиваясь из стороны в сторону и пуская слюни. К груди он прижимал корону, распевая детскую песенку. Поспешно очистив от обломков угол площади Казней, солдаты извлекли из-под них украшенный резьбой столб и привязали к нему короля. Принесли огонь, и Вартлоккур встал перед Вилисом с факелом в руке.

Его сторонники ожидали, что он рассмеется или начнет хвастаться тем, что наконец может отомстить, но он молчал. Они ожидали, что сейчас он наконец впервые за десятилетия заговорит и скажет что-нибудь вроде: «Когда окажешься в аду, вспомни мою мать», но ничего такого не последовало. Когда Вартлоккур нарушил все же затянувшееся молчание, он произнес лишь несколько слов:

– Из-за тебя я стал одиноким, королевский Ильказар.

Он отбросил факел и, опустив голову, медленно вышел из города, предоставив вершить милосердие или кару своим последователям.

Поэт, которого трудно назвать беспристрастным, завершает поэму горьким проклятием, навечно наложенным на Ильказар. Но прежде чем его творение заканчивается, в нем можно найти короткое упоминание о том, почему Вартлоккур отбросил факел. В то время никто не пытался его понять, а позднее вопрос этот мало кого интересовал, кроме нескольких ученых. Уничтожение Ильказара и смерть его короля означали для Вартлоккура потерю единственного настоящего товарища – цели, к которой он шел четырнадцать лет. Маска торжества лишь скрывала горечь поражения.

5

Весна 996 г. от О. И. И
Преданная всеми

Ночь в Ива-Сколовде, конец дикой бури – скорее всего, последней в эту зиму. Крачно-дьянские горы и долина Серебряной Ленты лежали погребенные под искрящимся снегом, и воздух не теплел настолько, чтобы он начал таять. Река на плоскогорье высоко поднялась: еще фут – и наводнение затопит восточные стены, а несколькими милями ниже по течению ее ско-вывал лед. Ветер завывал зауспокойную песню вокруг Лунной башни. То была ночь, от которой можно ожидать событий, способных потрясти мир, ночь, словно созданная для Ветра Судьбы.

С тех пор как появился толстяк, Непанте спалось намного лучше. Он не мог полностью прогнать демонов из ее мыслей, но по крайней мере некоторых укротил. Но в эту ночь она снова не спала, расхаживая по комнате, хотя причиной тому не были давние страхи. Шепчущий в щелях окон и ставен ветер нес на крыльях некое предчувствие. Страх прогнал любые мысли о сне. Порой ей удавалось увидеть мгновения грядущих событий, хотя видения эти редко бывали отчетливыми. В Ива-Сколовде происходило нечто ужасное – она чувствовала это уже много часов, но не могла понять, что именно.

Взглянув в выходящее на север окно, она наконец обнаружила видимую причину беспокойства. К северной стене по небу ползло зарево, становившееся все ярче. Она знала, что это означает. Пожар. Но что же это за пламя?! Чтобы вызвать подобное зарево, огонь должен стать полностью неукротимым. Чувствуя нарастающую тревогу, она подошла к приготовленной на утро одежде.

Она едва закончила одеваться, проклиная сломанный ноготь, когда послышался стук в дверь.

– Входи! – крикнула она, уверенная, что любой услышит в ее голосе нескрываемый ужас. Вошел Рольф. Лицо его было мрачнее тучи.

– Что там?

– Дурные известия, госпожа.

– Я видела огонь. Что происходит?

– На нас напали. Бандиты с гор перебрались через стену. Их около тысячи, они убивают и грабят.

Непанта нахмурилась. Что за дьявольщина?

– Учитывая обстоятельства, – продолжал Рольф, – солдаты делают все возможное, сражаясь до конца.

– Рольф, не хочу обвинять тебя во лжи, но... мы оба знаем, что столь многочисленных горских племен просто нет. Каждое из них едва способно выставить сотню воинов, включая калек, стариков и мальчиков. И что же это за обстоятельства?

– Возможно, я слегка преувеличиваю, однако, клянусь, их больше пяти сотен. Я собственными глазами видел по крайней мере дюжину племенных тотемов. У них также есть некий вождь. Обстоятельства же таковы: твои враги в городе присоединились к бандитам, атаковав нас с тыла; наши же сторонники атакуют их. Царит полный хаос. Я не в состоянии одновременно поддерживать общественный порядок и защищать город.

– Когда это началось?

– Три часа назад, госпожа.

– Почему мне не сообщили?

– Сперва казалось, что в том нет необходимости. Потом уже не было времени.

Звуки борьбы и бушующего пожара, сначала едва слышимые, постепенно достигали ушей Непанты. По улицам под ее окном украдкой пробирались тени – некоторые убегали, другие спешили в сторону кварталов, где шел бой.

– Ты видел вождя горцев? Как он выглядит? – спросила она, прекрасно зная, каков будет ответ Рольфа.

– Высокий, худой, смуглый, с ястребиным лицом и глазами, в которых горит адское пламя. Он не горец, не с севера, не из Ива-Сколовды и не с запада. Думаю, он южанин, из пустыни. Я слышал его имя, но сейчас не могу вспомнить. Его называют чародеем.

– Вартлоккур! – Непанта выплонула имя, вложив в него весь свой гнев и страх.

– Госпожа? – Рольф наморщил лоб. Он уже где-то слышал это имя. Где? Ах да, старая песня «Чародеи Ильказара». Но в том не было никакого смысла – Вартлоккур жил сотни лет назад.

– Меня уже много лет тревожит это имя, Рольф. – Она чувствовала себя маленькой, растерянной, напуганной девочкой. – И что мне теперь делать? Почему Турран оставил меня здесь одну? Он бы знал, что предпринять.

Впервые за долгое время она расплакалась. С каждым мгновением ее рыдания становились все более истеричными, пока в конце концов не сменились судорожными спазмами.

Не зная, что делать, испуганный Рольф побежал в покои Сальтимбанко. Толстяк проснулся с цветастым многоэтажным ругательством на устах, проклиная на многие поколения всех незаконных детей Рольфа.

– Заткнись, Насмешник, и слушай, дьявол тебя побери! – Он схватил толстяка за полы ночной рубашки, готовый отвесить пощечину.

Сальтимбанко взгляделся в склонившееся над ним мрачное лицо, размышляя над услышанным именем:

– Что случилось?

– Гарун уже здесь. Раньше, чем ожидалось. Численное превосходство не на его стороне, но мне настолько удалось все запутать, что ему не остается ничего иного, кроме как победить.

– Надо полагать, в том и заключался план?

– Да. Но когда я сообщил о нападении и описал Гаруна, та женщина впала в истерику и понесла какую-то чушь насчет Вартлоккуров, Фангдредов, Эль-Кабаров... Лучше бы ты ее успокоил, иначе из-за нее вся операция пойдет прахом...

– Я признанный мастер по успокаиванию истеричек. Однако мне не нравится, когда в моем присутствии произносят тайные имена. Насмешник мертв...

Несколько секунд спустя Сальтимбанко вошел в покои Непанты, устроился поудобнее, усадив ее себе на колени, и принялся утешать, пытаясь заодно понять, что стало причиной ее нервного срыва, но тщетно. Непанта уже пришла в себя.

– Я, – внезапно заявил он, резко вставая и подхватывая ее, чтобы не упала, – готов дать отпор шипастым древкам копий варварских орд, речами своими поднимая дух отважных солдат!

Он исчез, прежде чем она успела что-либо сказать.

Пусть Непанта и застыла там, где усадил ее Сальтимбанко, но все же к ней вернулось самообладание, достойное Королей Бурь.

– Рольф! – крикнула она. – Пошли человека в Вороний Грай с известием о том, что здесь произошло, а также вели ему передать имя Вартлоккура. Турран поймет, о чем речь. Да, и попроси подкрепления. Потом созови мою гвардию и выведи лошадей. Обеспечь путь к отступлению. И попробуй найти Сальтимбанко, прежде чем его убьют.

Она прекрасно понимала, что просьба о подкреплении лишена смысла. Сражение будет выиграно или проиграно еще до того, как Турран получит известие. Но возможно, он приведет достаточное количество людей, чтобы отбить город.

Сальтимбанко спешил в северный квартал – намного быстрее, чем якобы позволяла его комплекция. По дороге он то и дело пугал встречавшихся ему солдат смелыми патриотическими речами, обещаниями быстрой победы и призывами к немедленному мощному контр наступлению. Его давно известная слава выбирать самое худшее убеждала солдат, что они, собственно, уже побеждены.

Бои тем временем переместились в восточную часть города, населенную мелкими торговцами и ремесленниками – прежде всего скорняками, продукция которых славилась далеко за пределами родного края, – одновременно являвшимися ярыми сторонниками Непанты. Атака постепенно захлебывалась, по мере того как они все яростнее защищали дома. К сожалению, новых подразделений, которые можно было бы бросить в бой, пользуясь возникшим преимуществом, не было.

Сальтимбанко неожиданно появился у Северных ворот, на командном посту захватчиков. Пронзительно крича, он дал знак сообщникам, прежде чем горцы пронзили его копьями. Человек по имени Гарун быстро втолкнул его внутрь захваченного дома.

Сальтимбанко сел напротив захватчика. Их разделял лишь поцарапанный дубовый стол.

– Думаю, великий генерал слишком рано нанес удар... хотя и поступил смело, добившись успеха.

Сидевший напротив него худой смуглый мужчина долго молчал, затем прошепел:

– У меня есть талант. Покупатель хорошо заплатил. За деньги я предлагаю товар соответствующего качества.

– Как и я, – ответил Сальтимбанко.

Холодность и отстраненность Гаруна внушала ему беспокойство. Неужели что-то пошло не так? Сальтимбанко вздохнул. Этот человек всегда так себя вел в критические моменты своих зрелищных, хотя и мелких, партизанских войн. Иным он и не мог быть – ему требовалась полная отрешенность.

– Операция прошла отлично, план оказался идеален. Короли Бурь ослепли от ненависти. – Сальтимбанко усмехнулся, думая о горшке с золотом в конце этой, особо кровавой радуги. – А что с тем усыпанным золотом старцем?

– Ничего. С прошлой осени я не слышал о нем ни слова, и мне это не нравится. Я заплатил нескольким людям, чтобы они не спускали с него глаз. Он собирает наемников в Малых королевствах.

– Хотя я и изучаю философию могущественного разума, я не в силах понять извращенный план этого безумного старика. Я не люблю темноты, и меня снедает страх – тут, тут и тут. – Сальтимбанко по очереди похлопал по лбу, груди и кошельку.

– За соответствующую плату я согласен терпеть любую таинственность. Послушай, мне нужно воевать, и у меня нет времени на пустую болтовню, особенно если сказать нечего. Передай Рольфу мои поздравления. Он быстро учится и однажды может стать полноправным партнером. Заодно передай привет Браги и Элане. А теперь иди. Поговорим, когда падет Вороний Грай.

– Вечно ты торопишься. У меня острый глаз, а ум еще острее, и я нашел некий интересный список, из которого кое-что скопировал. Это шпионы, работающие на Вальтера, и некоторые из них могли бы пригодиться.

Раздраженно выхватив список, бин Юсиф указал на дверь.

На рассвете патрули Рольфа обнаружили Сальтимбанко, который бесцельно брел в сторону Южных ворот. Лучи солнца тщетно пытались пробиться сквозь повисший над городом дым. Толстяка, пребывавшего в состоянии шока, бесцеремонно привязали к седлу и включили в состав отряда, который сопровождал отступающую Непанту.

Турран двигался на юг с авангардом небольшой армии, проезжая через вечнозеленую рощицу, росшую в глубинах высокогорного ущелья. Выл ветер. Ущелье заполнял грохот сходящих с вершин лавин. Затем начали прибывать гонцы, несшие известия с юга.

Сперва появился человек с докладом, якобы посланным Непантой, на самом же деле он исходил от шпиона Вальтера – Рольфа. Немного подумав, Турран послал за братом. Тот вскоре прибыл, а одновременно с ним – второе известие.

– У меня тут два послания от твоего человека, Рольфа. В одном он сообщает, что, похоже, Непанта нашла себе любовника.

– Нам следует его убить?

– Нет. Пока нет. Возможно, с ним она успокоится.

– Так давай поможем ему, – с улыбкой предложил Вальтер. – Тебе не кажется, что она несколько... перезрела?

Смех Туррана на мгновение заглушил шум лавин.

– Лет так на пятнадцать. – Лицо его помрачнело. – И все из-за матери.

Вальтер знал свою мать исключительно понаслышке – она умерла при родах Непанты, всего через год после того, как дала жизнь ему самому. «Матерью», о которой говорил Турран и которую все часто упоминали, была вторая жена отца, угрюмая, ненавидевшая секс женщина.

– Она рассказывала Непанте разные вещи о мужчинах, и никто не объяснил ей, что она не права.

– Не права? В чем?

– Гм?

– Ты же не затем меня сюда позвал, чтобы беседовать о сексуальной жизни Непанты? Или об отсутствии таковой?

– Нет, но дело в том числе и в этом – в парне, в которого она влюбилась. Весьма эксцентричная личность, наверняка безвредный, однако умеет смягчать ее настроение. Настоящая же проблема – то, что пишет твой человек в самом конце доклада. И то, что он написал во втором.

– Что? – Вальтер уже терял терпение.

– В ту ночь, когда отправили первое послание, бандиты с гор напали на Ива-Сколовду – сам город, а не окружающие его селения. Они незамеченными спустились от Серебряной Ленты, преодолели оборонительную стену, открыли ворота... и все это совершенно незаметно.

– Измена. Они кому-то заплатили.

– Само собой. Но ты не слышал еще самого худшего. Рольф говорит, их было пять-шесть сотен.

– Нет. Не может быть. Это означало бы, что кто-то объединил племена.

– Но ведь они враждуют уже много веков.

– Именно. Я наблюдал за тем, как обстоят дела. Из тех краев до нас не доходили никакие слухи, за исключением того, что прошлой осенью какой-то чародей собирался осесть в окрестностях Грона. Я проверил – это травник, знахарь, а вовсе не настоящий маг.

– И все-таки, значит, кто-то организовал племена, раз они на нас напали? Так?

– Да.

– И выходит, этим кем-то должен быть твой знахарь, поскольку он единственный чужой в окрестностях. Согласен?

– И снова да. Ни один вождь не согласился бы получать приказы от другого. И тем не менее все равно непонятно.

– Нет. Ни один шарлатан не обладает способностями для того, чтобы командовать армией. Разве что это кто-то совсем другой...

– И все же не могу понять... – Вальтер побледнел. – Ну и глупец же я! Гарун бин Юсиф!

– Что?

– Все происходило у меня на глазах. Мне уже полгода назад следовало что-то предпринять. Боги, каким же слепцом я оказался! Тем знахарем был Гарун бин Юсиф.

– О чем ты вообще болтаешь?

– Подумай! Если ты не можешь позволить себе нанять Гильдию или обычных наемников, но хочешь вести войну, а у тебя мало шансов на победу – что ты делаешь?

Помолчав, Турран вздохнул и мрачно кивнул:

– Нанимаю Гаруна бин Юсифа, Короля без Трона, «героя» Либианнина и Хеллин-Даймиеля. Согласен – слишком хорошо все сходится. Чем он сейчас занят?

Вальтер покачал головой:

– Судя по тому, что я слышал, он якобы работал на штаб Итаскийской армии. Разрабатывал тактику ополчения Береговой стражи, которая могла бы оказаться действенной против разбойников из Тролледингии. Речь шла о том, чтобы сдержать их до прибытия регулярных подразделений.

– Выясни! – Приказ Туррана прозвучал холодно и резко, подобно зимнему ветру. – Мне нужно знать, почему он отказался от такой синекуры ради того, чтобы командовать дикарями. Я хочу знать каждое слово, которое он произнес за месяц до отъезда, с кем разговаривал и зачем, каждый его шаг. Мне нужно все, и чем скорее, тем лучше. Заполони Итаскию шпионами. Ибо второе послание весьма неприятно – Непанте не удалось удержать Ива-Сколовду. Сторонники прежнего короля взбунтовались в тот самый миг, когда на город напали бандиты. Она утверждает, что все было запланировано заранее. Мне следовало оставить с ней Рыжебородого – ученик Прешка не то же самое, что мастер своего дела Гримнасон.

– Мы отобьем город?

– Нет... – В глазах Туррана появился задумчивый блеск. – Непанта отступает на север с тремя сотнями преданных ей жителей Ива-Сколовды. Наверняка бандиты ее опережают. А мы здесь... Скажи Рыжебородому, пусть готовится к форсированному маршу.

Усмехнувшись, Вальтер отправился на поиски Гримнасона.

Однако случилось так, что в ловушку рыжего наемника угодила лишь толпа бандитов. Каким-то образом почувствовав опасность, Гарун бин Юсиф вовремя бросил своих диких союзников и исчез.

6

996 г. от О. И. И
В сердце гор страха

Массивная, возвышавшаяся над окрестностями крепость Вороний Грай, холодная и одинокая, была построена из серого камня без единой капли раствора. Некоторые из двенадцати ее высоких башен были квадратными, некоторые круглыми; зубчатые стены напоминали массивные челюсти. На краях стен белыми слоями лежал лед. Окна без стекол, которые можно было увидеть со склона, походили на пустые глазницы. Картину замка, удивительно похожего на череп, дополнял большой входной тоннель с нависшей над ним, словно клыки, опускающейся решеткой.

Замок казался холодным и продуваемым всеми ветрами – каким он, собственно, и был.

Непанта стояла на парапете башни под названием Колокольня, внутри которой находились ее покои, подставив лицо порывам арктического ветра. Дрожа всем телом, она не сводила взгляда с мрачных и суровых голых скал и снежных полей. Крепость действительно выглядела непобедимой, хотя Непанта не была знатоком в подобных вопросах. Крепость построили в форме треугольника на вершине скального уступа, и враг имел доступ лишь к единственной ее стене, к тому же самой высокой. Остальные сливались с крутыми склонами, окружавшими утес. Но вид силы Вороньего Грая не радовал Непанту, считавшую, что толку от всего этого все равно нет, – врага, с которым придется сражаться, наверняка не остановят ни прочные стены, ни самое совершенное оружие. Силы великого рока преодолевали все человеческие оборонительные сооружения с той же легкостью, с которой идущий по лесу путник отбрасывает с лица паутину, едва ее замечая и лишь на миг раздражаясь.

Стоны ветра сменились воем. Резкий и порывистый, он забирался ледяными когтями под платье.

Из открытой дверцы вышла приземистая, закутанная в толстую одежду фигура – Сальтимбанко. Бросив на него взгляд, Непанта с грустью прошептала:

– Как мне хотелось бы, чтобы все это поскорее закончилось.

Шут пребывал в хорошем настроении, что в последнее время случалось редко.

– Ах, прекрасная принцесса! – воскликнул он – он сам и преданные ей жители Ива-Сколовды настояли, чтобы она сохранила титул. – Смотри же! Закованный в сталь и серебро рыцарь совершает полное опасностей путешествие через полмира, взбирается на могучую гору, преодолевает стены непобедимой крепости, чтобы спасти заключенную в ней прекрасную деву. «Но что же это? – кричит отважный рыцарь. – Где же прячется проклятый дракон?» И тогда я, могучий воин, с размаху бью его от бедра... вот так... так... ответный удар... левой в челюсть... есть!

Несмотря на упадническое настроение, Непанта рассмеялась, слушая его шутовскую болтовню, особенно же повеселил ее невероятный «левой в челюсть». Посмеявшись, однако, она поняла, что под «драконом» он имел в виду ее дурное настроение, и заставила себя рассмеяться чуть громче. Она помнила времена, когда вообще не в состоянии была смеяться, и предполагала, что в будущем такое время наступит снова. В ближайшем будущем.

– Увы, сэр рыцарь, – простонала она, изображая отчаяние, в котором, однако, чувствовалось неподдельное страдание, – здесь нет никакого дракона, который держит меня в плену, есть лишь шестеро орков и троллей, которые болтаются по замку у меня под ногами.

– Хей! Тролли, говоришь? Горе мне! – запричитал Сальтимбанко. – Боюсь, я оставил дома меч против троллей!

– Вряд ли стоит подобным образом выражаться о собственных братьях, – послышался добродушный голос.

Сальтимбанко и Непанта уставились на Вальтера. У каждого возникли свои подозрения насчет того, что может предвещать его появление. Но похоже, визит Вальтера не содержал в себе ничего особенного – по крайней мере, сейчас.

– О собственных братьях? – бросила Непанта, видя, что слова сошли ей с рук. – О вас, с мозгами хорьков и сердцами стервятников? Если не орки и тролли, то, прошу тебя, скажи – кто?

– Осторожнее, Непанта. В гневе ты можешь выдать любые тайны. А ты чересчур близко подходишь к границе, говоря такое. – Он бросил взгляд вниз, словно напоминая о Глубоких темницах, потом сменил тему: – Но я пришел не затем, чтобы ссориться, лишь для того, чтобы взглянуть на наши ледяные владения в обществе сестренки.

Все трое стояли, глядя на суровые, покрытые льдом горные склоны. Судорожно сжатые когти зимы никогда не выпускали Вороний Грай из объятий, лишь слегка расслаблялись летом.

– Сегодня, похоже, у тебя поэтическое настроение, – заметила Непанта.

Пожав плечами, Вальтер взмахнул рукой:

– Разве этот вид не достоин поэмы?

– Да. Это должны быть оды во славу бога Ветра или Деда Мороза. А может быть, эпос, описывающий ледяную одиссею. И уж наверняка ничего человеческого или полного теплых чувств.

– Угу, верно, – пробормотал Сальтимбанко, а затем, решив, что Вальтер хочет поговорить с Непантой наедине, направился к выходу.

– Стой! Сальтимбанко, тебе незачем уходить. – Вальтер притворился, будто сама мысль об этом повергает его в ужас. – Мы не собираемся обсуждать никаких тайн. А настроение у Непанты наверняка окончательно испортится, если ты уйдешь. Если и есть эликсир для измученного сердца, напиток, поднимающий дух, то найти его можно только в тебе. Доказательство? Непанта. Прекрасная, милая Непанта, когда-то целиком погруженная в фантазии и страхи, кусок мертвого дерева, лишенный души. И кому же она обязана происшедшим с ней переменам? Даже Турран это заметил. Тебе, толстый рыцарь.

Непанта весело посмотрела на Вальтера.

Сальтимбанко же, привыкшего принимать самые невероятные похвалы в свой адрес, на этот раз смутила столь не присущая характеру Вальтера речь – что не помешало ему остаться.

– Послушай меня, сестра, – продолжал Вальтер. – Послушай, о ветер, стонущий, словно умирающий дракон. Кто спас дух побежденного клана? Кто вернул душу лишенным души? Человек, столь умно играющий роль глупца! Думаю, он вовсе не глупец, но самый хитрый негодяй из всех актеров и шутов!

Несмотря на робкую улыбку, Сальтимбанко вспотел от страха. Слова Вальтера посеяли семена ужаса в его полной чувства вины душе. Что на самом деле знал Вальтер? На что намеревался?

Непанта, заговорив, прервала поток его мыслей:

– Вальт, с чего ты вдруг стал столь банальным? Неужели?.. – Она демонстративно прикусила язык, скорчив язвительную гримасу, затем, уже с нормальным выражением лица, продолжила: – Я сейчас скажу нечто неприятное. Похоже, для вас я не самое лучшее общество. Два благородных господина пытаются меня развлечь, а я только вою, словно гарпия.

Оба запротестовали, но она жестом заставила их замолчать:

– Кому, как не мне, лучше всего знать, кем я стала?

Она рассмеялась. Лицо Сальтимбанко выражало крайнюю степень притворного ужаса, словно она только что разрушила некую безумную философскую доктрину.

Однако, когда толстяк наконец заговорил, в словах его не было ничего философского.

– Горе мне! – воскликнул он. – Послушайте, как воеет старый Ледяной вихрь! Меня бережет разумно набранный слой жира. Я избрал путь сознательной и запланированной тучности, но даже я могу превратиться в замерзший камень над горным ручьем. И потому умоляю вас, господин и госпожа, – не могли бы мы все вместе перейти туда, где горит теплый огонь?

Один лишь взгляд на гранитное небо, поднимающиеся клубы снега и окружавший их со всех сторон бесплодный край убедил обоих в мудрости слов Сальтимбанко.

– Хей! – крикнул Вальтер, передразнивая Сальтимбанко. – И снова этот человек прав! Как насчет горячего меда в Большом зале? Теплый огонь, подогретое вино, баранья ляжка и дружеские беседы. Идем.

– Иду, – легко рассмеялась Непанта. – Но от баранины я, пожалуй, откажусь. Жена Рыжебородого Астрид сказала, что избыток мяса вредит цвету лица.

Вальтер и Сальтимбанко смотрели на нее, с трудом подавляя желание расхохотаться, – но все же сдержались, поняв, что она говорит серьезно. Когда еще им в последний раз доводилось слышать, что Непанту столь заботят женские проблемы? Вальтер бросил взгляд на Сальтимбанко, и в глазах его снова вспыхнул веселый огонек.

В десятке громадных каминов, окружавших Большой зал, весело гудел огонь. Каждый раз, когда Сальтимбанко сюда входил, его повергала в изумление царившая здесь домашняя обстановка. Собаки и дети, вне зависимости от пола, племени или общественного положения, резвились и дрались, крича друг на друга и грызя брошенные взрослыми кости посреди устланного толстым слоем соломы пола. Шум стоял невероятный. Однако редко случалось, чтобы кто-то из прислуги или солдат пинком прогнал с дороги щенка или ребенка...

Солдаты Туррана и ивасколовданцы Непанты сидели вокруг бесчисленных столов, напиваясь, распевая песни, рассказывая небылицы или мучаясь пьяными кошмарами. Некоторые лениво разглядывали своих или чужих жен. Сам Турран тоже был в зале – он сидел за главным столом, ведя титанический поединок на руках с крепким солдатом Рыжебородого. С дальнего конца зала доносился металлический лязг – там упражнялись солдаты с тупым оружием. Знамена над головами слегка покачивались на едва заметном сквозняке, словно совершая неслышимый призрачный танец среди мерцающего пламени очагов и факелов.

Среди столов, будто тоже двигаясь в танце, расхаживали женщины, жены и дочери солдат, с кувшинами вина и пива или большими подносами, на которых громоздились груды жареной баранины, редкой в этих краях говядины и иногда даже одинокими тушками диких птиц.

Непанта, Вальтер и Сальтимбанко протискивались через шумную толпу, направляясь к главному столу. Непанта и Сальтимбанко кланялись в ответ на многочисленные приветствия. Солдаты любили Сальтимбанко за его шутки, Непанту же любили за то, что, как женщина, она добавляла блеска старому полуразрушенному замку и странной семье, которая им владела. Всех Королей Бурь любили наверняка за то, что те были лучшими хозяевами, каких когда-либо заполучали наемники. Солдату, служившему под их знаменем, не на что было жаловаться.

В самом деле ненавидеть их мог только враг, и то лишь потому, что они выступали против него. Они уже успели продемонстрировать всем, что безжалостны к неприятелю и неумолимы в достижении целей, но в неменьшей степени заботились о своих людях. Насмешник с радостью бы к ним присоединился, если бы его лояльность не купили раньше.

Наконец они добрались до стола Туррана, все еще погруженного в поединок с сержантом по прозвищу Черный Клык. На мгновение подняв взгляд, он улыбнулся. Лицо его побагровело от большого количества выпитого и от прилагаемых усилий.

– Хо-хо! Смотрите-ка, как я сейчас раскатаю этого мерзавца! Уф!

Он отвлекся лишь на секунду, но Черный Клык воспользовался случаем и победил. Турран громогласно рассмеялся, хлопнул сержанта по плечу и крикнул, подзывая прислугу.

Вальтер проскользнул на пустой стул рядом с братом. Непанта и Сальтимбанко сели напротив. Мгновенно появились женщины с ножами, тарелками и кружками для вина и эля. Другие уже несли прохладительные напитки и баранину, а также прочие разнообразные яства, составлявшие меню бесконечных пиршеств в Вороньем Грае.

– Хей! – сказал Вальтер, ущипнув служанку. – Щи для моей сестры. Только чтобы в них не было ни кусочка мяса! А то испортит безупречную кожу.

К своему удивлению, Непанта услышала в ответ женское хихиканье. Почему они так себя вели? Потому что Вальтер ласкал каждую, подвернувшуюся ему под руку? Она тяжело взглянула на женщин, и смех тут же стих. Но молчали они лишь до тех пор, пока не оказались в кухне, откуда вскоре снова донеслись смешки.

Ибо существовала некая тайна, известная всем женщинам Вороньего Грая, тайна, казавшаяся им восхитительной и, по сути, не являвшаяся тайной ни для кого, кроме Непанты. Столь же хорошо тайна эта была известна мужчинам. Да и как мог кто-то из мужей о ней не знать там, где невозможно было скрыться от длинных языков жен и дочерей? Так что в тайну были посвящены все мужчины, кроме Сальтимбанко, но и у него постепенно возникали некоторые подозрения. Все, кроме самой Непанты, знали, что Непанта влюбилась.

Некоторые утверждали, что Сальтимбанко разделяет ее чувства, приводя в доказательство тот факт, что в последнее время он существенно потерял в весе. Другие заявляли: виной тому условия, в которых они возвращались в Вороний Грай, а позднее – свойственные жизни в замке ограничения. Но так или иначе, Сальтимбанко действительно сбросил несколько фунтов.

Слушая хихиканье служанок, Непанта почувствовала, как щеки ее покрываются румянцем. Она мрачно посмотрела на Вальтера.

– Ха! – заявил Турран, немного подумав над словами брата. – Неплохо!

Он расхохотался.

Глаза Непанты вспыхнули. Она представила себе сотню гневных ответов, которые могла бы дать, – но ее братья, служанки и даже Сальтимбанко внезапно замолчали.

В зал вбежал сокольничий, заботившийся о соколах и голубях замка, старый и немощный, – ему часто требовалась помощь, чтобы он вообще мог двигаться. Он выл так, словно его преследовал по пятам дух-баньши. Зал погрузился в замогильную тишину. Шевелилось лишь пламя факелов. Сотни людей затаили дыхание, ожидая ужасающих известий. Сокольничий уже несколько месяцев не покидал птичника.

Кто-то из детей пронзительно заплакал от страха, разрушив заклятие. Повсюду слышались голоса, их гул напоминал шум поднимающегося прилива. Шатаясь, сокольничий преодолел несколько шагов, отделявших его от главного стола.

– Господин! – прохрипела древняя карикатура на человека. – Господин! – И еще раз: – Господин!

Турран, питавший к старику глубокую привязанность, по-дружески заговорил с ним, едва сдерживая нетерпение:

– Ну-ну, сокольничий, – (никто уже не помнил его настоящего имени), – что случилось? Что стало причиной столь необычного для человека в твоём возрасте волнения?

Тотчас же забыв, зачем пришел, сокольничий начал доказывать, что еще вполне крепок. Больше всего старика беспокоило, что его принудительно отправят на пенсию.

– Твое известие, сокольничий, – напомнил Турран. – Из-за чего ты так взволнован?

Старику удалось проговорить, с трудом подавляя страх:

– Твой брат, господин. Известие от твоего брата.

– От кого? От которого из братьев?

– Конечно же от лорда Ридье, господин. Вне всякого сомнения – известие от Ридье.

– И о чем же сообщает мой брат?

– О... Ну конечно же, ведь именно затем я проделал весь этот путь до самого Большого зала, верно? Гм... да! – Он принялся ощупывать карманы и закоулки помятой, уже неделю не менявшейся одежды. – Ага! Вот он, тут спрятался, дьявол.

Хрипло закашлявшись, он вытащил из-под покрытой жирными пятнами рубашки измятый, грязный клочок пергамента.

Благодарно приняв от него обрывок, Турран пригласил старика за стол выпить кружку вина, после чего откинулся назад и начал читать в свете факела.

На лице его сменялась гамма чувств. В темных глазах отражалось недовольство и разочарование. Длинные, падающие на плечи волосы, казалось, оживали в отблесках мерцающего пламени. Неприкрытый гнев сменялся подобием грусти, ноздри расширялись и сжимались по мере того, как он читал послание. Наконец, убедив самого себя в его достоверности, он сжал пергамент в кулаке и встал.

Словно не осознавая, что на него вопросительно смотрят сотни глаз, он повернулся к сидевшим за столом товарищам:

– Вальтер, Непанта, идем со мной. И ты тоже, толстяк. – Он повернулся к солдату, с которым боролся на руках. – Черный Клык, найди моих братьев. Пришли их в Нижний Арсенал.

Он направился к главному выходу, шагая, словно король, и не обращая внимания на кружившие по Большому залу шепотом высказываемые предположения. Его спутники с трудом за ним поспевали.

Нижний Арсенал располагался намного ниже оснований стен Вороньего Грая. Его помещения, за исключением Глубоких темниц, составляли самую глубокую часть крепости. Именно здесь Короли Бурь предавались чародейским практикам. Здесь тайно хранились их могущественные магические орудия, а также сокровища Вороньего Грая, драгоценности и монеты, которыми платили шпионам, за которые покупали предателей, нанимали убийц и приобретали оружие. Здесь же находился тщательно оберегаемый Рог Звездного Всадника. Королям Бурь удалось укротить его лишь настолько, что он обеспечивал их едой, одеждой, дровами и время от времени золотом. Однако он не стал, как они надеялись, краеугольным камнем их могущества.

Нижний Арсенал был мрачным местом, грязным и воняющим застарелой плесенью, где жили лишь крысы и пауки. Старые стены поросли мхом от влаги, из-за покрывавшего пол слоя слизи каждый шаг мог оказаться предательским. Потолок исчезал во мраке. В противополож-

ность по-настоящему домашней, оживленной атмосфере в верхней части замка в этих казема-тах пахло чем-то, казавшимся Сальтимбанко чуть ли не богохульным.

Это был его первый визит в столь глубоко расположенную часть замка. Безуспешно пыта-ясь угнаться за Турраном и постоянно оскальзываясь, он все больше ужасался, представляя себе таящееся за каждым поворотом зло и готовясь к внезапному позорному концу. Однако каким-то образом ему удалось проделать невредимым весь путь, который в конце концов при-вел их в погруженный в полумрак зал. В помещении было столь чисто, что он почувствовал себя умирающим от жажды, которому наконец дали воды. Несколько мгновений он изумленно таращился на заливающее зал голубое свечение и стоявшие вдоль стен магические предметы. Королей Бурь называли чародеями, и он собственными глазами видел тому доказательство.

Они заняли места вокруг круглого стола, окруженного семью стульями, и молча ждали. Никто не задавал Туррану вопросов – все знали, что он сам заговорит, когда придет время.

Несколько минут спустя появился Брок. Глаза его округлились, когда он увидел Саль-тимбанко.

– А он тут что делает?

– Непанта теперь ест капусту, баранина вредит цвету ее лица, – ответил Вальтер таким тоном, словно это все объясняло.

И это действительно было так, хотя из его ответа ни та, о ком он говорил, ни Сальтим-банко ничего понять не могли.

– О!

Шло время. Турран начал терять терпение, постукивая пальцами по крышке стола. Брока и Вальтера охватывало все большее беспокойство. Сальтимбанко, как с ним часто бывало в требовавших терпеливого ожидания ситуациях, громко храпел.

За дверью послышалось нервное шарканье ног.

– Да? – раздраженно рявкнул Турран, затем уже не столь сердито: – Ах, это ты! Входи, Черный Клык. Где он?

Сержант вошел осторожно, словно ступая по горячим углям. Он был испуган и взволно-ван, тщательно пытаясь скрыть свои чувства.

– Господин, Джеррада нет в замке. Он охотится на медведя и может не вернуться до конца недели.

– Наверняка и до конца месяца не вернется! – буркнул Турран. – Жаль, что он никому ничего не сказал, уезжая. Спасибо, сержант. Можешь идти.

Черный Клык поклонился, в последний раз окинул испуганным взглядом зал и вышел.

– Непанта, может, разбудишь своего дружка?

Тычок под ребра – давнее проклятие спящих мужчин. Ругаясь от всей души, следуя дру-гому давнему обычаю, Сальтимбанко вернулся к реальности.

– Ридье прислал известие, – хмуро сообщил Турран. – Он пишет, что наш друг бин Юсиф появился десять дней тому назад в Ива-Сколовде, после чего в городе произошло несколько убийств. Потом он исчез, снова появившись в Прост-Каменце, где произошли новые убийства. Позднее его видели в гостинице «Красный олень» в Итаскии, где он сорил золотом направо и налево. Мне очень хотелось бы знать, каким образом ему удалось столь быстро разбогатеть. Потом он опять исчез, и в ту ночь распрощались с жизнью еще человек десять. И каждая жертва в Ива-Сколовде, в Прост-Каменце и в Итаскии была шпионом Вальтера.

– Что? – подскочил Вальтер, вне себя от ярости. – Как?..

– Понятия не имею! – рявкнул Турран. – Видимо, получил от кого-то список. И я в любом случае узнаю от кого, даже если мне придется допросить каждого, кто находится в замке.

– Я записываю всех, – пробормотал Вальтер. – Кто, где.

– Вот как? Не слишком-то умно с твоей стороны. Мол, ты, должно быть, наш шпион... Ты вообще сообщаешь, что делаешь?

Вальтер не обратил на гнев брата никакого внимания:

– Почему он столь отчаянно старается, чтобы мы его не нашли? Он свободный человек.

– Все просто, – ответила Непанта. – Он не свободен. Он укрывает кого-то еще – того, кто передал ему список.

– Ага...

Сальтимбанко вспотел от страха. Волки подкрадывались все ближе, и нужно было их отвлечь...

– Вальт, – спросил Турран, – кто мог иметь доступ к твоим документам?

– Любой. Когда угодно. Я не запираю двери и никогда не думал, что в том может возникнуть необходимость. Каждый, у кого нашлось бы немного времени, мог сделать копию списка.

– Что ж, дьявол тебя поberi, теперь запирай двери.

– Известная история – запирают двери конюшни после того, как лошадь уже сбежала, – заметил Сальтимбанко. – Благородные господа и дама, сколько людей в замке умеют читать и писать? – В конце концов ему удалось придумать отвлекающий маневр, и он намеревался отправить их в погоню за тенью. – Может, вам стоит начать их допрашивать? Но пусть никто не упоминает об измене. Возможно, если предателя не спугнуть, он в конце концов совершит какую-нибудь ошибку. Может быть, нам стоит подложить в качестве приманки новый список. Не зная, что все его ищут, изменник может снова взяться за свое предательское дело. Хоп! Попался! Хей! И состоится большая казнь! Все радуются, много вина, много песен, ваш покорный слуга становится героем как автор данного плана, он просто счастлив...

– Неплохая идея, – сказал Турран. – Но никаких казней. Мне хочется допросить этого человека. Брок, мне нужно, чтобы к завтрашнему дню ты нашел всех, кто умеет читать и писать. Скажи, что у нас есть кое-какая бумажная работа. Предложи плату, чтобы явились все. Будем наблюдать за каждым. А теперь перейдем к той части известия Ридье, что похуже.

– Хочешь сказать, это еще не все и есть кое-что похуже? – спросил Вальтер.

– Да. Ива-Сколовда и Двар заключили перемирие и сформировали армию наемников, чтобы напасть на Вороний Грай. Они подняли знамена около двух недель назад, и у них уже пять тысяч человек. Удивительно, не правда ли? Особенно если учесть, что большинство этих наемников родом с юга – из Либианнина, Хеллин-Даймиеля и Малых королевств. А все их офицеры – из Гильдии.

– Похоже, на Высоком Утесе опять о чем-то знали заранее, – сказал Вальтер. – Они действительно идут на Вороний Грай? Каким образом они собираются нас найти?

– Опять-таки наш друг Гарун. Он ими командует. Ридье пишет, что он встречался с королями, когда был в Ива-Сколовде и Дваре.

– Но как они могут всерьез думать о том, чтобы завоевать Вороний Грай...

– Они об этом не знают, но у нас крайне не хватает людей. Однако больше всего меня беспокоит другое. Я думаю о том, какова истинная причина всей этой суматохи. Подумайте. Гарун бин Юсиф – человек, у которого есть цель и огромные таланты. Он постоянно занят политикой, досаждавая Эль-Мюриду и давая советы итаскийскому Главному штабу. И живет двадцать пять часов в сутки, хотя, вне всякого сомнения, в роскоши.

– Так почему же, – удивился Вальтер, – он отказывается от того, что ему нравится, лишь ради организации горских племен?

– Именно это я и пытаюсь понять. Более того – почему, прогнав Непанту из Ива-Сколовды, он почти сразу же их распустил?

В ловушку, которую Турран подстроил бин Юсифу, попало меньше полусотни горцев.

– Он сделал свое дело.

– Итак, кто-то хотел прогнать нас из Ива-Сколовды – настолько, что готов был заплатить чудовищную цену, которую наверняка потребовал за эту работу бин Юсиф. И это наверняка

не тамошние роялисты. Не забывайте, он занимался приготовлениями в горах еще до того, как мы захватили власть в городе.

– Предвидение, – пробормотал Брок. – Магия. – Вид у него был такой, словно он откусил от плода дикой яблони. – Звездный Всадник хочет свести счеты?

– Возможно. Но что особенно странно – он убивает шпионов, одновременно набирая рекрутов в свою армию. Почему?

– Происходит нечто весьма серьезное, – заявил Вальтер.

– Великолепно. И именно этого мы не предвидели, отправившись на равнины. Чего-то, начавшегося намного раньше, и на что мы не обратили внимания. Вот только что это?

Речь Туррана носила чисто риторический характер, пока он не дошел до последнего вопроса: «Что это?» И оказалось, что у него тоже нет ответа.

– Лучше всего не высовывать отсюда носа, пока не выясним, – сказал Вальтер. – Пока у нас есть Рог, мы можем продержаться здесь столько, сколько потребуется. Это наверняка Звездный Всадник, – намного тише добавил он, – пытается свести счеты.

– Собственно, таков и мой план. У нас слишком мало людей, однако я сомневаюсь, что до нас сумеют добраться. Если нам удастся отражать их атаки до зимы, мы победим. Они окажутся в ловушке погоды, у них нет надежных путей для поставки припасов. Предполагаю, что они отступят с первым снегом и разбегутся, едва доберутся до равнин. Ни Ива-Сколовда, ни Двар не в состоянии их удержать – к ним нет доверия.

– А следующим летом они снова увидят нас на своей территории, только на этот раз будут слабее, – задумчиво проговорил Вальтер.

– Во всяком случае, звучит неплохо, – пробормотал Брок. – Однако я бы предпочел иметь лучшее представление о том, что происходит.

– Тебя, – сказал ему Турран, – я назначаю главным на время осады. Обеспечь, чтобы эта груда камней стала неприступной. А теперь нужно сообщить остальным. Не делайте столь серьезных лиц, пусть сочтут все это неплохой шуткой. Смейтесь над тем, что кто-то оказался настолько глуп, чтобы выступить против нас.

Турран и его братья отправились в Большой зал, где сообщили всем о предстоящей осаде.

Сальтимбанко и Непанта долго шли по холодным коридорам, пока не добрались до ее покоев в Колокольне. Сев на табурет перед пядьцами, Непанта занялась вышиванием. Сальтимбанко поудобнее устроил свою тушу в большом, набитом гусиным пухом кресле напротив камина. Служанка Непанты принесла подогретое вино и тут же исчезла.

Комната Непанты, возможно самая обустроенная во всем Вороньем Грае, была полна типично женских вещей. В углу висело забытое летнее платье, на краю туалетного столика, уставленного косметикой, которой она редко пользовалась, лежала поспешно брошенная кружевная шаль. Ковры на полу, гобелены на стенах, сами запахи, которыми был насыщен воздух, – все однозначно говорило о том, что комната эта принадлежит женщине.

В комнате царила столь тихая и уютная атмосфера, что Сальтимбанко начало клонить в сон. Не прошло и пяти минут с их прихода, как послышался его негромкий храп.

Касаясь вышивки волосами, Непанта бросила на гостя взгляд, который наверняка удивил бы ее саму, знай она, что промелькнуло в ее глазах, а потом задумалась. Ей казалось, будто он появился на свет уже полностью взрослым, незадолго до прибытия в Ива-Сколовду.

Прошлое? Было ли у Сальтимбанко вообще какое-либо прошлое? Да, было – хотя мало кто из мужчин мог бы гордиться подобным.

Самые ранние его воспоминания относились к воровскому детству, проведенному в обществе слепого алкоголика-садху, который был отнюдь не святым человеком, но законченным мошенником, что наложило свой отпечаток на всю последующую жизнь Сальтимбанко. Этот отшельник-садху бродил между Аргоном, Некремносом и Троесом, время от времени

совершая вылазки в Матаянгу. Именно он внушил Сальтимбанко крайнее презрение к честному труду. И именно от него, как и от других, в чьей компании им приходилось путешествовать, мальчик научился талантам карманника, ловкости рук, чревовещанию и прочим трюкам, к которым прибегал, желая убедить людей в своих магических способностях.

Сведя давние счеты с садху, который относился к нему крайне жестоко, словно к рабу, и после того, как благодаря кражам и шулерству его возненавидела половина Среднего Востока, он сбежал на Запад. В Алтее он пристал к трупке бродячих циркачей, ведущих цыганскую жизнь на территории западных королевств. Порой он утверждал, что имя, которое себе взял, – Насмешник – происходит от роли, которую он играл в страстных пьесах, но то была неправда. Когда он не был на сцене или в своей палатке с табличкой «Магелин Маг», он смешивался с толпой зрителей, срезая у них кошельки. Все эти занятия приносили ему весьма неплохой доход.

Однажды, однако, он срезал кошелек не у того, кого надо, и обнаружил, что кто-то крепко сдавливая его запястья. Внезапно он понял, что смотрит на смуглое, похожее на орлиное лицо, в хищные глаза... Он сумел освободиться, нанеся удар в стиле, которому научился на Востоке. Потом они подрались, но не победил никто.

Потом Гарун пришел с ним поговорить. Насмешник же вскоре убедился, что, сам того не замечая, стал работником Юсифа – шпионом, который должен был проникнуть в лагерь Эль-Мюрида, вождя орд религиозных фанатиков, осаждавших Хеллин-Даймиель.

Действуя под влиянием вдохновения, он нанес решающий удар в войнах Эль-Мюрида, успешно похитив дочь Ученика Ясмид. Возникшее в лагере Эль-Мюрида замешательство дало Гаруну и его партизанам месяц, требовавшийся для того, чтобы прервать осаду Хеллин-Даймиеля, и создало бин Юсифу заслуженную репутацию.

Последующие несколько лет Насмешник, Гарун и их общий «друг» Браги Рагнарсон провели, ввязываясь в разнообразные безрассудные авантюры, а затем из них выпутываясь. Позже, однако, Гаруна начала мучить совесть, и он назвался Королем без Трона, став главой роялистов, которых Эль-Мюрид изгнал из Хаммад-аль-Накира, после того как захватил там власть. А потом глупец Рагнарсон женился, и смуглый толстяк, которому было уже около тридцати, вдруг понял, что снова в одиночестве блуждает по свету, таскаясь за цирковыми повозками или берясь за всевозможные шпионские миссии. Воспоминания о том, что связывало этих троих, изгладились из народной памяти...

Потом Гарун вновь появился словно из-под земли в обществе старика, обещавшего несметные богатства.

Насмешник, будучи страстным игроком, отчаянно нуждался в деньгах.

Так что долгий путь в конце концов привел его туда, где он находился сейчас, – порой мучительный, часто опасный и редко даривший счастье. Здесь, в Вороньем Грае, он чувствовал себя как дома и столь близко к полному счастью, как, наверное, еще никогда в жизни. Ему нравились Короли Бурь – но наступит день, когда ему придется их предать...

7

605–808 гг. от О. И. И
Даже воробей находит свой дом

Пал, пал Ильказар, подобно руинам, подобно смерти. Что же осталось после того, как была достигнута цель?

Вартлоккур ушел, одинокий и полный отчаяния. Дело всей его жизни завершилось, и намерения его увенчались успехом.

Вкус победы уже отдавал желчью. Он заплатил за нее двадцатью годами своей жизни, но теперь она казалась ему совершенно бессмысленной, быть может, даже трагической ошибкой. Уничтожив то, что воплощало в его глазах зло, он уничтожил и много хорошего. Несмотря на всю порочность, империя давала простым людям то, за что они были ей благодарны, – мир на большей части западных территорий, общие законы и язык, относительную общественную и личную безопасность... Вартлоккур не сомневался, что теперь, подобно червякам, появятся тысячи мелких властителей, чтобы пожрать труп империи, и запад погрузится в хаос.

Он ощущал на плечах тяжкий груз ответственности за то, что совершил.

Должен ли он теперь покончить с жизнью, порвав тем самым с прошлым и со страданиями, которые причиняли бы ему последствия совершенных им поступков?

Нет, решил он. Нет. Возможно, он еще в состоянии что-то сделать, чтобы оправдать свое существование, искупить нанесенное зло, смягчить наступающую боль.

Он поднял взгляд, и ноги сами понесли его на север – направление ничем не хуже и не лучше других, когда нет определенной цели. Он снова вернулся к своим мыслям, размышляя о том, что слышал когда-то от Ройяла.

Всему свое время, говорил Ройял. Время рождаться и время умирать, любить и ненавидеть, сеять и жать, плакать и смеяться, воевать и жить мирно, творить и разрушать. И время любить женщин. Только сам мужчина способен в душе понять, когда придет это время. По мере того как Ильказар оставался позади, он все больше понимал, что Ройял был по-своему, по-крестьянски, столь же мудр, как священники и чародеи, которые потом его учили. Его охватило

чувство полного одиночества, тоска по Ройялу и его старой жене. Ненависть и уверенность в своей цели исчезли без следа, он вернулся туда, откуда пришел, одинокий в одиноком мире.

Одиночество никогда еще не мучило его столь сильно. Вартлоккур хорошо его познал за проведенные в Шинсане годы, однако казавшееся невыносимым само существование Ильказара затмевало все остальное.

«Пал, пал Ильказар, величайший среди всех городов!»

Потеря матери опустошила его душу, однако утрату смягчила доброта палача, а потом Ройяла. Теперь же, когда улицы Ильказара превратились в дом для шакалов, он стал никому и ничему не нужен. Имя его – уже легенда, готическая легенда, полная мрака и ужаса. Легенда, которой в устах многих рассказчиков предстояло обрастать новыми подробностями. Оставаясь Вартлоккуром, он будет жить в пустоте, созданной страхом: вдруг снова воспользуется Силой, которую проявил под Ильказаром.

«А как насчет женщин?» – спрашивал он себя. Невежество его в отношении противоположного пола было столь же безмерным, как и знания о Силе. Слишком много лет, в течение которых формируется характер и добываются знания, он потратил впустую на погоню за призраком мести. Какая женщина пожелает того, кто уничтожил империю? Он не сомневался, что пройдут века, прежде чем таковая найдется – столь же одинокая, как и он сам, столь же несчастная, столь же неразумная. Где он мог бы найти свое зеркальное отражение в женском облике?

Он взял себе другое имя, и с тех пор лицо Элдред-Бродяги стало хорошо известно на дорогах, связывавших западные города-государства. Он снискал славу как человек, гонящийся за мечтой, хотя мало кто знал, в чем состоит ее суть, и еще меньше – о самом Бродяге. Познав тяготы, в которых жили бедные люди, он решил, что нашел достойное приложение своим силам, ибо его чары могли облегчить их страдания. В Хеллин-Даймиеле он привел к власти бедняка, чтобы тот помог собратьям, но человек этот оказался еще более жестоким и продажным, чем любой наследственный монарх. В Либианнине человек, которому он дал намного меньше, пробовал пытками добиться от него больших даров. В конце концов Элдред стали презирать в той же степени, в какой прежде боялись Вартлоккура, и он даже на какое-то время получил прозвище Старый Пройдоха, позаимствованное у куда менее бесцеремонного Звездного Всадника.

Полный черных мыслей, он бежал на восток, в степи, простиравшиеся за горами М'Ханд. С каждым днем мысли его становились все мрачнее. Есть ли у него хоть какой-то повод жить? Раз за разом он повторял сам себе старые доводы... И однажды ночью в мрачном овраге возле маленького ручья, когда степной ветер стонал среди тощих деревьев над головой, он достал из седельных сумок магические инструменты, нарисовал пентаграммы, возжег благовония, произнес заклинания и вызвал могущественное пророчество. Вой ветра заглушили голоса демонов, которые появлялись и исчезали, похожие на туманные силуэты. Перед самым рассветом ему удалось увидеть размытую картину, маячившую дальше по течению реки времени.

Где-то его ждали две женщины – если только ему удастся дожить. Ожидание могло длиться веками, магическая же картина была туманной и неясной. Одну женщину ему предстояло использовать, другую – полюбить. Любовь ждала его во времена великих перемен, когда сверхъестественные силы будут злорадно совать отравленные пальцы в человеческие дела. Более точного ответа магия дать не могла. Силам, которые Вартлоккур считал судьбами и нормами, предстояло вступить друг с другом в спор.

И он решил жить дальше, чтобы найти предназначенную ему любовь, чувствуя, что его направляет сама судьба.

Откуда-то – возможно, от магов-тервола или Принцев-Чудотворцев из Империи Ужаса – он набрался непреклонной уверенности, что судьбы правят его предназначением. Однако суть пророчества всерьез его беспокоила. Оплакивая Ильказар, он поклялся никогда больше

не использовать Силу для разрушения. Однако пророчество говорило, что во время грядущей эры хаоса случится иначе, и это повергло его в печаль. Вартлоккур смотрел в огонь костра, погруженный в размышления. За время пребывания в Шинсане он научился всем возможным чарам, окружая себя заклятиями. Какой ценой? Он не помнил. Его беспокоило и слегка пугало подобное выборочное беспамятство. Он получил дар вечной молодости, хотя не стал бессмертным. Однажды, когда этого пожелает судьба, он умрет, но никогда не постареет. Он мог обратить вспять процесс старения по собственному желанию, вплоть до того возраста, в котором на него наложили заклятие.

И он позволил себе постареть. Стариков уважали и лучше к ним относились. Одиноким, как никто другой в мире, он радовался даже самым простым и незначительным проявлениям доброты, которые случались в его жизни.

Он убедился, что пословицы: «Человек – не остров» и «Не хлебом единым жив человек» – полностью верны, сколь бы ни были неприятны.

Одиноким. Такой одиноким. Неужели ему не удастся найти хотя бы одного друга?

Какое-то время он играл роль шамана степного племени, радуясь даже такому положению. Он не мог заставить себя полностью отказаться от Силы, поскольку ему было необходимо, чтобы другие в нем нуждались, и тешил себя бесплодными надеждами, что племя его любит, так до конца и не поняв сущности человека. Племя отправилось на войну, и вожди разгневались, когда он отказался использовать Силу, чтобы обеспечить им преимущество. Он не воспользовался ею сверх необходимого даже тогда, когда они обратились против него.

Он снова стал бродягой, путешествуя по бассейну реки Роэ и бродя среди самых древних человеческих городов, но не увидел ничего, что улучшило бы его мнение о себе подобных. Он жалел, что река времени не бежит быстрее, – его любовь ждала где-то там, внизу по течению.

На восток от Ива-Сколовды вела старая дорога, словно идущая в никуда. Время от времени короли Ива-Сколовды посылали по этой дороге поселенцев на Восточные пустоши и в Шару, где они должны были вытеснить дикарей, пусть даже одним упорством и численностью, и тем самым добыть новые территории для короны. Участники подобных предприятий неизменно заканчивали жизнь в желудках варваров.

Возле города дорога была широкой и ровно вымощенной, однако через десяток лиг, утратив роль тракта, по которому свозили урожай из сельских окрестностей, она превращалась в обычную тропинку. Однажды весенним днем, двести лет спустя после падения Ильказара, по этой дороге шел Вартлоккур – печальный старик, которому так и не удалось найти ничего, что придавало бы его жизни смысл. Однако не столь давно он наткнулся на интересную легенду. В ней говорилось о далеком замке, творении неведомых строителей, и о бессмертном, прошлое которого было столь же туманным. И замок, и бессмертного следовало искать в конце этой дороги, среди громадных гор, называвшихся Зубы Дракона. И тот и другой, в соответствии с пророчеством самого Вартлоккура, могли стать неотделимой частью его судьбы.

Фрагмент этой легенды он нашел в одном месте, еще один – в другом, а в третьем – лишь обрывок, о смысле которого можно было только строить догадки. Все вместе они указывали на замок, называвшийся Фангдред или Замок Ветров, столь же древний, как Место Тысячи Железных Статуй, и вызывающий не меньший страх. И при этом – столь же таинственный, как якобы существующая где-то крепость Звездного Всадника. В Фангдред обитал бессмертный, известный лишь под именем Старец с Гор, который якобы укрылся там, чтобы избежать зависимости короткоживущих.

Возможно, думал Вартлоккур, у него с этим бессмертным много общего. Может быть, найдя Фангдред, он найдет то, что столь отчаянно искал, – дом и друга.

Вартлоккур опасался, что постепенно сходит с ума. В самом сердце непредсказуемого варварского мира, где каждый был взаимосвязан с сотнями других, живя, любя, смеясь, плача,

умирая и рожая потомков, лишь он один пребывал вовне. Словно наблюдатель, полностью чуждый человеческим делам. Ему не хотелось провести всю жизнь в стороне, он не хотел быть один – но понятия не имел, каким образом преодолеть дверь, отделявшую его от человеческого сосуществования. Когда он помогал другим, его проклинали. Когда не помогал – ненавидели. Однако он никак не мог избавиться от Силы, ставшей проклятием.

Ильказар заставил его бояться человеческих отношений. Чересчур сентиментальный образ матери, лица которой он даже не мог вспомнить, стал причиной того, что он протаптывал в жизни узкую, трудную и лишенную радости тропу. И каждый раз она оказывалась слишком жестокой по отношению к другим жизненным путям, с которыми пересекалась. Отношения с людьми никогда не складывались так, как виделось ему в снах. К тому же сны эти, о любви и мире без боли, становились все более реальными, в то время как жестокая обоюдоострая действительность становилась все более призрачной.

Единственным барьером, преграждавшим ему путь к безумию, оставалась женщина, что ждала где-то ниже по течению реки времени.

Он шел по этой дороге уже несколько недель – сперва через Восточные пустоши, пока не добрался до холмов, потом поднимался и спускался по склонам огромных, возвышавшихся над миром гор. Дорога поднималась все выше и выше, каждая гора превосходила предыдущую. Вскоре он оказался невероятно высоко. Тропа уже полмили вела над верхушками последних деревьев. Орлы парили под ним. Однако дорога поднималась все выше по серому камню и заснеженным склонам – едва заметная тропинка, пробитая в сплошной скале, вдоль гребней, иногда исчезающая в тоннелях, но все выше и выше. Наконец Вартлоккур остановился в месте, расположенном столь высоко, что он едва мог дышать. Дорога круто свернула вокруг острого как нож края утеса и закончилась.

Уставший и продрогший, он засомневался: не преодолел ли впустую тысячу миль? Но тут увидел выбитые в горном склоне ступени, едва заметные подо льдом и под снегом. Они вели в башню с зубчатыми стенами, выступавшую над маячившим над головой обрывом. Глухо застонав, он решительно двинулся в последнюю тысячу футов своего путешествия.

Ступени заканчивались на узком уступе перед крепостью. Башня, которую он уже видел снизу, гордо стояла на вершине, словно маяк, продуваемая всеми ветрами. В ней не наблюдалось никаких окон или дверей. Массивная цитадель спускалась до самого уступа, с которого открывался вид на тысячефутовый обрыв. Значит, это и был Фангдред и гора Эль-Кабар. Прежде чем постучать в низкие ворота, Вартлоккур еще раз обернулся и окинул взглядом Зубы Дракона.

Теперь ему стало ясно, откуда они получили свое название. Каждая вершина напоминала гигантский серо-белый клык, вонзившийся в подбрюшье неба. Бесчисленные голодные клыки, беспорядочно нагроможденные в глубоких узких пастях ущелий, до затянутого туманом горизонта.

Вартлоккур остановился перед воротами.

Странное дуновение ветра пошевелило затхлый воздух в зале у вершины Башни Ветров замка Фангдред. В воздухе нервно заплескала пыль, словно внезапно зарядившись статическим электричеством. Тихие звуки, облачка пыли, шепот – какое-то движение. Сидевшая на выдолбленном в древнем камне троне исхудавшая фигура – настолько покрытая пылью и паутиной, что внешне ничем не отличалась от мумии, – слабо вздохнула. Вздох прокатился эхом по наглухо закрытому помещению. На сморщенном лице открылись глаза, в которых блеснула жизнь. Длинная седая борода упала на запыленную синюю мантию, которая сама рассыпалась в пыль, стоило сидевшему пошевелиться.

Глаза его были удивительны. Они казались до сих пор молодыми и искрящимися, словно от смеха, хоть и принадлежали древнему старику. Но это не были глаза душевно здорового человека. Их обладатель прожил слишком долго, чтобы избежать поцелуя безумия.

Старик долго сидел неподвижно, сосредоточенно глядя перед собой. Уже сто лет он пребывал во сне, ожидая, пока случится что-нибудь интересное. «Что будет на этот раз?» – думал он. Взгляд его упал на висящее на стене зеркало, в котором отражался не вид запыленной комнаты, но дорога, ведущая на Эль-Кабар.

– Ага! Гость, – прозвучал шепот, столь тихий, что едва пошевелил осевшую на усах пыль.

Прошли века с тех пор, как кто-либо приходил искать Старца с Гор. Жизнь в Фангдредде протекала в одиночестве. Теперь, однако, он обрадовался. Гость. Ради этого действительно стоило проснуться.

Почти час ему пришлось собираться с силами, прежде чем он решился на что-то большее, нежели дыхание и вращение глазами яблоками. Глаза его быстро старели, их покидала радость жизни. Слишком стар он стал, слишком стар. Наконец сморщенная рука коснулась маленького флакона, спрятанного в углублении на подлокотнике трона. Он толкнул флакон кривым пальцем, и тот упал на пол. Звук разбившегося стекла в пустом помещении походил на удар в медные тарелки. По полу расползлся кроваво-красный пар, поднимаясь в воздух. Старец глубоко вздохнул. С каждым вдохом красного тумана по его телу проходила волна жизни. Вскоре кожа порозовела, а к ослабшим мышцам вернулась прежняя сила.

Наконец он встал и, пошатываясь, прошелся по комнате. Пыль, в которую превратилась его мантия, рассеялась, обнажив тело. Шаги босых ног приглушенно звучали в слое пыли. Он подошел к шкафчику, где стояли бутылки, стаканы и вазы, и облокотился на него, переводя дыхание, затем взял маленькую бутылочку, открыл и проглотил содержимое. Что это было? Похоже, что-то горькое. Он поморщился. Но при всем этом снадобье обладало невероятной силой – тело его заметно оживилось.

Старец был магом, специалистом в области магии жизни, которая являлась весьма непrouстым предметом для исследований. В комнате хранились разнообразные магические вещицы, но, кроме позволявшего видеть на расстоянии зеркала, ни один не превосходил способностей кого-либо из учеников чародея.

Прошел еще час. Старец становился все сильнее. Почувствовав, что действительно готов, он подошел к двери – невидимой, пока он не потянул за рычаг, спрятанный среди украшений, – и за ней открылась ведущая вниз погруженная во мрак лестница. Идя через замок, он осматривал повреждения, которые причинило ему время, отмечая в памяти, что нужно сделать, дабы привести все в порядок.

Он добрался до дверей, ведущих во внутренний двор, расположенный за воротами замка, и услышал громкий стук, доносившийся с другой стороны больших бронзовых ворот. Слегка спотыкаясь, поскольку по дороге подвернул лодыжку, он поспешил к большому рычагу и, дрожа на пронзительном ветру, начал сражаться с механизмом. Наконец, судя по скрипу и скрежету, противовес двинулся с места. Чувствуя, как лицо краснеет от холода, он задумался: поддадутся ли вообще ворота? Однако в конце концов появилась узкая светящаяся щель, постепенно становясь все шире.

Несколько мгновений они стояли молча, разглядывая друг друга. В чем-то они были очень друг на друга похожи, хотя и столь разные. Волосы и борода Старца полностью поседели, у Вартлоккура еще пробивались остатки естественного цвета. Чародей был выше, но одиночество одинаково изрезало морщинами их лица. Они сразу же узнали друг друга – естественно, не по имени, но поняв, что каждому из них нужно от другого. Они стали друзьями, не успев произнести первые слова.

Жестом показав на свою наготу, Старец пригласил Вартлоккура внутрь. Чародей слегка наклонил голову, принимая предложение. Оба все так же молчали.

Старец закрыл ворота и повел Вартлоккура внутрь замка.

Чародей окинул взглядом запыленные коридоры, по которым они шли. Отметил их возраст, мрачный вид и отсутствие каких-либо следов жизни в пятнах серого света, отбрасываемых падавшими из высоких окон лучами солнца. Судя по всему, здесь мало что происходило.

В помещении, расположенном глубоко внутри крепости и выдолбленном в самом скальном подножии горы, Старец сделал несколько жестов перед большим, покрытым пылью шкафом. Вартлоккур кивнул, узнав заклинание для снятия охранного заклęcia. Передняя часть шкафа исчезла, и сверху посыпалась пыль.

Старец отчаянно жестикулировал, вглядываясь во внутренность шкафа. Дальнейшие объяснения Вартлоккуру не требовались. С помощью мелкого заклинания он очистил от пыли каменный стол. Старец извлек защищенную от течения времени бутылку вина. Вартлоккур расставил тарелки, приборы и оловянные кружки. Старец достал откуда-то тарелку с горячей, еще дымящейся свининой и еще одну, со свежими фруктами. Сотворив для себя новую одежду, он поспешно оделся и, когда его наконец перестала бить дрожь, подошел к Вартлоккуру.

Чародей убедился в том, что вино отменное, хотя оно и вызвало у него давнюю грусть – ибо это было золотое пряное вино из Ильказара, мягкое, словно поцелуй девственницы, и почти столь же редкое, как единороги.

– Я Вартлоккур.

Старец немного подумал и наконец кивнул:

– Молчун, Живущий в Печали. Из Ильказара.

– И Элдред-Бродяга.

– Грустный человек. Я порой наблюдал за ним. Ему довелось испытать горького вина. Собаки иногда могут быть человечнее людей, – по крайней мере, они не знают, что такое неблагодарность. Или предательство.

– Верно. Но я забыл, что такое гнев и разочарование.

– Как и я. Они всегда будут тем, чем являются, и ничто их не изменит. Ты пришел сюда в поисках чего-то?

– Места вдали от всех других мест и людей. И одиночества. Двести лет среди людей... это уже слишком.

– За последние сто лет что-то изменилось? Я полностью их проспал, устав от однообразия.

– Думаю, да. Да. Погибали города, и возникали новые королевства. Но короли и простые люди в глубине души остались такими же.

– И так будет всегда. В Фангдред-ты найдешь убежище. Добро пожаловать. Но нужно многое сделать, чтобы место это стало пригодным для жизни. Возможно, придется нанять слуг и ремесленников. Почему именно здесь?

– Как я уже сказал, мне нужно место, расположенное вдали от мира, однако не полностью уединенное. Чтобы ждать.

– Чего?

– Женщину и свою судьбу. Уже несколько десятилетий я не вызывал свое пророчество. Может, хочешь посмотреть? Тогда лучше поймешь.

– Конечно. Как скоро?

– От нее меня все еще отделяют два столетия вниз по течению. Судьбы скрывают реку времени за завесой, не позволяют увидеть большую часть той эпохи. Их ладони глубоко погружаются в поток событий, несущих времена споров и настоящих перемен. За империю будут сражаться великие силы. Чародеи встретятся в битвах, каких не знали предыдущие эпохи. Это все, что мне удалось до сих пор предвидеть. Редко когда мне доводилось иметь дело со столь неясным пророчеством.

– Вот как? И что с теми судьбами? Они обратились против тебя? – Глаза Старца заблестели, словно он размышлял о возможности бросить вызов тому, чему ничто не может противостоять.

– Они встанут на чью-то сторону, но я понятия не имею ни как такое может быть, ни на чем основана моя роль. Они играют в сложную игру, действуя против норн, однако не понятны ни правила этой игры, ни ставка в ней. Неясно также, кто игроки, а отношения их эфемерны.

– У тебя есть теория? – Старец задумчиво потянул себя за бороду.

– Весьма поверхностная. Возможно, стороны в этой игре – системы управления миром. Магия против науки. Романтический застой против бесстрастного прогресса. Ставкой может быть действенность магии и ее божественная природа. Это ставит нас на сторону богов. Но я не могу понять, как норны могли бы с нами сражаться, если все действительно обстоит именно так. В упорядоченном рациональном мире для них тоже нет места.

Старец провел сморщенной рукой по волосам:

– Понимаю. Мы живем в зачарованном мире, которым правят законы магии. В подобной системе нет места новому или переменам. По той же причине он особо не изменился со времен появления Звездного Всадника. – Событие это произошло раньше, чем мог вспомнить даже сам Старец, хотя знал он намного больше, чем готов был признать. – И все будет продолжаться точно так же, пока Сила не умрет. Понятия не имею, прав ли я. Я вынужден оставаться на стороне магии. Мой выбор был предreshен давным-давно, прежде чем я еще понимал достаточно, чтобы иметь возможность разумно выбирать.

– Представь себе, как мог бы выглядеть мир без магии.

Старец прикрыл глаза, откинулся на спинку стула и дал волю воображению. Он долго сидел неподвижно и молча – казалось, вообще заснул. Будь у Вартлоккура меньше выдержки, он давно бы уже потерял терпение. Однако для Вартлоккура понятие о времени было совсем иным, нежели для короткоживущих.

– Это был бы не слишком приятный мир, – ответил наконец Старец. – В нем не нашлось бы места для нас. Колдовство считалось бы дурной шуткой, а драконы и подобные им существа стали бы героями детских сказок. Боги бы потеряли свой авторитет, превратившись в невесомый дым. Неприятный мир, я бы сказал. Мне бы и там пришлось встать на сторону магии. Ты устал?

– От многих дорог и от многих вещей, прежде всего от жизни. Но я намерен дождаться ее.

– Так отдохни. Утром займемся обновлением Фангдредра. А потом начнем готовиться к будущему поединку.

Честно говоря, Вартлоккура не слишком заботило предстоящее сражение. Он думал о нем лишь как о цене, которую придется заплатить за встречу со своей женщиной.

– Где я могу расположиться?

– Башня Ветров подойдет тебе лучше всего. И наверняка особо полезным окажется для тебя зеркало. Я покажу, как туда пройти.

Даже воробей находит свой дом.

8

Лето 996 г. от О. И. И Цитадели ее непобедимы

Авангард армии союзников, шедший в быстром темпе впереди главных сил, добрался до Кандарина намного раньше, чем предполагал Турран, и потому ворота пришлось запереть задолго до того, как он рассчитывал. Люксос и Ридье до сих пор не вернулись – их задача заключалась в слежке за армией Гаруна.

Как и предполагалось, экспедицией командовал бин Юсиф. И как и предвидел Гримнасон, командовавший наемниками Туррана, человек этот, как обычно, полагался на неожиданность.

Рыжебородый и Турран сидели на корточках в лунном свете, что заливал возвышавшуюся над воротами Вороньего Грая высокую башню, и наблюдали за разбитым у подножия Кандарина лагерем.

– Там! – сказал наемник, показывая на серебристый блеск на склоне.

– Ты выиграл. – Турран отсыпал ему горсть серебряных монет. – Я готов был все поставить на то, что люди его будут чересчур устали, а силы слишком малы.

– Потому он и идет сюда. Он знает, что могут подумать другие.

Турран повернулся, глядя через парапет на внешне пустынный внутренний двор, где затаилась в ожидании половина гарнизона. Он дал им сигнал приготовиться.

Воины бин Юсифа уже добрались до подножия стен.

– У них могло и не получиться, – заметил Турран. – Они действительно хороши. Жаль, что мне первому не пришло в голову их нанять. Без обид, Гримнасон. Ты уже доказал, что тоже многого стоишь.

Над зубцами башни пролетели стрелы с привязанными к ним тонкими тросиками.

– Металлические стрелы, – заметил Гримнасон. – Они цепляются за зубцы, а потом по веревке взбирается самый легкий воин.

Так оно и произошло. Взобравшись, тот втащил за собой более толстую веревку, которой был обвязан, закрепил ее и повернулся, окидывая взглядом замок.

– Сам Гарун собственной персоной! – тихо проворчал Турран. – На этот раз он у нас в руках.

Он посмотрел в сторону лагеря, разбитого внизу склона. Ярko горели костры, создавая иллюзию, что авангард атакующих ожидает прибытия остального войска. Однако то тут, то там на склоне поблескивало в свете луны оружие. Блеск этот остался бы незамеченным, если бы Рыжебородый не настаивал на своих опасениях.

Один за другим на стену вскарабкались двенадцать мужчин. Пошептавшись о чем-то, они разошлись. Четверо двинулись следом за Гаруном вниз во двор, направляясь к подножию башни, а затем в тоннель, ведущий сквозь стену. Остальные разделились на два отряда, и каждый направился к одной из сторожевых будок у ворот. Четверо, сопровождавшие Гаруна, пытались поднять внутренний каменный блок, перекрывавший вход в тоннель.

Воины вышли из сторожевых будок.

– Нужно было кого-то оставить там внизу, – прошептал Турран. – Вскоре они заподозрят неладное.

– Теперь уже поздно, – усмехнулся Гримнасон. – Ловушка захлопнулась.

Он перегнулся через парапет, давая знак солдатам, укpывшимся среди скал за воротами.

Несколько мгновений спустя раздался крик:

– Стоять! Бросить оружие!

Послышалась двойная нота сигнального рога. Выбежав во двор, солдаты бросились в сторону стены.

У ворот началась суматоха. Кричали солдаты. Свистнули тетивы арбалетов. Сталь лязгнула о сталь. Пробившись сквозь гущу атакующих, Гарун и четверо его людей побежали вниз по склону.

– Назад! – крикнул бин Юсиф. – Это ловушка! Отступаем!

Вдоль стен Вороньего Грая вспыхнули факелы. Выпустили снаряды заранее подготовленные катапульты. Начали стрелять лучники. Вылетевшие из катапульт масляные бомбы залили склон жидким огнем. Воины Гаруна беспорядочно метались в пылающей одежде, словно обезглавленные куры.

– Не так уж и сложно, – заметил Турран. – Однако меня беспокоит возможность более серьезных атак. Этот человек дьявольски талантлив.

Остальные прятались внутри замка. Непанта и Сальтимбанко, в распоряжение которых оказалась вся стена, смотрели вниз на Кандарин. Тот тут, то там все еще пузырились лужи горящего масла, отбрасывая зловещий свет и тени на потрескавшийся камень. Некоторые тени двигались – солдаты Гаруна собирали павших.

Они долго стояли молча. Сальтимбанко думал о Рыжебородом – Браги Рагнарсоне, он же Рендель Гримнасон. Почему, во имя всего святого, он предупредил Туррана? Если бы не это, Вороний Грай стал бы добычей атакующих и работа, для которой их наняли, закончилась бы. Сам же он исполнил бы завидную роль инструмента, который даже не потребовалось снимать с полки.

Что, дьявол его побери, замышлял этот человек?

Непанта тоже беспокоилась. Наконец она поняла, над чем смеялись все те женщины, – и это ей нисколько не понравилось. Что-то в глубине души подсказывало: закончится все непристойно.

Но демоны, выползавшие из темных уголков души, мучили ее куда меньше, когда рядом был Сальтимбанко. Более романтическая и светлая сторона ее личности постепенно одерживала верх. И тот факт, что Сальтимбанко это совершенно не волновало, лишь тому способствовал.

Послышался крик раненого солдата, которого подняли с земли товарищи неподалеку от стен замка. Вздвогнув, Непанта придвинулась ближе к Сальтимбанко, сжав пальцами его руку. Она не отдавала себе отчета в том, что делает, а он притворялся, будто ничего не замечает.

Сальтимбанко услышал далекие шаги и поднял взгляд, ожидая увидеть очередной отряд стражи, регулярно проходившей вдоль стены. Вместо этого он увидел Гримнасона и его жену. Непанту удивило бы выражение лица толстяка, полное совершенно несвойственных ему суровости и гнева. Это продолжалось лишь мгновение, но не ускользнуло от внимания двоих. Капитан вздрогнул, его жена бросила на толстяка вызывающий взгляд.

– А! – сказала Непанта. – Капитан Гримнасон. И Астрид. Астрид, ты сегодня прекрасно выглядишь.

– Угу, – буркнул Гримнасон. – Мне не сразу удалось ее уговорить. Как тебе это платье? – спросил он, избегая взгляда Насмешника.

– Фантастика. Астрид, одежда для езды верхом тебе и правда не идет. Если бы ты вошла в этом платье в Большой зал, все женщины бы тебе завидовали. Правда, Сальтимбанко?

– А? О да, правда. – Взгляды его и офицера скрестились, словно клинки рапир. – Мадам Гримнасон отлично смотрится в роли жены полковника.

Непанта сильнее сжала его руку.

– Ну вот, ты все выдал. Это был сюрприз. – Повернувшись к супругам, она объявила: – Турран представил тебя к повышению. Сказал, что свяжется с Гильдией, как только закончится осада.

– Я больше не член Гильдии, госпожа.

– Они, однако, считают иначе.

Капитан пожал плечами:

– Им не нравится, когда кто-то пытается с ними порвать. Но с другой стороны, ничего не делают для того, чтобы стоило оставаться в их рядах.

– В любом случае, когда мой брат об этом объявит, постарайся сделать вид, будто для тебя это неожиданность. Он много думает о тебе, капитан. Как так получается, что ты всегда знаешь, что собирается сделать Гарун?

– Ха! – воскликнул Сальтимбанко. – Благодаря звездам, сверкающим на небесах, Рыжебородому всегда известны мысли ненавистного врага! Иначе – что бы сейчас с нами было? А может быть, нас вообще бы уже не было. Война бы закончилась, и Вороний Грай бы пал – могло случиться и так.

Наемник понял намеки, но предпочел пропустить их мимо ушей.

– Госпожа, мои люди были солдатами в течение многих поколений, передавая профессиональные секреты от отца к сыну. И один из них состоит в том, чтобы постоянно изучать свершения выдающихся полководцев наших времен, на случай если придется с кем-то из них сразиться. Полагаю, я достаточно хорошо знаю Гаруна, хотя сомневаюсь, что мы сумеем снова заманить его в ловушку.

– Гарун – очень хороший генерал, – сказал Сальтимбанко. – Он захватил Ива-Сколовду исключительно с помощью бандитов, хоть у него и не было численного превосходства. Боюсь, что вскоре мое дородное тело может стать его пленником. Как бы ни был велик этот замок, его осаждает не менее великий генерал. И людей у него больше, чем у наших защитников. Чудо, если сегодня ночью он не усядется за стол в Большом зале. И действительно, неслыханное чудо, что для несчастного Вороньего Грая еще не все закончилось.

В голосе прозвучал гнев, однако Непанта ошибочно приняла его за страх. Капитан тем не менее понял – как и его жена.

– Госпожа, – сказала она, – могу я с тобой поговорить? Наедине? Мне хотелось бы попросить тебя одолжить пару вещей и, может быть, еще одно платье. Но такие вопросы при мужчинах не обсуждают.

Непанта кивнула и отпустила руку Сальтимбанко, наконец осознав, что держит ее в своей и что, к ее удивлению, ничего дурного не случилось. В душе у нее что-то дрогнуло. С трудом подавив дрожь возбуждения, она пошла следом за Астрид, и обе скрылись в тени возвышающейся над воротами башни.

Насмешник едва дождался, пока они уйдут:

– Что ты себе позволяешь, Браги? Все бы давно уже закончилось, но нет – дураку приспичило пасть раскрыть! По-своему решил? Предать нас задумал? Я, правда, уже полгода не упражнялся с рапирой, но до сих пор могу тебя молниеносно прикончить...

Капитан вздрогнул. Он не сомневался, что толстяк в состоянии победить его в поединке. Мало кто из живущих на этом свете мог бы сравниться с Насмешником в искусстве фехтования.

– Я тяну время, – заявил он. – Что-то тут крайне дурно пахнет, но не могу понять, что именно. Я задержал Гаруна, чтобы у нас было время это выяснить. И я хотел его поймать, чтобы поговорить. В последний раз, когда представился подобный случай, мне пришлось напрячь все свое воображение, чтобы Турран не наложил на него лапы.

– В последний раз?

– Когда мы возвращались из Ива-Сколовды. Тихо!

Мимо прошел сонный часовой, что-то пробормотав вместо приветствия и не обращая на них особого внимания. Сальтимбанко, как всегда, спорил насчет того, что Земля круглая.

– Продолжай, – рявкнул Сальтимбанко, когда стражник скрылся из виду. – Мне крайне интересно, как ты объяснишь пустой кошелек, который сегодня должен был стать полным.

– Я уже сказал – что-то тут не так. Эти Короли Бурь – всего лишь скучающая компания, играющая в шахматы живыми фигурами. Кроме Туррана и, может быть, Вальтера, никого из них не волнует воскрешение империи. Нет никаких причин тратить столько сил для того, чтобы их уничтожить. Так зачем же старик нас нанял? Вот это мне и хотелось бы узнать. И я буду искать, пока не найду...

– Совесть? – фыркнул Сальтимбанко. – Дорогой мой друг, неужели через столько лет в тебе вдруг пробудилась совесть?

– Нет. Инстинкт самосохранения. Если бы я понимал, что происходит, и был уверен, что нам ничего не угрожает, в одно мгновение перерезал бы Туррану горло... даже несмотря на то, что он мне нравится. Нет, дело не в совести. Кто-то нас использует, и я хочу знать для чего, прежде чем горло перережут мне самому. Я не перехожу на другую сторону, просто какое-то время не буду поддерживать ни одну из них. Однако если кто-то из нас и может предать, то ты единственный, у кого есть причины.

– Гм?

– Непанта. Слишком уж вы увлеклись друг другом.

– За эту работу мне заплатил старик – чтобы я разделил семью Королей Бурь, на всякий случай. Проник в их ряды, так сказать. Тихо! Женщины возвращаются. Это большой шар, вроде мяча, в который играют дети, только огромный-преогромный!

– А что с кораблем и гигантской уткой? – смеясь, спросила Астрид.

– Ха! Да, это большой круглый шар в море эскалонского вина, который толкает своими лапами утка в звездной Вселенной!

Гримнасон вынужденно рассмеялся. Жена скользнула под его руку, напрашиваясь на объятие, и отвела в сторону. Затем она тоже обняла его за талию, и они ушли. Непанта смотрела им вслед, уставившись на их руки.

Происхождение Гримнасона было весьма смутным. Лишь его жена и несколько друзей знали о нем больше того, что на самом деле его зовут Браги Рагнарсон и он родился в Тролледингии, стране, расположенной к северу от Крачнодьянских гор. Однако большинство из тех,

кто встречался на его жизненном пути, это совершенно не волновало – их интересовали лишь его военные умения. О чем, однако, не знали его работодатели – и за что некоторые поплатились, – так это о близкой дружбе Рагнарсона и бин Юсифа. Выступая на разных сторонах конфликтов, они влияли на ход военных действий так, чтобы те шли по их плану, действуя с таким изяществом, что даже проигранные кампании лишь поднимали их репутацию. Насмешник обычно играл роль посредника.

Они ни разу не попались, хотя у серьезных аналитиков с Высокого Утеса и из итаскийского Главного штаба – у каждого имелись свои причины, чтобы внимательно наблюдать за действиями обоих, – постепенно появлялись определенные подозрения. Их сотрудничество во время войн Эль-Мюрида и в последующие годы не могло остаться незамеченным. Если бы кто-то решил всерьез покопаться в прошлом кого-то из них, все неминуемо бы раскрылось. Но как правило, на более или менее серьезные поиски попросту не хватало времени или денег.

Однако старик, который платил им сейчас, уже при первой встрече предоставил все доказательства их прошлой деятельности, а также заранее подготовил для Браги новую личность Гримнасона.

Рагнарсон был сыном мелкого тролледингского вождя, Рагнара из Драукенбринга. Военный опыт он получил еще в десятилетнем возрасте, когда отправился с отцом в плавание через Огненные Языки, чтобы напасть на побережье Фрейланда. Затем последовала тролледингская война за трон, в которой Рагнар выступал на стороне проигравших. Браги и его молочный брат Хаакен Черный Клык сбежали через Крачнодьянские горы. В шестнадцать лет он уже стал членом Гильдии Наемников.

Почти сразу же после разразились войны Эль-Мюрида. У Браги оказалось по горло работы, а также множество возможностей доказать свои командирские способности. Именно тогда на его пути встретился Гарун бин Юсиф, Король без Трона.

В двадцать лет Браги стал капитаном Гильдии, но хотел подняться еще выше. Однако ему никак не удавалось избавиться от главных своих недостатков – жадности и полной неспособности жить по законам мирного времени. Он пришел к выводу, что добьется большего вне Гильдии, как сообщник Гаруна, нежели полковник или даже генерал. Гильдия была чем-то вроде мистического монастыря со спартанскими законами, дававшими мало возможностей для личного обогащения.

После ряда поражений, которые он потерпел, действуя самостоятельно, Рагнарсон собрал отряд бывших солдат Гильдии, думавших так же, как и он, и вернулся к прежней профессии наемника. Его не особо любили на Высоком Утесе, где располагалась штаб-квартира Гильдии и где старые солдаты из цитадели считали его отступником. Порой даже грозили, что примут его отставку.

Непанта склонилась над вышивкой, погруженная в размышления. Кто-то постучал в дверь. Она обрадовалась, что ее прервали, молясь, однако, о том, чтобы это был не Сальтимбанко. Теперь ей уже не хотелось оставаться с ним наедине.

– Входи! – крикнула она, вызывая звонком служанку.

В комнату неуверенно вошла Астрид, слегка ошеломленная царившей в ней роскошью.

– Я пришла насчет платья. Рендель хочет, чтобы я надела его сегодня вечером.

– Я велела Анине положить его в спальне.

Появилась служанка:

– Госпожа?

– Принеси нам немного вина, а потом поможем Астрид в том деле, о котором говорили сегодня утром.

– Да, госпожа.

Служанка поклонилась и вышла. В комнате наступила не нарушаемая ничем тишина, которая всегда возникает, когда встречаются две задумавшиеся женщины. Астрид, которую на самом деле звали Элана, хотела дать Непанте совет или хотя бы чем-то утешить, но тут же подавила в себе это желание. Эта женщина была ее врагом, однако она не могла ненавидеть Непанту, даже сочувствовала ей – ведь та не причинила ей никакого вреда. Да будут прокляты все интриги мужчин! Она бы предпочла, чтобы они были подругами, а не врагами.

Тишина становилась все более пугающей и холодной, и нужно было ее как-то прервать.

– Мне не хватает слов благодарности за то, что ты одолжила свои платья. Жене солдата нечасто доводится раздобыть что-нибудь красивое.

Слова ее предназначались лишь для того, чтобы нарушить повергающую в ужас тишину.

– Почему же ты осталась с Ренделем? – спросила Непанта, и на лице ее промелькнула тень надежды. Астрид же сразу почувствовала, что разговор их будет вращаться вокруг проблем Непанты. – Ты красивая и благородная женщина.

Элана улыбнулась. Мать ее была знаменитой итаскийской куртизанкой.

– Ты вполне могла бы оказаться в высшем обществе. Вряд ли тебе так сложно привлечь внимание какого-нибудь лорда-землевладельца.

Случалось и такое, по крайней мере иногда, но – раньше, когда она была моложе и пыталась делать осторожные шаги по тому же пути, каким шла ее мать. Она снова улыбнулась собственным воспоминаниям.

– Думаю, при желании я бы без труда этого добилась. Но мне попался на глаза Рендель. – Ее радовала возможность слегка приподнять завесу тайны и открыть частичку правды.

В этом замке у нее не было подруг, она ни с кем не могла бы просто сесть и посплетничать, как женщина с женщиной. Мало кто из членов дружины Браги был женат.

– Я не скучаю по роскоши... во всяком случае, не особо... поскольку у меня нет на это времени.

Улыбка на ее губах поблекла. На самом деле ей отчаянно хотелось иметь дом, детей, кое-какие предметы роскоши, но Браги никогда не удавалось добыть слишком много денег. Прежде чем они успевали где-то обосноваться, начиналась очередная военная кампания. Возможно, эта станет последней – если старик заплатит столько, сколько обещал, если Браги решится наконец действовать, если их не обнаружат... Все эти «если», кошмарные «если»...

Непанта озадаченно наморщила лоб.

– Не понимаешь, – сказала Элана, словно говоря о чем-то очевидном и из всех сил пытаясь собраться с мыслями. Разговор с Непантой о ее проблемах наверняка помог бы отодвинуть в сторону собственные. – Когда встретишь мужчину своей мечты – поймешь, о чем я. В наше время они не являются к нам в сверкающих доспехах. Но когда ты действительно его встретишь, шелка и безделушки ничего не будут для тебя значить. Палатка в поле станет ничем не хуже замка, а солома – мягкой как пух, лишь бы вы были вместе. Приготовься принять то, что рано или поздно произойдет. Смотри не на обертку, а на содержимое. Иначе проведешь остаток жизни, размышляя о том, почему ты была такой идиоткой. Похоже, я слишком склонна к нравоучениям, да?

– Ты в самом деле его любишь? – спросила Непанта. – Я имею в виду Ренделя.

Она смутилась еще больше, стыдясь того, что говорит об очевидном.

Элана сперва считала, что завела этот разговор, желая помочь Насмешнику, но, подумав, пришла к выводу, что слова идут из глубины души.

– Больше, чем сама это осознаю, раз уж ты спрашиваешь. Сама удивляюсь. Боги, у нас не было даже медового месяца... мы оба слишком упрямы... но нет ничего такого, из-за чего я могла бы его бросить. Да, я его люблю. Даже несмотря на то, что мне самой пришлось предложить себя ему в жены.

Она рассмеялась.

– Ты попросила его руки?

– Конечно. По-настоящему тяжелый случай. Мне даже потребовалось некоторое время, чтобы его убедить.

Служанка принесла вино, налила им, затем обратилась к Элانه:

– Если перейдешь в спальню, я помогу тебе примерить платье.

Комната Непанты выглядела настоящим чудом, но спальня показалась Элانه чуть ли не сказочной страной. Роскошь покрывала ее толстым слоем, словно осенняя листва, создавая ощущение уюта и покоя.

– Когда мы с Ренделем поженились, он обещал мне такую же комнату. До сих пор я даже не думала, что когда-либо подобное увижу.

– Это лишь подарки братьев, – пожалла плечами Непанта. – Ковры – трофеи Джеррада, в основном медвежьей шкуры. Ридье привез из Эскалона зеркало – якобы магическое, но никто из нас не может привести его в действие. Оно ужасно старое. Кровать сделал Люксос – он собственноручно украсил ее резьбой, точно такой же, какую видел в Итаскии. По крайней мере, так он сказал.

Обойдя Элану, служанка начала развязывать тесемки ее платья.

– Вальтер подарил мне картины, – продолжала Непанта. – Ты когда-нибудь видела что-то подобное?

– Только однажды. В Хеллин-Даймиеле, в музее.

– Именно оттуда он их и привез – из Хеллин-Даймиеля. Думаю, они украдены из музея, хотя Вальтер никогда бы так не поступил. По крайней мере, мне так кажется, хотя он никогда не говорил, каким образом их заполучил. Брок дал мне те маленькие фигурки. – На подставке размером не больше ладони Эланы стояли микроскопические замки и воины. – Они вырезаны вручную: светлые – из алмазов, красные – из рубинов. Это фигуры для какой-то игры. Вероятно, тоже украдены – только король мог позволить себе подобное.

Элана, уже обнаженная, дрожала от осеннего холода, царившего в неотапливаемых комнатах Вороньего Грая.

– А что подарил тебе Турран? – спросила она, подойдя к служанке, стоявшей возле груды шелковых платьев.

– Ничего! – бросила Непанта. – Совсем ничего!

– Госпожа! – послышался голос служанки. – Все-таки он тебе кое-что подарил. То самое платье, которое он назвал самой легкой частью своего подарка.

Она хихикнула. Служанке было не больше четырнадцати – возраст, в котором все является поводом либо для смеха, либо для отчаяния.

Непанта прикусила губу и, нахмурившись, отвернулась:

– Анина, ты слишком много говоришь.

Служанка снова хихикнула, затем подошла к гардеробу.

– Анина!

Анина вернулась, неся роскошное одеяние. У Эланы аж захватило дух. Шелка, из которого оно было сшито, хватило бы на паруса для корабля.

– Свадебное платье! – воскликнула она. – Непанта, это лучший из всех подарков!

Непанта столь сильно закусила губы, что те побелели, и стиснула пальцы.

– Это лишь половина подарка, – сказала Анина. – Остальное – мужчина, прилагающийся к этому платью. Видишь ли, здесь браки заключает хозяин замка.

– Хватит! – рявкнула Непанта. – Анина, выйди! Я помогу Астрид. Будешь драить полы – может, научишься держать язык за зубами.

Служанка попыталась изобразить раскаяние, но не выдержала и снова захихикала.

– Прислуга, чтоб ее! – буркнула Непанта.

– Она не хотела ничего дурного, госпожа.

– У меня есть имя. Называй меня Непанта. Наверняка она не хотела ничего дурного, но слишком много себе позволяет.

– Думаю, это прекрасный подарок.

Непанта дернула за тесемки так, что у Эланы перехватило дыхание.

– Какой именно? – требовательно спросила она.

– Платье, конечно. Я выходила замуж в лохмотьях. Что за платье! И как выглядела бы свадьба с невестой в таком наряде! словно коронация в старом Ильказаре.

– Я не собираюсь выходить замуж. Никогда, – сквозь зубы проговорила Непанта. – У меня нет никакого желания – чтобы какой-то мужчина залезал на меня и лапал, словно... словно скотину!

Резкость ее тона поразила Элану. Непанта снова изо всех сил дернула за тесемки. Элана хотела что-то сказать, загладить впечатление от предыдущей фразы, может быть, утешить, но интуитивно почувствовала: лучше всего промолчать. Тема была закрыта – если только Непанта не собиралась вновь ее касаться.

В спальне наступила тишина, нарушаемая лишь шорохом ткани, и так продолжалось до тех пор, пока Непанта не начала помогать Элане надевать туфли.

Элана сидела на краю кровати. Непанта стояла перед ней на коленях, застегивая ремешки туфель.

– Каково это – иметь мужчину? – пробормотала она, уставившись на ноги Эланы.

– Что?

Шея под волосами Непанты покраснела.

– Ну... знаешь...

Элана прекрасно понимала, что ответ станет решающим как для ее будущего, так и для будущего этой странной женщины. Она пыталась придумать какой-нибудь поучительный совет, но ничего не приходило в голову.

– Что я могу ответить? Трудно сказать, как это у тебя будет.

– Ну хорошо, а ты как думаешь? Мать никогда этого не любила. Она говорила, что это непристойно... что... ну, не знаю.

– Но у нее было семеро детей.

– Я про мачеху. Моя настоящая мать умерла, когда родила меня.

– Некоторые женщины надевают подобные маски в обществе других, но вряд ли берут их с собой в постель. В том нет ничего грязного или плохого...

– Но каково это? – жалобно спросила Непанта.

Пожав плечами, Элана принялась объяснять все с самого начала.

– Как это делается, я знаю...

– Тогда что я могу сказать? Есть только один способ убедиться. Самый трудный.

Все еще не поднимая головы, Непанта прошептала:

– Это больно в первый раз? Я слышала... – Она не договорила.

– Немного, по крайней мере у некоторых женщин. Но ты быстро об этом забудешь. Я уже едва помню...

Непанта резко встала и отошла в сторону.

– Я закончила, – сказала она. – Посмотрись в зеркало. – Пока Элана разглядывала свое отражение, она добавила: – Астрид, мне немного страшно. Я не могу измениться! Иногда, когда он здесь, мне очень этого хочется, но стоит только подумать... Я не хочу. Не хочу меняться! Не знаю, что делать. Я жалею, что я женщина. Во всяком случае, жалею, что я не нормальная женщина.

– Ну, мне кажется, не такая уж ты и ненормальная, – ответила Элана, пытаясь ее успокоить. – Мы все боимся... некоторые даже смертельно... когда ждем того, что должно произойти. Кажется, будто... Проклятье! Не могу объяснить! А потом все выглядит иначе. Страх исчезает.

Иногда это происходит постепенно, но происходит всегда. Не могу тебе ничего больше сказать, кроме того, что в близости с мужчиной нет ничего дурного. Идем, ужин ждет. Рендель будет беспокоиться, а Турран все перевернет верх дном.

9

Лето 996 г. от О. И. И
За стенами, что достигают неба

– Лучше бы они перестали бить в барабаны! – рявкнул Турран. Перегнувшись через стену, он вглядывался в лагерь врага. Глухой грохот поднимался эхом, словно сердцебиение мира. – Они меня с ума сведут!

– На том все и основано, – ответил Рагнарсон, облачиваясь о стену рядом с ним. – Война нервов. Старый трюк бин Юсифа. Он узнал, что именно так поступают в Шинсане.

– Во всяком случае, он действует. – Повернувшись, Король Бурь взглянул вдоль стены на прогуливающихся Непанту и Сальтимбанко. – Однако не всех, похоже, это волнует. Наш симпатичный друг делает успехи.

И в самом деле, они прохаживались рука об руку, причем Непанту, похоже, совершенно не смущало, что их кто-то может увидеть.

– Ха! – заметил Рыжебородый. – Это она делает успехи. Он же потерял в весе добрых полсотни фунтов. Что скажешь – подходят они друг другу?

Турран немного подумал.

– Непанте больше всего на свете нужен мужчина. Меня бы устроил даже одноглазый и одноногий нищий из самых мрачных трущоб Итаскии, если бы она на него согласилась. Но Сальтимбанко вполне бы ей подошел. Происхождения он, похоже, низкого, но сердце его благородно, словно у короля. Я не возражал бы против свадьбы или хотя бы романа. На самом деле, если бы я знал, как помочь ему ее соблазнить...

– Если бы я мог хоть что-то сделать... – кивнул Гримнасон. – Кстати, раз уж зашла речь об Итаскии – ты ничего не слышал насчет Гаруна?

– Ничего. Золото и клинки заставили замолчать многие рты. У Ридье проблемы. Сколько пройдет времени, прежде чем они доберутся до стен?

Рагнарсон посмотрел вниз на земляные укрепления бин Юсифа, длинными ленивыми зигзагами уходившие в сторону Кандарина. Даже тяжелое оружие не смогло бы с ними справиться.

– Не так скоро.

– Третья катапульта! – взревел Турран. – Огонь по центру!

Снаряд пролетел по дуге, оставляя за собой дымный хвост, но не достиг цели. Разбрызгавшееся масло горело среди потрескавшихся скал.

– Может, еще день-другой, – заметил Рагнарсон.

– Продержимся до зимы?

Рагнарсон удивленно посмотрел на него. Турран сомневается, что его собственная крепость непобедима? Быть не может!

– До осени они не будут готовы к тому, чтобы попытаться штурмовать стены. А потом им еще придется через них перебраться. Вряд ли они способны на такое, когда все свои осадные машины им приходится тащить вверх по склону под огнем.

– И все же я предпочел бы, чтобы они задержались еще дольше. Может, устроить вылазку? Попортить их осадные сооружения?

– Можно поручить командование Рольфу. И все же дело довольно рискованное. Мы не можем позволить себе терять людей, у нас не хватает солдат даже для того, чтобы защищать стену по всей ее длине. Может, стоит послать туда сколовданцев Непанты. Даже если они не вернутся, невелика потеря. Черный Клык и Драконобой их вымуштровали, но все равно они немногим лучше необученных новобранцев.

– Как ты оцениваешь наши шансы?

– Как отличные. Типичная осада требует превосходства в соотношении пять к одному. Их втрое больше, чем нас, и Гарун прекрасно это понимает. Но у него наверняка что-то приготовлено, иначе он давно бы уже отступил. Однако мне не приходит в голову, что это могло бы быть.

Рагнарсон посмотрел вниз. Сальтимбанко и Непанта уже ушли со стены – он увидел, как они входят в Колокольню. Насмешник не терял времени зря. Но, судя по тому, что сказала Элана, случай был тяжелый. Женщины – удивительные создания.

Перед мысленным взором возник нанявший их старик. Кто он? Почему уничтожение Вороньего Грая было для него столь важно?

Сальтимбанко открыл перед Непантой дверь. Поблагодарив его, она подошла к пяльцам с утыканной иглами вышивкой. В Вороньем Грае всегда разводили огонь, даже летом. Кресло уже не казалось ему столь удобным, как тогда, когда он весил намного больше. Полуприкрыв глаза, он сквозь опущенные ресницы смотрел на необычно мерцавшее пламя.

Минут пятнадцать Непанта забавлялась вышиванием, потом начала расхаживать по комнате, избегая взгляда Сальтимбанко. До этого они говорили об осаде и стратегических планах Туррана, но мысли ее теперь работали в другом направлении.

Сальтимбанко боялся самого себя, своей страсти и странного, иного чувства, которое он испытывал к Непанте. Со вторым он сумеет совладать, но вот первое... Он не раз был близок к тому, чтобы ее изнасиловать. Но в этом случае все пошло бы прахом.

В конце концов Непанта призналась себе, что действительно любит этого странно напуганного человека. Она согласилась даже с тем, что желает... что ж, именно этого она и желала. Но ей было страшно. Разговор с Астрид успокоил ее сознательные опасения, но мрачные чувства таились где-то в подсознании, черпая силу из слишком глубоких его слоев, чтобы позволить легко себя подавить. Она была уверена, что умрет девственницей.

Непанта обошла вокруг кресла, в котором он сидел, полусонно глядя из-под ресниц на огонь, думая о том, чтобы укусить его за ухо, как описывала Астрид. Но нет, это было бы чересчур. Кроме того, она сама слишком напугана.

Она остановилась перед его креслом. Он посмотрел на нее странным взглядом карих глаз. Она прикусила губу, чувствуя спазм в горле и не в силах произнести ни слова. На его смуглом лице промелькнуло какое-то чувство. Что?..

Слегка дрожа, она взяла его за руку и села на подлокотник кресла. Сальтимбанко мягко отодвинулся, продолжая смотреть в огонь. Пошевелившись, она наклонилась к нему и сдавленно проговорила:

– Тебе кое-чего хочется, я знаю...

Когда он поднял взгляд, она преодолела последние разделявшие их шесть дюймов и прижалась губами к его губам. Это длилось лишь секунду. Она почувствовала, как дрожит подбородок, ее всю трясло. Она ощутила, что он тоже дрожит, пытаясь взять себя в руки. Ей хотелось, чтобы он силой затащил ее к себе на колени, но... Волшебное мгновение закончилось. Где-то в глубине ее сознания словно захлопнулась дверь. Ее парализовал страх. Она медленно отступила, борясь сама с собой и не желая доставить ему неприятности. Она снова бежала, бежала от себя. До боли закусив губу, она вернулась к вышивке.

Несколько мгновений спустя, когда она проклинала плохой стежок и собственную неуклюжесть, он захрапел. Храп его, однако, казался чересчур отчетливым, словно он над ней насмехался. Боль пронзила ее до глубины души.

«Почему я не могу быть нормальной женщиной? Почему? Почему? Почему?»

– Входи, – мрачно ответила Непанта, услышав стук в дверь, но, когда увидела Элану, лицо ее прояснилось. – Астрид! Почему у меня все не так?

Элана остановилась в дверях, гадая, что могло случиться.

– Твой приятель уже ушел?

– Я его поцеловала... но он ничего не сделал... а потом я перепугалась и все испортила.

– Ну и?

– Я хотела...

– Непанта, что случилось – то случилось. Ты чересчур переживаешь. Не пытайся ничего делать силой, и тогда все у тебя получится. Предоставь всему идти своим чередом. И наступит миг, когда ты поднимешь взгляд и увидишь, как все вокруг расцветает.

Она надеялась, что так и будет.

– Возможно. Просто... ну... не знаю, как объяснить.

– Зачем вообще пытаться? Непанта, ты словно родилась для того, чтобы беспокоиться по любому поводу. Ты находишь проблемы там, где их никогда не было. Тебе нравится выглядеть несчастной? Да, подумать есть о чем, но не стоит связывать с этим всю свою жизнь. Тебе нужно чем-то заняться, вот в чем дело. Вот твоя проблема.

– И что? Какая от меня польза? Я лишь еще один рот, который нужно кормить, и Вороньему Граю от меня никакого толку.

– Ты меня с ума сведешь. Неужели не найдется никакого дела? Вчера вечером Рендель говорил, что Брок не подготовил лазарет, а нам нужно место, чтобы присматривать за ранеными. Я слышала, что в Глубоких темницах полно свободного места.

– Но там, внизу, омерзительно. Ими уже много веков не пользовались.

– Но мы ведь можем там прибраться, верно? Послушай, в замке полно женщин, которые тупеют от скуки. А так хоть чем-то займутся.

– Потребуется много времени...

– Пройдет еще месяц, прежде чем там, снаружи, будут готовы. И еще дольше, если Рендель будет их изводить, как собирается.

– Тогда лучше сразу начать.

Элана улыбнулась. Ее хитрость удалась.

– Сейчас, только накину что-нибудь, – сказала Непанта. – Возьмем ключи, а потом посмотрим, что можно сделать.

Элана с Непантой, Сальтимбанко и Королями Бурь стояли на парапете Черной башни, над воротами Вороньего Грая, наблюдая за последствиями ночной вылазки. Сильный ветер мешал говорить. Осаждавшие замок трудились внизу при свете факелов, когда на них напали. Крики их товарищей послужили первым предупреждением. Сейчас огонь, подпитываемый маслом, пожирал инструменты и стройматериалы. Палатки в лагере рабочих взлетели на воздух.

Постепенно появлялись первые раненые. Бой продолжался. Ряд двигавшихся по склону факелов означал подкрепление. Элана и Непанта побежали в импровизированный лазарет и занялись мрачным и кровавым делом, вновь собирая солдат воедино. Большинство раненых составляли пленные. Выполнив поставленную задачу – уничтожение передового лагеря противника и результатов двухнедельных земляных работ, – Рагнарсон отступил. Они с Рольфом собрали отряды во внутреннем дворе на переключку.

Внезапно из тоннеля, ведущего в Глубокие темницы, с криком выбежала Элана.

– Браги, – выдохнула она, едва не падая без чувств, – там Хаакен. Он тяжело ранен. И он знает... что-то о старике.

– Проклятье! – Он повернулся и крикнул: – Рольф! Драконобой! Элана, останься с ним и не позволяй Непанте подойти. Сделай все, чтобы он нас не выдал. – Подбежали Рольф и Драконобой, и Рагнарсон объяснил им ситуацию. – Хаакен узнал то, что мы хотели. Я спущусь сразу после общего сбора.

– Что с ним? – спросил Рольф.

– Без сознания, – ответила Элана. – Но я не могу найти ни единой раны, хотя, похоже, он умирает. Главное – чтобы он остался в живых.

Она снова бросилась бежать.

– Подожди! – крикнул ей вслед Рагнарсон. – В Нижнем Арсенале есть комната, которой никто не пользуется. Если удастся спрятать его там, его никто не найдет. Проклятье! Проклятье!

Его пугала возможность того, что Хаакен их выдаст и что он может лишиться единственной родни, которая у него когда-либо была...

Сальтимбанко наблюдал сверху, как рассеивается отряд. Он бросил взгляд на Королей Бурь, которые словно зачарованные смотрели на пламя под стенами, затем снова взглянул на двор, думая о том, какие проблемы теперь предстоят. Элана, похоже, принесла известие, и ему следовало пойти посмотреть, что случилось.

– Спущусь вниз, в Глубокие темницы, – сказал он. – Позабочусь об отважных солдатах.

– Ха! – фыркнул Вальтер. – Что, нужен повод увидеться с Непантой? Она тобой пренебрегает?

Сальтимбанко в ответ лишь слегка поклонился и ушел.

10
808–965 гг. от О. И. И
Какая польза человеку?

Фангдред быстро преображался, так же как и его хозяин. Теплые дружеские чувства все чаще сменялись приступами раздражения – что вполне устраивало Вартлоккура. Привыкнув за двести лет к одиночеству, он не был готов к чрезмерным проявлениям дружбы и вскоре мог бы вновь вернуться на путь бродяги.

Фангдред менялся, и именно в этих переменах заключалась причина ухудшающегося настроения Старца. Появились слуги, нанятые в Ива-Сколовде. Хотя и напуганные сперва перспективой подобной работы, они в конце концов убеждались, что служба в Фангдредде дает куда больше надежд на будущее, чем жизнь дома. Они мыли, драили, чинили, заменяли, готовили, шили, заботились о нескольких лошадях, что жили в конюшнях Фангдредда. По двору уже прогуливались свиньи, а вместе с ними поросята, утки, гуси, куры, козы, овцы и прочая скотина. Появился кузнец, и по замку, словно колокол, целыми днями разносились удары молота. За ним прибыл плотник, звуки молотка и пилы которого раздавались с утра до вечера. За ним – мельник, ткач, каменщик, сапожник, швея, мясник, пекарь, свечных дел мастер и их дети. Множество детей, смеющихся, бегающих по замку, донимающих мягкосердечного повара и пекаря просьбами о сладостях, сбрасывающих камни со стен лишь затем, чтобы увидеть, как те исчезают внизу. Вартлоккур часто наблюдал за ними с Башни Ветров. Сам он никогда в жизни не был ребенком. И еще дудочник. Что за дудочник! Он по-своему создавал магию столь же могущественную, как и творения Вартлоккура, и столь же бессмертную, как свершения Старца. Чарующая переливчатая мелодия разносилась по коридорам замка, смешиваясь со звуками кузнечного молота, плотницкой пилы и детским смехом.

Замок все больше напоминал дом, люди постепенно в нем обустроивались, а Вартлоккур и Старец все меньше вмешивались в его жизнь.

Вот Старец выходит во двор, где плотник и кузнец ссорятся с каменщиком насчет ремонта внутренней стены. Их ссора и все прочие голоса смолкают, за исключением песни

дудки, – дудочник ничего не боится. Остальные же опасаются человека, который никогда не умрет, хотя сам он не сделал ничего такого, чтобы вызвать у них этот страх.

Вот Вартлоккур выходит во двор, где прыгают через скакалку под звуки дудки четыре маленькие девочки. Сперва он весело наблюдает за ними из тени, не видимый никем. Однако, когда он появляется, чтобы спросить, как называется песенка, девочки убегают. Ему становится грустно. Остается лишь дудочник – он не боится Мясника Ильказара.

Полные душевной боли, оба отдаляются от слуг. Старец становится все раздражительнее, Вартлоккур все молчаливее. Однако обоих утешает осознание: есть нечто, преобладающее над страхом, – время. Придут и уйдут поколения, они же продолжают жить. Однажды перепуганные дети станут дедушками и бабушками других детей – и страх вымоется, словно соль земли.

Столетие спустя люди уже не боятся своих господ. Старец может спокойно разговаривать с плотником, и ему уже не приходится делать вид, будто он не замечает его дрожащих коленей. Вартлоккур держит конец скакалки играющих детей, а они благодарят его и называют дядей Вартом.

И всегда есть дудочник, который ничего не боится.

Миновал век, принеся с собой свойственные ему перемены. Однажды за завтраком чародей сказал:

– Я сто лет не заглядывал в будущее и подумал, что...

– Туман так и не рассеялся над твоей линией жизни? – Лицо Старца прояснилось. Пророчество давало возможность развлечься. – Отправимся в Башню Ветров?

– Однозначно, – ответил Вартлоккур, заметив возбуждение собеседника. – Будь у меня какой-нибудь бог-хранитель, я бы ему помолился.

– Мне запечатать дверь? – спросил Старец, когда они вошли в мастерскую чародея.

– Да. Мне не хотелось бы, чтобы кто-то случайно сюда вошел.

Старец произнес быстрое короткое заклинание, и дверь стала частью стены.

Вартлоккур подошел к столу, на котором лежали магические и некромантические инструменты, нетронутые с тех пор, когда он в последний раз заглядывал в будущее. За последние сто лет он почти ничем не занимался, предаваясь чтению и теоретическим исследованиям природы магии. Но теперь он понял, что не утратил ни знаний, ни опыта. Вскоре засветилось зеркало на стене, показывая быстро меняющиеся образы будущего. Он все шептал и шептал, сужая область действия зеркала, пока оно не начало отображать исключительно те картины, которые его интересовали.

Облака, скрывавшие реку времени, исчезли. Заглянув дальше по течению, он увидел мелкие фрагменты приближающейся битвы. Его предположения, судя по всему, были верны – норны и судьбы будут сражаться друг с другом. Затем он занялся поисками своей женщины и наконец на мгновение увидел ее лицо.

– Ах! – вздохнул Старец. – Она прекрасна.

Прежде чем лицо женщины исчезло, оба уже хорошо знали, как она выглядит. Длинные и черные, словно вороново крыло, шелковистые волосы. Черные глаза с золотистыми крапинками. Полные красные губы, – похоже, улыбается она редко. Линия бровей также говорила о склонности к внезапным вспышкам гнева. Энергичная, но грустная. Прекрасный овал лица с изящными чертами, тронутыми одиночеством. Обоим мужчинам хорошо был знаком подобный душевный облик – они слишком часто его видели, глядя друг на друга.

Мгновение спустя она исчезла, но они узнали ее и поняли, кто она. А Вартлоккур в нее влюбился.

– Долго еще? – спросил Старец.

Вартлоккур пожал плечами:

– Меньше века. Уже не так долго ждать, как сто лет назад, но теперь, когда я ее увидел... Лет через пятнадцать-двадцать надо будет снова на нее взглянуть.

– Может, мне почудилось?... Тебе не показалось, что конфликт между судьбами и нормами – следствие обычной зависти? У меня сложилось впечатление, что они намерены превратить весь мир в кровавую шахматную доску – но лишь из-за обычной старомодной зависти. Будет ли править наука или магия – лишь побочный плод данного спора. Основная же борьба пойдет за привилегии тех или других.

– Возможно, – подумав, сказал Вартлоккур. – Мне пришла в голову некая аналогия – случай в Итаскии. Король Итаскии располагает двумя типами королевских средств и доходов – одни принадлежат ему лично, другие принадлежат королю как воплощению государства, – и пролегающая между ними граница весьма размыта. Во времена, о которых я говорю, за казну отвечали двое – королевский казначей и министр финансов, оба весьма завистливые, к тому же питавшие друг к другу личную вражду. Каждый из них пытался свести счеты с другим, обвиняя в нарушениях закона, некомпетентности и прочем. Обоим хотелось получить полный контроль над казной, и, сражаясь за него якобы ради блага королевства, они едва не привели его к краху.

– Помню. Я смеялся до упаду, когда король, от которого они требовали рассудить спор, отрубил обоим головы. И я понимаю, на чем основана аналогия. Нормы – как бы казначей, представительницы богов. Судьбы – министры финансов, отвечающие за вселенную. И обе стороны стремятся полностью завладеть правом вмешиваться в людские дела.

– Примерно так. И все же нам следует задуматься, правильно ли мы поступаем, вставая на одну сторону в этом конфликте.

– Угу. Да, еще кое-что. Насчет Шинсана. Я лишь на мгновение успел заметить нечто касающееся Империи Ужаса. Ты тоже?

– Нет, я ничего не видел, – помедлив, ответил Вартлоккур и повернулся к столу, заваленному горами магических текстов.

Нахмурившись, Старец задал еще вопрос и, снова получив уклончивый ответ, решил сменить тему:

– И что ты теперь собираешься делать?

– Вернуться к исследованиям. Похоже, я на грани прорыва. У меня есть шанс овладеть новой магической Силой, независимой от всех, что мы знали до сих пор. Возможно, она независима даже от Полюсов.

Старец удивленно вздрогнул:

– Ты говоришь о Полюсах Силы?

Считалось, что два Полюса Силы действительно существуют. По слухам, один из них находился в руках Звездного Всадника, другой же пропал без вести. Для Силы они были тем же самым, что полюса для химически генерируемого электричества, продемонстрированного недавно в Ребсаменском университете в Хеллин-Даймиеле.

– Помнишь, как Теннотини предложил свой принцип неопределенности?

– Все над ним смеялись.

– Похоже, он был прав. Если принять неопределенность, знак постоянной Делестина перестает быть одним и тем же, а это означает, что понятие направленности теряет смысл. – Постепенно он приходил во все большее волнение. – Представь, что произойдет, если я введу отрицательную постоянную в мои функции Зимней Бури. Думаю, если мне удастся провести расчеты на следующем уровне, я докажу, что открыл новые рубежи...

– Я за тобой не поспеваю, – сказал Старец. – Я до сих пор еще сражаюсь с Первичными Анкаиками Йо Си.

– Извини. Однако, прежде чем я смогу продвинуться дальше, мне придется отправиться в небольшое путешествие.

– В Ильказар? – спросил Старец, не глядя на гостя.

– Да. Возвращение на место преступления, так сказать. Месть со вкусом горького меда.

– Нужно включить эту поговорку в мою книгу. – Многие века Старец собирал удачные поговорки. – Его руины ты можешь увидеть и отсюда.

– Я отправляюсь за деньгами. У меня спрятано немного серебра там, где когда-то стояло дерево на ферме, и немного золота в месте, известном только мне. Теперь там лишь бесплодная земля. Хаммад-аль-Накир, пустыня Смерти.

– Сокровища?

– Да. Оберегаемые маскирующим заклятием.

– Сокровища империи, – пробормотал Старец. – Что ж, удачи.

Несколько месяцев спустя Вартлоккур вернулся, ведя за собой караван животных, несущих золото Ильказара. Когда завершились торжества, устроенные по случаю его встречи, в Фангдред возвратилось прежнее спокойствие, длившееся в течение многих поколений.

Старец шел по продуваемой ветрами обледеневшей стене Фангдреда, пребывая в мрачном расположении духа и думая о том, не вернуться ли ему в объятия долгого сна. Они с Вартлоккуром жили вместе уже свыше полутора столетий. Ничего не происходило. От интриги не осталось и следа, и ему снова грозила скука. В глазах его уже не вспыхивали искры, напоминавшие о молодых годах. Однако он до сих пор выглядел так же, как в день пробуждения, – среднего роста, худощавый, с развевающейся, словно знамя на ветру, бородой. Выгляда на восемьдесят лет, он обладал живостью тридцатилетнего, но больше не улыбался, и лоб его часто прорезали глубокие морщины. Слуги начали его избегать. Поколения живших рядом с ним людей забыли об ужасе, связанном с именем хозяина, но он оставался тем же Старцем из Фангдреда, которого не следовало раздражать, когда его охватывало дурное настроение, что в последнее время случалось нередко.

Ветер яростно трепал волосы и бороду, и он решил покинуть стену, предпочтя ей сомнительные удобства общего зала. Там почти никого не было, но он, не проявляя особого любопытства к происходящему вокруг, занял место за главным столом. Некоторое время он молча смотрел в пространство перед собой, затем обратился к горстке слуг, осмелившихся бросить вызов его настроению.

– Дворецкий, сходи в Башню Ветров и попроси Вартлоккура спуститься сюда.

Дворецкий поклонился и ушел.

– Дудочник, сыграй что-нибудь.

Дудочник, как и все его предшественники, не ведал страха. Бросив взгляд на господина, он оценил его настроение и заиграл песню: «Да сгинет день, когда я родился, и ночь, когда я был зчат! Да станет тьмой тот день...»

Старцу эта жалобная песня была знакома. Он встал из-за стола.

– Дудочник! – рявкнул он. – Не издевайся надо мной! Твоя голова сидит не на каменной шее. – Ударив кулаком о стол так, что покраснели костяшки пальцев, он крикнул: – Хватит с меня твоих шуточек! Раз уж ты зачем-то нужен чародею – сыграй что-нибудь для него!

Побагровев, он тяжело опустился на стул.

Дудочник, который испугался лишь слегка, поклонился и заиграл: «Проснись, северный ветер, и приди, южный ветер! Подуй над моим садом, пусть его аромат разнесется вокруг. Пусть любовь моя придет в этот сад поесть его отборных плодов!»

Это была песня женщины, зовущей любимого в свое ложе, однако в ней содержался достаточный намек на чародея, чтобы ее тоже можно было счесть издевательством. Впрочем, дудочник специально сыграл лишь финал, как раз в тот миг, когда Вартлоккур вошел в зал. Обычно чародея злили слова этой песни, но сейчас он лишь рассмеялся и, проходя мимо, похлопал дудочника по спине.

Старец, решив по настроению Вартлоккура, что тот принес хорошие новости, слегка повеселел.

– Ты хотел меня видеть? – спросил Вартлоккур, взволнованный больше обычного, чего не случалось уже давно.

– Да. Но возможно, сейчас это уже не важно. Ты пришел с новостями. Что произошло?

– Игра наконец началась, – ответил Вартлоккур. – Закончилось время ложных маневров и пополнения сил. Сегодняшним прекрасным утром – понятия не имею, где именно и как, поскольку все держится в дьявольской тайне, – норны сделали первый серьезный ход.

С каждым словом Старец чувствовал, как его покидает мрачный настрой и нарастает волнение. Битва началась. Армии вступят в бой. Последуют землетрясения, эпидемии, бури, мир станет свидетелем могущественных свершений магов, по мере того как Режиссер начнет использовать земные пешки, по очереди включая их в состав действующих лиц трагедии... А он окажется в самом центре событий, впервые со времен крестовых походов Навами – поскольку более недавние эпопеи Режиссера он попросту пропустил.

– Великолепно! А ведь еще минуту назад я раздумывал, не погрузиться ли снова в сон...

Дудочник наиграл новую мелодию. Старец в гневе вскочил:

– Зачем нам терпеть этого глупца? Хватит с меня издевательств – и его, и его предшественников!

Судя по всему, настроение его поправилось все же не слишком. Дудочник ретировался, не дожидаясь, когда будет сказано что-либо еще. Хотя он и не боялся, но и здравомыслия ему тоже хватало.

– Нам нужен кто-то, напоминающий, что мы всего лишь люди, – заметил Вартлоккур. Отклик Старца на новость его обрадовал, и он, несмотря на гнев собеседника, решил затронуть вопрос, что давно не давал покоя. – Мне кое-чего бы хотелось – если ты, конечно, согласишься.

– И что же это? – Старец не сводил взгляда с маленького смуглого дудочника.

Вартлоккур наклонился к нему и прошептал несколько слов.

– Думаешь, она захочет? – с сомнением спросил бессмертный.

Чародей молча пожал плечами.

– Я бы посоветовал ее спросить, но только после наложения чар.

Вартлоккур кивнул.

Старец хлопнул в ладоши:

– Мика! – (Подбежал слуга. Его товарищи покидали укрытия, в которых прятались.) – Мика, иди в Башню Ветров и принеси нам... – Он перечислил множество разнообразных предметов.

Вартлоккур кивком подтверждал каждое слово. Старец и впрямь отлично разбирался в магии.

– Мария, помоги ему, – обратился Вартлоккур к пухленькой девушке, стоявшей рядом. – И скажи отцу, что я хочу с ним поговорить.

Поспешно поклонившись, она подтолкнула Мику к двери.

Мария была личной служанкой Вартлоккура, что делало ее в собственных глазах самой важной персоной во всем замке. Она очень боялась господина, но именно страх и являлся источником ее привязанности. Она его обожала. Она не отличалась особым умом, но готова была отдать себя всю, даже в большей степени, чем требовалось Вартлоккуру. Смуглая, невысокая, коренастая и пухленькая, она с непреклонным упорством сражалась с избыточным весом. Источник ее красоты, однако, следовало искать внутри – в душевном тепле и непоколебимой способности любить. Она была идеалом временной женщины – первой из двух, которых обещала Вартлоккуру судьба.

Чародей поговорил с отцом девушки. Какое-то время они совещались, упоминая о некоей магии, после чего отец дал согласие.

Всех собравшихся охватило волнение. Разошелся слух, что в общем зале будут сотворены чары. Люди толпились, желая стать свидетелями необычного события, – их господа никогда не занимались магией на глазах у всех.

Появились Мария и Мика, неся все необходимое. Вартлоккур и Старец разложили инструменты, начертали подготовительные руны и произнесли заклинания. Вартлоккур осушил кружку горького эликсира и шагнул туда, где сосредоточилась магическая Сила. Старец вполне недурным тенором пропел иницилирующее заклинание, а затем стал ждать, как и все остальные собравшиеся в темнеющем зале.

Темнеющем? Да. Вскоре исчез весь свет, кроме того, что излучало серебристое облако, окружавшее Вартлоккура. Постепенно оно становилось все плотнее, пока не окутало его полностью. В облаке замелькали искрящиеся пятнышки, словно мотыльки, кружащие вокруг чародея, подобно маленькому серебристому смерчу. Затем послышался звук, нараставший вплоть до пронзительного воя, цвета кружились, словно в калейдоскопе, смешанные с ожившими тенями, разбрызгиваясь по стенам и потолку. Внезапно запахло весенними лилиями, кислой вонью старости, кожей намокших под дождем сапог и тысячью других ароматов, сменявших друг друга. А потом, совершенно неожиданно, серебряная пыль в последний раз заискрилась и исчезла или осела на пол. Свет стал ярче. Среди зрителей в зале послышался ропот. В центре сосредоточения Силы, вокруг которого кружила серебряная пыль и где еще недавно пребывал старик, теперь стоял молодой человек лет двадцати пяти.

Но в личности его сомневаться не приходилось. Это был Вартлоккур, точно такой же, каким он появился перед стенами Ильказара, – смуглый и темноволосый, худощавый, с ястребиным лицом и, несмотря на это, красивый. Когда он задал Марии вопрос, на лице его застыла торжествующая улыбка.

Она побледнела.

В соответствии с желанием Вартлоккура Старец, как хозяин Фангдредра, в тот же день совершил над ними обряд бракосочетания. Ошеломленная Мария участвовала в церемонии, не в силах даже до конца понять, сколь счастливая выпала ей судьба. Вартлоккур же наблюдал за происходящим с циничным блеском в глазах, считая сей брак лишь упражнением. Ему требовалось научиться обращаться с женщинами, и Мария для этого вполне подходила.

Однако относился он к ней прекрасно – начиная с этого дня и в течение всех последующих. Как уже говорилось, она была не слишком умна, но считала себя счастливой – хотя порой случалось, что он невольно причинял ей душевную боль.

Вартлоккур, который, несмотря на темную душу, оставался человеком и постепенно обнаруживал, что испытывает к Марии теплые чувства. Хотя чувства эти скорее напоминали любовь к преданному питомцу и не могли соперничать с эмоциями, переполнявшими его при мыслях о той, что ждала в будущем. Он долго не соглашался, чтобы Мария родила ребенка, но потом позволил ей зачать потомка, когда понял, что бездетность калечит ее душу. И она родила ему единственного сына.

Они старели вместе, и рано или поздно Марии предстояло умереть. Но за свою жизнь она стала свидетелем первых ходов в Великой Игре, начавшейся в день ее замужества.

Прошло семь лет со дня свадьбы. В начале восьмого года родился ребенок, такой же смуглый и пухлый, как его мать, и со столь же спокойным нравом, однако, судя по искоркам в глазах, наделенный отцовским интеллектом – то ли благословением для него, то ли проклятием.

Однажды зимой, когда у стен замка выл ветер, поднимая клубы снега в окрестностях, расположенных выше, и когда внутренний двор Фангдредра покрылся слоем льда толщиной в фут, Вартлоккур, Старец и Мария сидели в холодной комнате на вершине Башни Ветров, глядя

в зеркало. Ветер усилился, завывая, словно души грешников в аду. Не слишком приятный день для родов. Очередных родов, на этот раз крайне важных для Вартлоккура.

Зеркало позволяло ему заглянуть в далекую комнату, глубоко погребенную внутри другой обдуваемой ветрами башни. В Вороньем Грае, столь же холодном и суровом, как и Фангдред, в мрачной, словно обветренный череп, обители Королей Бурь, на свет должен был появиться новый член семьи. Девочка.

Мария не вполне понимала, что происходит, однако никто не соизволил ей что-либо объяснить. Она тревожилась, видя столь большой интерес мужа к данному событию и тщетно пытаясь догадаться, чем он вызван.

В центре зеркала лежала прикованная к постели женщина.

– Ей не стоило бы иметь детей, – заметил Старец. – Слишком уж она стройная. Однако ведь это уже ее седьмой ребенок, верно?

– Да, – сказала Мария, отвечая на первую часть его фразы. – Она очень страдает.

Вартлоккур моргнул. В ее словах слышался упрек, словно она спрашивала, почему сама не может чаще испытывать такую же боль. Ей хотелось бы больше детей. Однако упрек этот жил исключительно в его голове. Марии не была свойственна хитрость или коварство.

– Схватки участились, – сказал Старец.

– Уже пора, – сочувственно добавила Мария.

И действительно, к постели женщины подошли ее муж и повитуха. Слуги забежали туда-сюда, принося полотенца, горячую и холодную воду и снадобья для облегчения боли. В дальней части комнаты человек с сидящим на плече соколом подкладывал дрова в огромный камин, тщетно пытаясь прогнать холод.

Женщина родила девочку, как и гласило пророчество, – уродливую, сморщенную, красную, совершенно недостойную восхищения. Однако Вартлоккур и Старец помнили эту малышку другой, уже взрослой, какой они видели ее в зеркале раньше. Отец назвал ее Непантой, по имени магического снадобья, способного прогнать из души все печали. Затем он положил ее на грудь матери, накрыл обеих одеялом, защищая от жестокой стужи, и вернулся к делам, сводившимся к управлению замком. Меньше чем через час мать умерла от кровотечения, которое так и не удалось остановить.

Когда все закончилось, в Фангдредѣ воцарилась радость. Вартлоккур и Старец объявили о празднестве и распорядились устроить пир. Зарезали быка, вынесли из подвалов вино, состоялись игры и всевозможные состязания, а дудочника едва не свели с ума, заставляя беспрерывно играть. Люди танцевали, пели, и каждый развлекался по-своему.

Кроме Марии, пребывавшей в смешанных чувствах – от восторга до отчаяния.

А потом и дудочника.

По мере того как день близился к концу, в бочонках с вином показалось дно, а многие празднующие упились до упаду, настроение становилось не столь радостным. Старец все больше мрачнел, пока не начал изъясняться лишь односложным ворчанием. В его затуманенном алкоголем разуме вновь громоздились тысячелетние пласты времени. К нему возвращалось все то зло, которое он видел в жизни и которое причинил другим.

– Навами, – бормотал он, то и дело повторяя это имя. – Это я виноват.

Вернулась усталость, лишь изредка прерываемая вспышками злобы, напоминая о том, сколько еще ему предстоит познать в будущем и того и другого. Он становился все более мрачным и подавленным. Смерть, призрака которой он никогда прежде не замечал, стала вдруг желанной, любимой, насмешливой госпожой, вечно недосыгаемой, словно блуждающий болотный огонек.

Но и перед Вартлоккуром, едва успокоилось веселящее воздействие вина на душу, замелькали, сменяя друг друга, воспоминания о былом. Кровь застучала в висках. Теперь он вспомнил все, что пытался прогнать из мыслей: все смерти, которые довелось увидеть, годы,

проведенные в Шинсане, и эхо сделок, на которые пришлось пойти, чтобы получить желанное образование, и то, как он использовал союзников во время уничтожения Ильказара. Теперь все те люди были уже мертвы, и многие погибли по его вине. Сколько из них умерли с его именем и проклятием на устах? Он помнил вопли жителей гибнущего Ильказара, до сих пор появлявшиеся лишь в худших ночных кошмарах. Но сейчас сквозь отдающуюся в висках боль они вторглись в его пробуждающийся разум...

– Ах ты, дрянь! – взревел Старец, швыряя пустой бутылкой в дудочника, и вскочил, грохнув кулаком по столу. – Я же тебе говорил, чтобы ты этого не играл!

Дудочник, сам уже основательно пьяный, издевательски поклонился и повторил мелодию. В зале наступила тишина. Все взгляды обратились к Старцу, который схватил нож, брошенный кем-то в остатках жаркого, и направился к дудочнику.

Поняв, что на этот раз зашел чересчур далеко, дудочник бросился к Вартлоккуру. Чародей принялся успокаивать Старца.

Бедный глупец! Едва избежав гнева одного господина, он не на шутку рассердил другого, заиграв мелодию из «Чародеев Ильказара». Все остальное Вартлоккур мог бы ему простить, но этого стерпеть не сумел.

Никто не ожидал подобного...

Он произнес длинное заклинание, часто запинаясь, чтобы правильно выговорить тот или иной слог заплетающимся от избытка вина языком. Внезапный хлопок, крик – и заклятие завершилось. Дудочник взмыл в воздух, полностью невесомый. Вартлоккур что-то неразборчиво проворчал, а затем пнул его, отправив в полет по залу. Дудочник завопил, молотя руками и ногами по воздуху, его стошнило, но он уже оказался рядом со Старцем.

Жаль, что Мария и остальные женщины уже ушли. Возможно, их выдержка и спокойствие помогли бы избежать катастрофы.

Схватив за руку безвольное тело дудочника, Старец раскрутил его в воздухе, а затем швырнул в толпу пьяных обитателей замка, из которых мало кто питал к шуту теплые чувства, ибо тот частенько говорил правду, которую никто не желал слышать.

Сработал стадный инстинкт. Дудочник превратился в вопящий комок, который гоняла по залу толпа во главе с Вартлоккуром и Старцем – словно стая зверей, преследующих беззащитную жертву и наслаждающихся собственной жестокостью. Кто-то вспомнил, что шут боится высоты. Превратившаяся в рычащую неразумную массу толпа вывалилась из общего зала на внешнюю стену.

Дико вопя, дудочник повис над пропастью в тысячу футов, умоляя о пощаде. Все смеялись. Ветер унес его далеко от стены. Зловеще ухмыляясь, Вартлоккур подтащил его ближе, пока тот в отчаянии не начал цепляться ногтями за зубцы стены, – а потом полностью освободил от действия заклятия. Дудочник с воем полетел вниз, навстречу неминуемой смерти... лишь затем, чтобы остановиться в нескольких ярдах над обледеневшими иззубренными скалами.

Ветер запустил морозные щупальца под одежду Вартлоккура, и холод его отрезвил. Внезапно он понял, где находится и что делает. Чувство стыда нахлынуло липкой серой волной, гася овладевшее им безумие. Он вытащил дудочника наверх, готовый его защищать... и понял, что необходимости в том нет. Ледяной вихрь точно так же подействовал и на всех остальных. Большинство ушли, чтобы побыть наедине с собственным позором.

Вартлоккур и Старец бурно извинялись, предлагая возместить любой ущерб.

Дудочник даже на них не взглянул и не сказал ни слова, прежде чем уйти, чтобы в одиночестве усмирить свой гнев и страх. Его удаляющаяся спина стала последним, что они запомнили о нем.

Из мрачных сновидений Вартлоккура вырвала обезумевшая от страха Мария.

– Что такое? – грубо спросил он, застонав от похмелья.

– Он исчез!

– Гм? – Он сел и потер виски, не чувствуя какого-либо облегчения. – Кто?

– Ребенок! Твой сын! – (Еще ничего не понимая, он бездумно вглядывался в ее залитое слезами лицо. Его сын?) – Ты что-нибудь собираешься делать? – допытывалась она.

В голове у него постепенно прояснилось, мысли заработали четче.

– Где дудочник? – спросил он, движимый неясным предчувствием.

Через четверть часа они поняли все. Шут тоже исчез, а вместе с ним – мулы, одеяла и провизия.

– Какая жестокая месть! – вскричал Вартлоккур.

Они со Старцем провели многие дни в Башне Ветров, занимаясь неустанными поисками... но в конце концов им пришлось признать поражение. Мужчина и ребенок словно сквозь землю провалились.

– Как же мерзко использовали нас судьбы! – заявил Старец. – Как жестоко...

И действительно – судьбы взяли заложника, чтобы обеспечить участие Вартлоккура в Великой Игре.

Мария какое-то время была безутешна, но в конце концов успокоилась. Женщинам ее времени часто приходилось мириться с потерей ребенка.

11

Осень 996 г. от О. И. И

Огни, что пылают...

Сальтимбанко снова сидел в кресле перед камином Непанты, но самой ее в комнате не было – она ухаживала за ранеными глубоко в подземельях. Вскоре, однако, она должна была вернуться – раны заживали, и работы у нее оставалось все меньше. Сейчас она могла уже больше времени проводить со своим мужчиной – ибо именно так она порой о нем думала, и именно так все его называли. Лишь сам Сальтимбанко не был до конца уверен, подходит ли он на эту роль. Поскольку отношения между ними была весьма туманными, в его глазах она выглядела немногим больше, чем просто подруга. Когда, как сейчас, ее не было рядом, он ничего особенного не чувствовал. В ее же присутствии душа словно покрывалась льдом. В Непанте было нечто холодное и чуждое, непостижимое, из-за чего в душе его, когда он находился рядом, царила полнейшая пустота. Казалось, будто все его действия, которые она в отношении себя позволяла, направлены на кого-то другого, на некий плод воображения, а не настоящую женщину. Их разделял эмоциональный вакуум, который он был не в состоянии заполнить, пока жил ее страх. Да, он убедился, что секс для него куда менее важен, чем казалось раньше. Но – этот ее неразумный страх! Именно он был причиной неестественной напряженности, разрушавший любые надежды на союз. Редко когда ему доводилось быть рядом с кем-то и одновременно столь далеко...

Он сидел, погруженный в размышления над природой их союза и глядя из-под полуприкрытых век на огонь, когда раздался стук в дверь. Встав, он подошел к двери и увидел на пороге Элану.

– Женщина в Глубоких темницах.

– Я знаю. Послушай, Хаакен очнулся. Они намерены с ним поговорить. Хочешь спуститься?

– Может, попозже. Хотя отчет охотно выслушаю. А пока мне нужно поговорить с этой странной женщиной. – Он немного помолчал, затем спросил: – В чем моя проблема? Я не в силах разрушить незримые стены, которые толще укреплений вокруг Вороньего Грая.

– Она боится...

– Я ничего от нее не требую. Тело женщины принадлежит ей самой. Я как-нибудь переживу и без этого. Все дело в ее отчужденности и холодности.

– Это не единственный ее страх. Она боится, что может тебе повредить.

– Это глупость! Безумие!

– Во всяком случае, не слишком умно, но для нее более чем реально. Если бы мы не были в осаде, она бы сбежала. Она чувствует себя словно в ловушке. Она окружена личными страхами, не знает, что делать, и куда в большей степени, чем когда-либо раньше. Ей некуда бежать... она боится примириться с неизбежным... и потому сражается. Ты сам знаешь, что ее настроение время от времени меняется. Иногда она любит тебя и желает... а потом в ней побеждает страх. И тогда она не в силах сражаться. Или не хочет.

– И что же я могу сделать?

– Быть терпеливым. Что еще?

– Я храню терпение уже много месяцев. Моя любовь все сильнее... – Ага! Наконец-то он в этом признался. – Но терпение истощается. Гнев, порожденный неудовлетворенностью, словно змея, извивается в глубине моего разума, и с каждым днем его все труднее обуздать. Порой бывает, что я готов крикнуть: «Хватит!» – перелезть через стену и уйти куда глаза глядят. И к дьяволу эту сумасшедшую женщину с полной чудачеств головой! Даже множество золотых слитков не так искушают, как бегство от умопомешательства. А вино и женщины скоро помогут обо всем забыть, – по крайней мере, я надеюсь. Скоро, уже скоро я так и сделаю. Смысл биться головой о стену, как те солдаты у замка? Толку никакого, одни синяки. Стены Вороньего Грая невозможно преодолеть, так что тем, в горах, не видать добычи. Точно так же не преодолеть и стену вокруг Непанты – за ней нет никаких сокровищ для старого глупца. Скоро я вас покину.

Элана хотела что-то сказать, но промолчала, услышав, как внизу хлопнула дверь.

– Идет странная женщина, – сообщил Сальтимбанко. – Однако я больше не в настроении на нее смотреть. Выберусь через черный ход. Потом приходи, расскажешь, что сказал Черный Клык.

Непанта, однако, успела заметить его поспешное бегство:

– Что такое?..

– Он в печали.

– Мы собирались вместе пообедать.

– Он тебя любит, а ты нечестно с ним играешь. Он уже подумывает о том, чтобы перебраться через стену.

– Он хочет нас покинуть?

– Не покинуть. Сбежать. Он чувствует себя в ловушке.

– Разве не все мы сейчас в ней? Но все закончится, когда наступит весна.

– Не притворяйся глупее, чем ты есть на самом деле! – бросила Элана, несколько резче, чем намеревалась. – Это из-за тебя он чувствует себя в ловушке. После того как за столь долгое время у вас так ничего и не вышло, он предпочитает сбежать и обо всем забыть. Зачем ему и дальше биться головой о стену?

– Но ты же знаешь, какие у меня проблемы с тем, чтобы хотя бы заговорить на эту тему...

– Дело не в этом. Дело в других стенах, которые ты возводишь между ним и собой.

– Например?

– На самом деле многое. Во-первых, твое мнение о самой себе. Ты считаешь, что не слишком хороша для него, и потому отталкиваешь. К тому же еще и все твои разговоры о том, что ты будешь делать, когда закончится война. Не вполне реалистичные проекты, но ты за них цепляешься, чтобы отгородиться от реального мира. Вот только таким образом ты отгораживаешься и от Сальтимбанко. А твое постоянно меняющееся настроение тоже ничему не помогает.

– Ты жестока, Астрид.

– Что смотришь, словно побитый щенок? Что вообще в состоянии тебя тронуть? И так уже все слишком долго тебя терпели. Если бы это хоть чем-то могло помочь, я попросила бы Ренделя, чтобы он тебя выпорол – для твоего же блага. Непанта, мы говорим о человеке, вся жизнь которого вращается вокруг тебя. Ты его убиваешь, и, похоже, тебя это даже особо не волнует. На самом деле ты делаешь все возможное, чтобы его еще больше жалели. И при этом продолжаешь твердить, будто любишь! Пойми, вам по двадцать девять лет. Слишком много времени потрачено зря, и этого уже не изменить. Но ты хочешь отвергнуть и все то, что еще осталось? Повзрослей, Непанта! Проснись! Ты тратишь впустую нечто очень ценное.

– Но...

– Что, на любой случай найдется отговорка? Подумай как следует. Через десять лет, если и дальше будешь сидеть в своей башне, – что станет твоим прошлым? Бесплодная земля, голая, как эти горы?

– Астрид...

– Не желаю больше слушать! У меня нет времени. Я иду вниз к мужу. Он настоящий. А если и дальше останусь с тобой, наверное, начну от злости ногти грызть.

– Астрид...

Но Элана ушла, не обращая внимания на мольбы. Поникнув, Непанта вернулась в свою комнату и подошла к камину. Схватив с каминной полки статуэтку, она швырнула ее об стену.

Прибежавшая на звон бьющегося фарфора служанка увидела, как Непанта раз за разом пронзает кинжалом свою вышивку.

Элана шла через двор, все еще кипя от злости.

Из башни, где старый сокольничий держал голубей, выбежал Вальтер – бледный и потрясенный:

– Непанта в Колокольне?

Элана кивнула.

– Найди своего мужа и Сальтимбанко, если его увидишь, – крикнул Вальтер через плечо, – и приведи их в Нижний Арсенал. Быстрее! – Он скрылся внутри Колокольни.

Что-то случилось. Что? Потом она вспомнила, что Браги сейчас как раз в Нижнем Арсенале и разговаривает с Хаакеном. Если их кто-то подслушает – игра окончена.

Несколько минут спустя она, отчаянно пытаясь перевести дух, ворвалась в комнату, где лежал Хаакен:

– Что-то случилось. Вальтер бежит вокруг и созывает всех на встречу в чародейском кабинете. Браги, ты тоже должен явиться.

Рагнарсон замер и на мгновение задумался.

– Драконобой, – он указал на брата, – заткни ему рот кляпом и спрячь. Не спускай с него глаз. Остальные – вниз, в Глубокие темницы. Делайте вид, будто пришли навестить раненых. Элана, где Насмешник?

– Мы совсем недавно с ним разговаривали, но я понятия не имею, где он сейчас. Похоже, дело плохо. Непанта ничем не смогла помочь.

– Иногда он отправляется туда, где сходятся задние стены, и стоит, глядя на ущелье, – сказал Драконобой, завязывая узел кляпа на затылке Черного Клыка. – Именно там вы его и найдете, если ему действительно захотелось подумать. Это самое уединенное место во всем Вороньем Грае.

– Ладно, пошли! – рявкнул Рагнарсон.

Десять минут спустя полностью вымотавшаяся Элана добралась до вершины низкой задней стены. В нескольких ярдах от нее, глядя на простирающееся под Кандарином ущелье, сто-

яли Джеррад и Сальтимбанко. Они передавали друг другу кожаный бурдюк, негромко бормоча. Ее встретили молчанием.

– Что-то случилось, – сообщила она. – Вальтер хочет вас видеть в Нижнем Арсенале.

– Что на этот раз? – поинтересовался Джеррад.

Сальтимбанко промолчал, лишь бросил взгляд на Элану, а затем снова повернулся в сторону ущелья... А это еще что? Что такое? Прямо на крутом склоне? Что ж, ладно! Снова повернувшись, он обнял Джеррада за плечи:

– Идем, дружище. Порадуем их, а? Но вино тоже возьмем с собой, чтобы и самим порадоваться. Хей! Устроим небольшой балаган на встрече, а? Ладно! Идем.

Когда они добрались до места, их уже ждали. Джеррад занял свой обычный стул, Сальтимбанко же уселся на место Ридье со словами:

– Что, старый план толстого шута потерпел крах? Новая интрига, чтобы найти шпиона? Может, очередная возможность для меня стать героем?

– Не садись тут! – рявкнул Вальтер. – Поставь себе стул у стены.

Все, как по команде, подняли брови. Вальтер пока не выдал свою тайну, но сделал это, едва Сальтимбанко сел там, где ему сказали.

– Я только что получил известие от Люксоса. Чтобы его отправить, он использовал последнего голубя... – Он замолчал, борясь с обуревавшими его чувствами горя и гнева, а затем крикнул: – Ридье мертв!

– Что?

– Как?

– Ты уверен?

Рагнарсон и Сальтимбанко сидели молча, не зная, что сказать или сделать. Вся операция внезапно приобретала весьма неприятный оборот. Погиб член семьи, и их предательству теперь не могло быть прощения.

– Заткнитесь! – крикнул Вальтер, пытаясь утихомирить шум. – Я знаю лишь, что две недели назад он погиб от руки убийцы бин Юсифа. Люксос пишет, что напал на некий след. Ридье пошел заплатить за сведения и не вернулся. Его нашли в водах Серебряной Ленты, связанного за руки и за ноги с осведомителем. Обоих зарезали ножом. Люксос пишет, что возвращается домой, пока с ним не случилось то же самое.

Наступившую тишину нарушил Турран:

– Что ж, игры закончились. Теперь у нас есть долг, который мы должны отплатить.

– Когда мы уничтожим Итаскию? – спросил Брок.

Простое, не подлежащее обсуждению сведение счетов – город за брата.

– Нет, этого мы делать не станем! – рявкнул Вальтер. – Мы не можем себе позволить новых врагов. В любом случае Итаския тут ни при чем. Это сделал бин Юсиф.

– Бин Юсиф – человек проклятого итаскийского Министерства войны, – возразил Брок. – Он их главный козырь как против Эль-Мюрида, так и против лорда Грейфеллса. Можешь не сомневаться, ко всему, что он делает, приложило руку Министерство.

– Проклятье! – крикнула Непанта. – Неужели мы не можем прервать осаду?

– Нет, – ответил Турран. – Для этого мы недостаточно сильны. Я не могу просить Ренделя, чтобы он совершил самоубийство. Так или иначе, какое это имеет отношение к делу?

Никакого. Она лишь пыталась избежать другой проблемы.

Вбежал наемник Рагнарсона, положив внезапный конец совещанию:

– Капитан, они идут!

– Объявляй тревогу, Уте.

– Тревога объявлена несколько минут назад. Отряды на постах. Катапульты и баллисты уже стреляют.

– Что ж, идем посмотрим. – Турран встал. – Вперед! – прогремел он. – На стены!

Когда Рагнарсон вышел во двор, там царила дикая суматоха – мужчины и женщины бежали во все стороны. Внешне они перемещались совершенно беспорядочно, без какой-либо цели, но никто не впадал в панику, и вскоре повсюду наступил порядок. Полагая, что утомительная муштра не прошла даром. Мужчины натягивали канаты катапульт и с хладнокровной невозмутимостью обслуживали тяжелое оружие. Женщины подавали боеприпасы. Со стен на атакующих обрушилась смерть.

Добравшись до командного поста на вершине башни над воротами, Рагнарсон быстро окинул взглядом разворачивающееся наступление бин Юсифа. Гарун вооружил людей лестницами и крючьями, но его отряды уже отступали. Это была лишь проба атаки. Удалось ли Гаруну найти слабое место? Воспользуется ли он им, прежде чем Турран сообразит, что к чему, и очистит замок от агентов противника? Рагнарсон знал, что у него осталось слишком мало времени, чтобы вытянуть из Хаакена необходимые сведения. Поле для его действий дьявольски сужалось. Инстинкт самосохранения требовал как можно быстрее решать, на чью сторону встать.

– Поздравляю, – сказал Турран. – Твои тренировки не прошли даром.

– Пока ничего серьезного, он лишь попробовал. Не возражаешь, если я тебя оставляю?

Не дожидаясь ответа, он поспешил вниз, где прятали Хаакена.

– Кляп! – рявкнул он, входя. Драконой вытащил тряпку. – Ну что, Хаакен, помнишь что-нибудь?

– Да, – простонал Черный Клык. – Там был старый чудака, который вел себя так, будто это он командует. Я решил его прикончить, едва выпадет подходящий случай, и, когда он пошел куда-то совсем один, двинулся за ним. Клянусь, я не выдал себя ни единым шорохом, но, когда оказался от него в десяти футах, он вдруг подпрыгнул, оглянулся и ткнул в мою сторону пальцем, а следующее, что я помню, – Элана меня будит. Браги, это был какой-то колдун.

– И что? Это все? – Браги попытался встряхнуть брата, но Хаакен снова потерял сознание.

– Не волнуйся так, – успокоила его Элана. – Он уже успел рассказать мне большую часть. Он говорил, что старик все время болтал сам с собой, и помнит, как тот стоял над ним с видом словно у больного и бормотал что-то вроде: «Варт, опять ты это делаешь. Тебе следует остаться в Фангдред. Ты никогда не должен покидать Зубы Дракона. Сам видишь, к чему это приводит. На твоих руках лишь еще больше крови».

– Зубы Дракона? А! Старец с Гор! Сукин сын! – Последние слова Браги уже прокричал.

– Что такое?

– Наконец-то я сообразил. Старец с Гор. Золото Ильказара, которым платят нам и Гаруну. Чародей по имени Вартлоккур. То, о чем рассказывал Рольф и о чем бредила Непанта в Ива-Сколовде. Вартлоккур упоминается в «Чародеях Ильказара». По легенде, он живет со Старцем с Гор. Все сходится. Если это один и тот же человек – мы здорово вляпались. О нем говорят, будто он величайший чародей всех времен.

– И что с того? – спросил Драконой, на которого слова Браги не произвели никакого впечатления. – Значит, мы знаем, кто он такой. Но не знаем, зачем он нас во все это втянул.

– Вероятно, речь идет о Силе. Здесь есть то, в чем он мог бы крайне нуждаться, – Рог Звездного Всадника, инструменты для управления погодой, – пожал плечами Рагнарсон.

Теория выглядела не вполне убедительной, но больше в голову ничего не приходило.

Все еще пребывая в мрачном настроении, Сальтимбанко медленно шагал по холодным коридорам. Вопрос о старике занимал лишь малую часть его внимания, в основном же мысли вращались вокруг Непанты, мрачных споров и яростных взаимных обвинений. Он чувствовал себя отвратительно, словно угодил в ловушку, лишившись всех надежд, и это его злило. Он любил Непанту, но все его попытки постоянно кончались неудачей. Она тоже его любила, в чем

он не сомневался, но ее странные страхи и мечты, свойственные скорее маленькой девочке, стояли между ними, подобно барьеру, неприступному, словно само время.

Ему пришло в голову, что подобная бессмыслица может продолжаться вечно, если он сам это позволит. Элана вкратце описала ему свой спор с Непантой, что, впрочем, мало чем помогло. Непанта оставалась столь же далекой, испуганной и мечтательной женщиной-ребенком. Что ж, решил он, пора с этим кончать. По-настоящему. Он был сыт по горло игрой в эмоциональный мячик. Приняв решение, он ускорил шаг.

Снаружи он увидел первые хлопья снега, предвещающие зиму. Казалось, будто время наконец стало под знамена Королей Бурь. Снег выпал на много недель раньше обычного.

В Колокольне он узнал, что Непанту можно найти в Нижнем Арсенале. Глядя в окно на падающий снег, он вдруг понял, насколько близко оказался к опасной черте. Он надеялся, что старик не станет питать к нему неприязни, как и Непанта. Когда наконец придет Гарун, когда падет Вороний Грай, он сможет показать свое истинное лицо – и тогда обе стороны могут счесть его предателем. Заплатит ли старик, как обещал? Если нет – хлопот не оберешься. У Гаруна была армия, к тому же он славился нехваткой терпения. И Непанта. Возненавидит ли она его? Отвергнет ли раз и навсегда?

Подобные мысли и тысячи других, столь же мрачных, обуревали его душу, пока он ждал свою женщину. Сидя все в том же кресле перед камином и охваченный тревогой, он даже не заметил ее появления, пока она не заговорила. Лишь тогда он поднял взгляд.

– Привет.

Лицо ее казалось бескровным – она страдала от собственных тревог. Он едва не отказался от своих намерений, но решимость его нарастала. Должен быть какой-то выход. Нужно наконец решить – начало или конец.

– Непанта, – начал он твердым как сталь голосом, что было для него довольно необычно, – к чему мы идем? В никуда? Ты решилась наконец повзрослеть?

Твердый тон и напряжение в голосе настолько застали Непанту врасплох, что она сумела лишь пробормотать:

– Я... ну...

Решительности у него лишь прибавилось.

– В течение дня ты должна принять решение, – проговорил он сквозь зубы. – До завтрашнего ужина. Либо мы назначаем дату свадьбы, либо ничего у нас не выйдет. Если нет, моя отчаявшаяся душа переберется через стену. Я не в силах вынести такой любви, что иногда есть, а иногда нет. Вороний Грай падет до конца месяца.

– Что?

– Либо ты назначаешь дату свадьбы, либо нет. Это ультиматум. Больше никаких игр. Ответ завтра.

Размашистыми шагами он мрачно направился к двери.

– Подожди! Дай мне чуть больше времени!

– Уже дал! – Он захлопнул за собой дверь.

Непанта уставилась на дверь, словно на дракона, стоящего на пути к свободе. Все оказалось в прах. Она не могла выйти замуж! Неужели он не в состоянии этого понять? Да, она любила его, но была готова принять лишь как мужчину, на которого можно опереться в тяжелую минуту. Ей не хотелось, чтобы он стал кем-то, перед кем придется нести ответственность. Кусая губы, она направилась в спальню.

В дверях стояла Анина:

– Жестоко, да?

Непанта удивленно уставилась на нее.

– Ну и ладно, – слабо усмехнулась Анина. – Сможешь теперь указать ему на дверь.

Она вернулась в спальню, но вскоре снова вышла с сумкой в руках.

– Куда ты собралась? – спросила Непанта. – Мне нужна твоя помощь – переодеться к ужину.

– Найди себе кого-нибудь другого. Мой мужчина не желает, чтобы я находилась рядом с тобой.

Мужчиной этим был Рольф, действовавший заодно с Насмешником. Непанта почувствовала себя полностью разбитой. Даже Рольф, ее верный командир и помощник со времен первых дней в Ива-Сколовде...

Во второй раз за несколько минут у нее перед носом захлопнули дверь. Зато открылась другая – в ее душе, выпустив на волю все страхи. Упав на постель, она заплакала, затем глубоко задумалась. На ужин она не спустилась и ночью ни на мгновение не сомкнула глаз.

Когда наступил рассвет, серый от хлопьев снега, она стояла у окна, глядя в сторону лагеря Гаруна, но ничего не видела. Взгляд ее был устремлен внутрь себя – она злилась на мир и на людей, которые постоянно ее к чему-то вынуждали. Какое они имели право?..

Она начала расхаживать по комнате. Лицо ее постепенно краснело, по мере того как нарастал гнев. Из уголков глаз скатились давно позабытые слезы.

– Проклятье, проклятье, проклятье! Почему они никак не могут оставить меня в покое? Я никого не хочу, хочу быть собой! – Тихий голос, издевательски передразнивавший ее где-то в дальнем уголке разума, злорадно хихикал: «Врешь!» – Я не дам заковать себя в цепи! – «Ха! Что же в таком случае твои сны, если не связывающие тебя цепи? Что такое люди и вещи, которыми ты себя окружаешь, как не стены, удерживающие тебя внутри? Стоит тебе сбежать – и вся жизнь, которая тебя еще ждет, станет столь же бесплодной, как и твое прошлое. Что ты станешь делать, когда все светлые завтрашние дни станут скелетами дней вчерашних? Ты плачешь? Почему? Ты даже не узнаешь, чего лишилась, но никогда уже не станешь единым целым».

Ночь эта была еще хуже, чем любая за полные кошмаров годы, прошедшие до появления в ее жизни Сальтимбанко. Она плакала, пока не выплакала все слезы, ломала вещи, кричала, бесновалась – и не находила никакого способа избежать необходимости принять решение.

Это было действительно странно. Ее не волновали хорошие и плохие стороны решения, принять которое требовал Сальтимбанко, – пугала лишь необходимость выбора, должна она его принять или нет. Решения были для нее проклятием. Каждое из них становилось кирпичиком в стене, окружающим тюремную камеру реальности. И каждое не оставляло ей выбора.

Назавтра в полдень голод наконец выгнал Сальтимбанко в общий зал. Там он обнаружил Туррана, Вальтера и Брока, которые отдавали приказы солдатам, разбиравшим стоявшие на козлах столы. Схватив полбуханки хлеба и кружку вина, прежде чем те успели таинственным образом исчезнуть, он подошел к Королям Бурь:

– Мне интересно знать, что вообще происходит.

Волнение и тревога, вызванные известием о смерти Ридье, казалось, полностью исчезли. Его это радовало, но он не понимал, в чем дело.

– Не знаешь? – удивился Турран. – Хотя вряд ли. Это в ее стиле. Что ж, я тебе никогда не скажу.

Брок, обычно не проявлявший особых чувств, по-дружески хлопнул Сальтимбанко по плечу, но тоже отказался от каких-либо объяснений.

Изо всех сил стараясь оставаться как можно более неприметным, Сальтимбанко вышел из общего зала и отправился в заднюю часть крепости, чтобы снова взглянуть на ущелье. Однако вдруг оказалось, что ноги несут его напрямик в Колокольню, и он решил им подчиниться.

Жалкий вид Непанты, открывшей дверь, потряс его до глубины души. Не говоря ни слова, она жестом пригласила его внутрь. Он увидел, что она снова сшила порванную вышивку. Усев-

шись поудобнее в мягкое кресло, он откинулся на спинку, закрыв глаза, как обычно и поступал, и стал ждать. У Непанты хватало собственных тревог, чтобы переживать еще и о смерти Ридье. Здесь он был в безопасности.

Она же, снова прикусив губу, где уже образовалась трудно заживающая ранка, долго смотрела на него, бледная и напуганная, как никогда прежде. Решение, которое она собиралась принять, безжалостно мучило ее, терзая самые корни старых страхов. Но она уже решилась.

Она медленно подошла к креслу Сальтимбанко, дрожа всем телом. Он притворялся, что храпит, хотя сквозь прищуренные веки видел, как лицо ее искажает гримаса гнева. Похоже было, что, движимая злостью, она меньше боится.

Когда она вложила ладонь в его пальцы, он открыл глаза и поднял взгляд. Все так же кусая распухшую губу, она мягко потянула его за собой. Он встал и пошел за ней в спальню.

По темным коридорам Вороньего Грая разносился грохот барабанов. Трубы провозглашали о торжественном событии. Яркие шелковые знамена развевались на каждой башне. Гарнизон крепости стоял во дворе в полном обмундировании. Короли Бурь облачились в богатые одеяния, что ярко контрастировало с их обычными спартанскими одеждами. Сальтимбанко, который уже не мог похвастаться выдающейся тушей, надел официальный костюм, одолженный у Брока, – черную шапочку с серебряным околышем, ярко-красные камзол и штаны, а также пристегнул к поясу отполированное до блеска оружие. Вымытый, причесанный и одетый, он несколько не напоминал шута.

Руководствуясь указаниями Туррана – Король Бурь выглядел столь же величественно, как и каждый властитель с юга, – Сальтимбанко встал рядом с помостом, на почетном месте в Большом зале. Обитатели Вороньего Грая сидели на установленных поперек зала скамейках – океан беспокойных белых, смуглых и черных лиц. Внезапно он ощутил приступ страха. Как и для Непанты, для него это отнюдь не был день, о котором он мечтал всю жизнь. Однако он в ней нуждался, и другого выхода не оставалось.

Ритм барабанов изменился. В последний раз прозвучали трубы. Невеста покинула свою башню и никогда уже не вернется в нее одна.

Турран поднялся на помост. Именно он должен был заключить между ними союз. В оранжево-золотых и ало-пурпурных одеждах, он неподвижно возвышался надо всеми, словно огненный демон.

Из Колокольни, по темной очищенной дорожке между сугробами, сквозь непрекращающуюся метель кортеж невесты направился в сторону зала. Шесть женщин, одетых в темно-зеленые платья, вышитые золотой нитью, несли шлейф Непанты. По обе стороны от нее маршировали пикинеры в ливреях. Все двигались медленным размеренным шагом, не обращая внимания на холод. Свадьбы в Вороньем Грае всегда совершались с королевской помпой и размахом.

Кортеж невесты добрался до Большого зала. Вальтер и Джеррад, обнажив мечи, встали на страже рядом с Непантой, медленно двигаясь к помосту.

Сальтимбанко казалось, будто за время этого неспешного марша прошла вечность. Он смотрел, заново восхищаясь красотой Непанты, ее темными глазами и волосами, гладкой кожей и мягкими чертами. Этим вечером она казалась почти святой, неземной, словно окутанной восторженным заклятием. Братья ее тоже стояли как зачарованные. На мгновение он забыл о своих страхах, и могло даже показаться, будто Ридье до сих пор считают живым.

Непанта дошла до помоста. Барабаны стихли. Церемония началась...

В какой-то миг, словно перенесясь во времени, Сальтимбанко вдруг понял, что все закончилось. В самом деле? Да. Люди расходились праздновать. Куда подевалось все это время?

Непанта наконец посмотрела ему в глаза. Он взял ее за руку и мягко сжал. Здесь и сейчас на ее лице не было ни следа страха или сомнений.

Впрочем, и для того, и для другого было поздно. Она уже решилась. И теперь ей предстояло сражаться за то, на что она решилась, – столь же яростно, как до этого ему сопротивлялась.

12

Осень – зима 996 г. от О. И. И Они пьют вино насилия

Сальтимбанко зевнул и потянулся, наслаждаясь последним шагом к медленному ленивому пробуждению. Он снова потянулся, расслабившись, словно кот. Левая рука коснулась чего-то мягкого и теплого, а затем утонула в копне шелковистых волос. Снова зевнув, он повернулся на бок, глядя на улыбающееся лицо молодой жены. Медленно протянув руку, он поймал торчащую из-под одеяла прядь волос и намотал на палец, не сводя взгляда со спящей. Затем он мягко провел кончиком пальца по нежно-розовой щеке, остановившись возле ямочки на подбородке. Уголок ее рта слегка дрогнул, что ему редко доводилось видеть, по крайней мере до вчерашнего вечера, – нечто счастливо-демоническое, прошедшее годы в заточении, а теперь вышедшее на свет и моргавшее от радости. Улыбка ее становилась все шире, неся с собой тепло. Рубиновые губы чуть раскрылись, издав мимолетный вздох. Вытянув руку, она прикрыла ладошкой его ладонь, прижимая ее к своей щеке. Медленно, словно не желая нарушить ее дремоту, он склонился над ней и поцеловал в уголок едва заметно улыбающихся губ.

– Мм... – вздохнула она, не открывая глаз.

– Хочу тебе кое в чем признаться.

Она приоткрыла заспанный глаз.

– Я не Сальтимбанко. Я не простой бродячий шут...

– Тихо, я знаю.

– Хей! Как? Ведь я до сих пор еще жив.

– Обычная логика. Списки Вальтера. Ты единственный, кто имел к ним доступ и мог связаться с бин Юсифом. В Ива-Сколовде.

Страх пронзил его до глубины души.

– Ридье? – выдохнул он, не в силах сформулировать вопрос.

– Тогда я тебя ненавидела. Но на самом деле ты не виноват. Я... гм... Зачем вообще об этом говорить? Все кончилось. Не заставляй меня вспоминать. Не хочу. Поцелуй меня. Коснись меня. Полюби меня. Ничего не говори. Позволь мне просто забыть.

– Ты меня не ненавидишь? Вороний Грай погибнет, а я, под своей личиной, – первый, кто будет тому виной.

– Вороний Грай уже погиб. Только он еще об этом не знает.

– Ты так изменилась...

Его прервал стук в дверь. Никто из них не пошевелился. Однако стук становился все настойчивее.

– Лучше подойди, – сказала Непанта. – Вероятно, это кто-то из моих братьев.

Так оно и оказалось. Вальтер смерил взглядом халат Непанты, в который облачился Сальтимбанко, усмехнулся.

– Турран хочет видеть Непанту в Нижнем Арсенале. Люксос только что вернулся. Мы пустили его в ворота за три шага до людей бин Юсифа.

– Меня оскорбляет подобное неуважение...

– Я тоже так подумал, – прервал его Вальтер. – Но Турран хочет ее видеть, а он всегда получает то, чего желает. Ладно, мне нужно бежать. – Он пощекотал Насмешника под подбородком. – А халатик отлично тебе идет.

Смеясь, он хлопнул Сальтимбанко по плечу, что вовсе не прибавило тому уверенности, и поспешно вышел.

Когда Насмешник вернулся, Непанта одевалась. Вид у нее был хмурый – она снова боялась.

– Это Вальтер. Тебе предстоит встреча в Нижнем Арсенале. Люксос вернулся.

– Я слышала. Не поможешь? – Она вздрогнула, ощутив его прикосновение, а затем дрожащим шепотом спросила: – Как тебя называют друзья?

– По-разному. Хей! Большинство из этих имен не для дамских ушей. Но обычно меня называют Насмешником.

– Насмешник, нам придется уйти отсюда.

– Почему?

– Мои братья могут обо всем узнать. Мы должны их опередить.

– Куда мы пойдем? Как будем жить? Деньги за мои разглагольствования в Ива-Сколовде хранятся в тайнике в Лунной башне... Теперь они потеряны навсегда! – скорбно возопил он.

– Мне все равно куда. Кроме того, у меня самой есть кое-какие ценности.

– И как мы сбежим?

– Есть способы. Но ты ведь знаком с бин Юсифом? – В голосе ее не прозвучало ни единой обвинительной нотки.

– Давно.

– Вы друзья?

– Когда есть золото.

– Кто-нибудь еще? – Она улыбнулась, снимая напряжение.

Он понял вопрос:

– Рыжебородый.

– Что? – удивленно переспросила она.

– Рендель Гримнасон. На самом деле его зовут Браги Рагнарсон.

– И Астрид тоже?

– Ее зовут Элана. Черный Клык, Драконобой, Рольф – тоже с нами. И угадай, кому верны солдаты.

– О бедный Турран! Он окружен врагами. Теперь даже его сестра в их числе. Когда должен наступить конец?

Насмешник покачал головой:

– Наш работодатель отлично умеет держать язык за зубами. Нам он ничего не сказал, даже не назвал своего имени. Но мы выяснили, кто он. Это настоящий Макиавелли среди магов.

– Маг?

– Да. Однако до сих пор остается вопрос, зачем ему так нужен Вороний Грай.

– Как его зовут?

– Вартлоккур...

– Вартлоккур! – Она упала на постель. – Я говорила Туррану, но он не слушал.

Подобная вспышка эмоций удивила Насмешника.

– Ты о чем?

– Хочешь знать, что ему нужно в Вороньем Грае? Ему нужна я! Он уже много лет мучает меня, желая, чтобы я вышла за него замуж. Вероятно, ему нужна моя Сила. Не моя власть над Ветром-Оборотнем, но внутренняя Сила. Кровь Королей Бурь известна своими магическими свойствами. Наши предки считались аристократией Ильказара. Если бы мы были вместе, мало кто мог бы нам противостоять. Управление погодой стало бы детской забавой. И потому я всегда его отвергала. – Она покраснела, зная, что главная причина вовсе не в этом. – Я боялась, что Вороний Грай первым на собственной шкуре ощутит его новое могущество. Теперь мне кажется, что он все равно нас уничтожит. Рано или поздно смерть настигнет всех детей империи. Будь готов отправиться в путь, как только я вернусь. И позаботься, чтобы твои друзья ушли вместе с нами.

Разгладив полы платья, она легко поцеловала Насмешника.

– Я тебя люблю, – с трудом проговорила она. – Скоро вернусь.

Выйдя из башни и кутаясь в шаль от густеющего снега, Непанта удивлялась переменам, что произошли в ее душе. Хотя она до сих пор боялась, все ее существо, подобно магниту, тянулось к одному-единственному полюсу – Сальтимбанко. Нет, к Насмешнику. Но какая, в конце концов, разница? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет. Забавно. Она физически ощущала, как улетучивается ее страх. Ей хотелось петь. Ледяной ветер вздымал клубы свежего снега, что делало задуманное бегство весьма мрачным предприятием, но ее это не волновало. Ее сексуальные страхи уже казались попросту глупыми – ведь на самом деле все было не так уж и плохо, – но при мысли о предстоящей встрече ей становилось не по себе.

Непанта добралась до Нижнего Арсенала последней. Войдя, она увидела нетерпеливо ожидавших ее братьев. Никто, однако, не стал бранить ее за опоздание. Принесся запоздавшие поздравления с замужеством, Люксос попросил у всех внимания.

– Это вещи Ридье. Все, что мне удалось забрать, – начал он, показывая на беспорядочную грудку на столе. – Золотая монета, которую потратил бин Юсиф после встречи со стариком в итаскийской таверне. Наверняка он от него же ее и получил. Тамошним наемникам платят теми же деньгами. Турран?

Турран внимательно пригляделся к монете:

– Из Ильказара. В наше время редкость.

– Их тратят тысячами.

– Кто-то нашел сокровища Ильказара?

– Не забывайте, что источник этих монет – старик. Откуда он мог знать, где искать такие сокровища?

– Вартлоккур! – рявкнул Турран.

– Дошло? – бросила Непанта. – А я что тебе говорила полгода назад?

– Ладно, извини. Я не думал, что ты настолько ему нужна. И это означает, что у нас теперь полно хлопот. Придется сражаться одновременно с магией и с солдатами.

– Это еще не все, – вмешался Люксос. – Насчет того, кто мог передать список шпионов бин Юсифу. Я нашел эту бумагу в кармане Ридье. Речная вода почти размывла текст, но два имени отчетливо читаются – Браги Рагнарсон и Насмешник. Не понимаете? По слухам, бин Юсиф действовал совместно с этими людьми во время войн Эль-Мюрида. Более того, один из них был в то время в Итаскии, и его видели, когда он разговаривал с тем же самым стариком. Где они теперь? Что сейчас делают? Я думаю, они здесь. В Вороньем Грае.

Мысли Непанты лихорадочно металась в голове в поисках выхода.

– Можно разобрать еще одну строку, – сказал Люксос, протягивая им документ.

Нахмурившись, Турран прочитал написанные потекшими чернилами слова:

– «...Низенький толстяк. Рагнарсон – высокий блондин...» Это все?

Еще немного – и все могло раскрыться. Непанта понимала, что должна предупредить мужа... Мысль об этом застигла ее врасплох. Ее признание Насмешнику, сделанное полчаса назад, выглядело не слишком убедительным. Но сейчас ее решение стало окончательным. Она встала.

– Мне нужно выйти, – ответила она на вопросительный взгляд Туррана, оставив их, склонившихся над имуществом Ридье, словно вурдалаков над открытой могилой.

– Что это может означать? – услышала она вопрос Туррана.

А когда уже отошла достаточно далеко, ушей ее достигли едва слышные слова Вальтера:

– Единственный толстяк во всем замке – Сальтимбанко...

Затем наступила короткая пауза. Непанта бросилась бежать – и столкнулась с запыхавшимся солдатом.

– Госпожа! – прохрипел он. – Они сворачивают лагерь. Похоже, они решили отступить.

Стратегия Туррана увенчалась успехом.

– Спасибо. Я передам братьям. Возвращайся на пост.

Она сделала вид, будто поворачивает к окутанному голубоватым сиянием дверям комнаты совещаний, но остановилась, едва солдат скрылся из виду. Она вовсе не собиралась говорить Туррану, что он победил. Пусть еще какое-то время злится и спорит, пока она и Насмешник не сбегут. В любом случае у нее было предчувствие, что победа эта может оказаться вовсе не такой, как предполагалось.

До нее донеслись приглушенные стенами коридора слова Туррана:

– Но не могли же мы выдать сестру замуж за врага!

– Именно это мы и сделали! – ответил Вальтер. – Могу поклясться – теперь у меня нет никаких сомнений в том, кто мог выкрасть эти списки, а потом скопировать и доставить бин Юсифу. Возможно, придется-таки его повесить.

– Проклятье! – прорычал Турран, ударив кулаком о стол с такой силой, что задребезжал металл. – Ладно, это один. А что со вторым?

– Гримнасон, – с грустью проговорил Вальтер.

– Что? Нет! Это лучший из наших людей.

– Мне подсказывает интуиция.

– Ридье писал, что он блондин.

– Волосы можно покрасить. Так или иначе, сейчас это уже не важно. Мы окружены врагами – извне и изнутри. Все время, пока длилась эта маленькая война, нами полностью управляли. Вполне в стиле такого лиса, как Вартлоккур. Итак, четыреста лет спустя Вороний Грай наконец падет, но не под ударами оружия, а жертвой предательства. Мы всегда знали, что так и случится. Да здравствует империя!

Непанта услышала все, что хотела, и бросилась бежать.

Непанта ворвалась во двор и дико огляделась, едва различив сквозь ослепляющую метель силуэт Рагнарсона наверху стены. Мгновение спустя она уже стояла рядом с ним.

– Браги, мои братья... – тяжело дыша, прошептала она.

– Знаю. – Он даже не обернулся, не сводя взгляда с лагеря бин Юсифа. Вид у него был усталый и печальный. – Насмешник сказал, что ты хочешь уйти, но сейчас я понятия не имею, возможно ли это вообще. Если я стану тянуть время, это может погубить всех нас. Гаруну подобное вряд ли понравится, и он не из тех, кто прощает.

– Ничего ты не понимаешь, – сказала она. – Игра окончена. Они все знают. Люксос привез доказательства. Нужно убираться отсюда, и побыстрее.

У Рагнарсона опустились плечи. Вздохнув, он повернулся к ней:

– Спасибо тебе, госпожа. Лучше собирай вещи. И не бери с собой больше, чем сможешь унести. Только одежду и еду. Мои люди тоже готовятся к отходу. Ты можешь в такой буран вывести нас из этих гор?

– Думаю, да, – ответила она. – Будь осторожен. Скоро они начнут что-то предпринимать.

Она ушла в сторону Колокольни.

Рагнарсон постоял еще немного, глядя вниз на горный склон. Один за другим, закончив приготовления, к нему подходили его люди – Рольф Прешка и Рескирд Драконобой с Хаакеном на носилках, Элана и несколько верных солдат.

– Где Насмешник и Непанта? – наконец спросил он.

Никто не знал.

– Не люблю, когда приходится бросать других, – пожаловался Драконобой.

– Я терпеть этого не могу, – усталым, непривычным для него голосом ответил Рагнарсон. – Но ты предпочел бы умереть?

– Мы ведь не бросаем никого из старой гвардии, – заметил Прешка. – Лиф, Хаас, Чотти... – Он перечислил имена старых товарищей.

– И все же, – возразил Рескирд, – речь идет о нашей репутации...

– Заткнись!

По засыпанному снегу двору брел человек. Добравшись до подножия стены, он крикнул:

– Капитан, они штурмуют заднюю стену!

– Кто? – ошеломленно спросил Рагнарсон.

– Надо полагать, люди бин Юсифа.

– Сколько их?

– Пока немного, но с каждой минутой все больше.

– Хорошо, спасибо. Рольф, пошли всех назад. Это собьет их с толку, пока нам не удастся отсюда выбраться. Поторопись.

Прешка ушел.

– Элана, что с маскировкой?

– Я спрятала ее в сторожевой будке.

– Хорошо. Где, дьявол бы их побрал, Насмешник и Непанта?

– Похоже, это они.

Со стороны Колокольни, шатаясь, брели через сугробы два темных силуэта. Из-за их спин раздавались приглушенные звуки сражения.

– Пусть боги Верхнего и Нижнего мира или все Силы, что есть на свете, обратят в прах и уничтожат навеки посланников гибели, Королей Бурь из Вороньего Грая, – сказала Непанта, когда они наконец дошли. – Я молилась об этом с самого начала. И теперь молитвы мои услышаны, а я жалею, что не могу взять своих слов назад.

– Ладно, все вниз, в сторожевую будку, – приказал Рагнарсон.

Несколько мгновений спустя Драконобой уже сдерживал стражников, угрожая им мечом, пока Элана доставала из тайника белые накидки, сшитые из простыней. Когда Рагнарсон приказал открыть ворота, вернулся Прешка, тоже облачившись в накидку.

По двору эхом отдался крик, слышимый даже сквозь нараставший шум сражения, – похоже, защитники одерживали верх. Из дверей Нижнего Арсенала выбежал Люксос.

– Уходим! – рявкнул Рагнарсон.

Он не питал особых сомнений насчет возможного исхода поединка с Люксосом, поскольку им доводилось тренироваться вместе, но все же остановился, чтобы задержать Люксоса, пока не уйдут остальные.

Рагнарсон брал уроки фехтования в школе, которую трудно было назвать рыцарской. Для него возможность остаться в живых означала намного больше, чем честный бой и почетная смерть. Когда Люксос сделал первый выпад, Браги сорвал сосульки, что свисали с напоминавших ледяной тоннель ворот, и швырнул их в лицо нападавшему. А затем добавил могучий пинок в пах, отправивший Люксоса обратно к братьям. Так что Рагнарсон всего на два шага отстал от товарищей.

Им удалось пробежать не больше десятка шагов, а затем склон вокруг них словно ожил. Сугробы превратились в одетые в белое фигуры, мчавшиеся к открытым воротам. Бежавшие мимо люди бин Юсифа сбили Рагнарсона с ног и едва не растоптали.

Падая, он проклинал самого себя за то, что поверил, будто Гарун и в самом деле уйдет и откажется от последней предательской атаки. Он должен был это предвидеть... Первая волна атакующих пронеслась, не обращая внимания на его людей. Но тем, чьи ругательства он слышал ниже по склону, за снежной завесой, не придется тратить силы на то, чтобы захватывать ворота. Браги поднялся на колени. Оглядевшись вокруг, он никого не увидел. На его крик, который тут же потонул в лязге металла за спиной, тоже никто не отозвался. Не желая привлечь к себе внимания, он больше не издал ни звука.

Поднявшись, он поправил маскировочный халат и двинулся дальше вниз по склону, надеясь, что остальным удастся добраться до условленного места встречи.

Облегченно вздохнув, Рагнарсон опустил свой край носилок перед палаткой Гаруна. У него болели плечи и руки. Дрожавшие от холода солдаты с копьями лишь слегка расслабились, когда он тяжело опустился на снег.

Он нашел Драконобоя и Хаакена в засыпанной снегом яме в четверти мили ниже ворот. Драконобой пытался тащить друга дальше, но в одиночку ему это никак не удавалось. Остальные их спутники пропали, рассеянные атакующими... Потом появились солдаты Гаруна, похоже следуя точным приказам, и привели их сюда.

Полог палатки с треском откинулся в сторону. Худой, смуглый, одетый в черное бин Юсиф выглядел словно карикатура на Смерть.

– Давайте их сюда.

Многозначительно откашлявшись и мрачно глядя на острия копий, Рагнарсон поднял свой край носилок. Мгновение спустя полог палатки закрылся за ним, и он ощутил тепло, исходившее от десятка медных жаровен.

– С ним все в порядке?

Бин Юсиф склонился над Черным Клыком.

– Готов к своей очереди нести Рескирда, – пробормотал Хаакен.

На лице бин Юсифа промелькнула полужвериная улыбка.

– Отлично. – Он повернулся к Рагнарсону. – Браги, тебе повезло, что у тебя такая симпатичная и разговорчивая жена и что мои люди поймали ее первой. Возможно, я даже не дал бы тебе возможности раскрыть рот.

Рагнарсон заметил Элану, которая сидела в дальнем углу палатки, едва не прижавшись к жаровне. Она одарила его усталой улыбкой.

– Я не могу винить тебя за то, – продолжал бин Юсиф, – что ты держался в стороне. Однако моя проблема в том, что у меня вообще нет совести. Что ж, все в конце концов хорошо

закончилось. У меня нет к тебе претензий. Старик должен заплатить нам в Итаскии. Ага, кажется, идет кто-то еще.

Рагнарсон и Гарун подошли к выходу из палатки. Прибыл очередной пленник, Рольф, но взгляд Рагнарсона был устремлен не на него. За спиной Прешки, на фоне снежной пелены, сияло алое зарево.

– Вороний Грай горит, – сообщил Гарун. – Входи, Рольф.

Рагнарсон ударил кулаком о ладонь. Каждый раз, предавая очередного работодателя, он чувствовал себя все хуже, словно злодей, словно отвратительный червяк. Когда-то клятва что-то значила – но тогда он был еще глупым щенком в раю для глупцов, в Тролледингии.

– Если хочешь посмотреть, выйди наружу! – рявкнул бин Юсиф. – Не держи вход открытым.

Рагнарсон опустил полог палатки, скрыв из виду последствия собственного предательства.

– Откуда ты знал? – спросил усевшийся возле жаровни Прешка.

Бин Юсиф вопросительно поднял брови, но тут же улыбнулся:

– О том, что вы собирались сегодня бежать? На самом деле я этого не знал, но мне показалось, что сейчас самое время. Несколько дней назад мы заметили Люксоса. Я решил, что он может знать достаточно, чтобы вы тотчас же попытались смыться. И потому мы его пропустили.

– И что дальше? – спросил Прешка.

– Мы должны ждать в «Красном олене», в Итаскии. Там старик нам заплатит.

– Мне это не нравится.

– Это все, что я смог выторговать. Он нам больше не доверяет. Впрочем, неудивительно. Черный Клык едва на него не напал, Браги постоянно отражал штурмы. А я не мог атаковать.

Снаружи послышался крик. Гарун подошел ко входу:

– Ну вот, теперь мы все в сборе. Введите его. – (Вошли двое солдат, таща за собой бесчувственного и перебинтованного Насмешника.) – Положите его на койку. Что случилось?

– Он не хотел сдаваться, – сказал солдат. – Ему очень нужно было кого-то найти. Он говорил, будто его жену.

– Жену? Насмешник? Браги, что за глупости?

– Это правда. Хочешь верь, хочешь нет – он женат. На Непанте. Со вчерашнего вечера.

– Ох. – Бин Юсиф со вздохом опустился на табурет, нахмутив брови. – Нехорошо. Что с ним случилось? Он должен был соблазнить ее, только и всего. Разрушить семью. Плохо, очень плохо.

– Почему? – спросила Элана. – Разве существует закон, запрещающий ему жениться?

– На свете есть миллионы женщин... Почему он выбрал именно ту, которую хочет старик?

– Тебя что, вообще не волнует, чего хочет она сама?

– Нет, дьявол ее побери! Я хочу получить свои деньги. Она в данном случае лишь товар. – Он театрально ударил себя по лбу. – Товар. Почему? Почему не кто-то другой? И почему я? Почему я столь мягкосердечен к этому толстяку? Я должен был перерезать ему горло, когда он воровал мой кошелек. С тех пор никакого толку, одни хлопоты. Меня подкупила слабость этого дурака. Я с ним подружился.

Еще немного поворчав в том же духе, он приказал найти Непанту и привести к нему. Пока они ждали, он готовился к быстрому выходу в путь, чтобы как можно скорее освободиться от тени Вартлоккура.

Найти Непанту нигде не удавалось. Гарун с солдатами искали ее три дня. За это время выяснились судьбы почти всех, малых и великих, принимавших участие в событиях в Вороньем Грае. Крепость превратилась в дымящиеся руины. Пропавших без вести оказалось

меньше двух десятков, большинство, вероятно, покоились под заснеженными развалинами замка. Среди пропавших были и несколько Королей Бурь.

Затем Насмешник пошел по дороге, которую, как он предполагал, могла бы выбрать Непанта после того, как они заблудились и потеряли друг друга недалеко от ворот замка. И он наткнулся на необычное место, где снег растаял, а потом снова замерз. Остальные тоже его видели, но не придали ему особого значения. Насмешник бы и сам ничего не заметил, но с ним был Гарун, обладавший достаточным опытом в области магии, чтобы сообразить, о чем могут свидетельствовать подобные следы.

– Кто-то наложил здесь маскирующее заклятие, – к удивлению спутника, сообщил он. – На то, чтобы изменить путь световых лучей, требуется немало тепла.

– Магия? Что?..

– Я же говорил тебе, что старику нужна Непанта. Похоже, он нашел ее, спрятал под покровом заклятия, а потом, когда предоставилась возможность, забрал с собой.

Он показал на дорожку, где снег растаял не столь сильно.

– Мы пойдем за ним, да? Наверняка мы вскоре его поймем. Старик не может быстро ходить...

– Может, может.

Гарун послал в погоню патрули, хотя и знал, что это бесполезно. Они не нашли ни чародея, ни женщину. Тем временем он распустил армию, опустошив собственную казну, и освободил пленников. Когда он заплатил последнему солдату, у него ничего не оставалось, ни единого гроша – поскольку людям Браги тоже нужно было заплатить.

Старик должен был появиться в Итаскии.

Несмотря на возражения Насмешника, Гарун повел товарищей на юг, надеясь, что, если ничего больше не случится, ему хотя бы удастся спасти свои деньги.

13
981–997 гг. от О. И. И
Ей жить в его тени

Мрачное настроение, словно паутина, висело под потолком комнаты, где сидели Вартлоккур и Старец. Холод пробирал до костей, в нос бил запах пыли. Все цвета превратились в оттенки серого. Единственный проникавший внутрь свет исходил от зеркала, показывавшего столь же глубоко расположенную комнату в столь же мрачном замке. Они наблюдали за шестнадцатилетней Непантой, занимавшейся обычными делами. Зеркало давало неограниченные возможности подглядывать за кем угодно, но оба тщательно этого избегали. Жизнь Непанты выглядела смертельно скучной: еда, мелкая работа по дому, учеба, а затем часы, проводимые за вышиванием. Когда ей требовалось уединение, она уходила в библиотеку замка и там читала. Книги не входили в круг интересов ее братьев, за исключением, может быть, Люксоса. Она многое из них узнала, и большую часть составляла полнейшая чушь.

Вартлоккур и Старец могли наблюдать за ней часами. Старцу это занятие уже успело наскучить, однако он заставлял себя, поскольку в последнее время его друга что-то беспокоило. Наконец Вартлоккур решил поделиться с ним тревогами:

– Не думаешь, что пора уже мне с ней увидеться?

– Да. Возможно, ты даже слишком долго ждал. Ничто ведь не мешает ей найти себе другого любимого.

– Не просто так. Эта стерва, ее мачеха, решила сделать из нее старую деву. – Он встал и принялся расхаживать по комнате. Время от времени оборачиваясь, он продолжал: – Мужчины повергают ее в ужас – той бабе удалось добиться успеха. Только взгляни, как она себя ведет в присутствии слуг-мужчин. С другой стороны, природа рано или поздно свое возьмет. – Он неуверенно усмехнулся.

Старец повернулся, глядя, как чародей занимается какими-то таинственными делами.

– Что ты делаешь? – спросил он, дернув себя за бороду.

– Выбираю подарки, чтобы произвести надлежащее впечатление на Верлою. Ее отца.

– Собираешься отправиться прямо сейчас?

– Как только будет возможность. Я уже нервничаю, а ведь прошло всего секунд десять с тех пор, как я принял решение.

– Мне подготовить заклинание для переноса?

Вартлоккур смертельно побледнел:

– Нет! – и добавил, объясняясь: – Я хочу узнать мир из первых рук. В любом случае все эти заклинания с переносами мне не по нраву. Еще в Шинсане, когда я помогал учителю в исследованиях этого явления, я заметил разнообразные странные помехи в переносающем потоке. Мне кажется, там что-то живет, к тому же нечто такое, чего не следует беспокоить. И остается фактом, что несколько человек во время попыток переноса исчезли навсегда.

Старец впервые слышал, чтобы Вартлоккур хотя бы намекнул о том, чем занимался в Шинсане. Ему не хотелось вторгаться в личную жизнь чародея, но он не мог сдержать любопытства:

– Ты никогда не рассказывал о Шинсане...

– Чем меньше об этом говоришь, тем лучше.

– Как там? Я лично туда так и не добрался – по крайней мере, после того, как Туан Хуа основал Империю Ужаса. А зеркало не в состоянии туда заглянуть.

– Вся территория окружена барьером, препятствующим дальновидению. Во всех прочих отношениях это такая же страна, как и любая другая. Там такая же природа, как и везде, – горы, реки, леса. Листья зеленые, небо голубое. Что бы тебе ни рассказывали, ты не ощутил бы никакой разницы по сравнению с остальным миром. Лишь глазами своей души ты можешь увидеть всепроникающее зло... В самом деле, чем меньше будешь об этом знать, тем счастливее останешься.

Слегка раздраженный столь агрессивным поведением Вартлоккура, Старец все же попытался задать ему вопрос, мучивший его с самого начала:

– Чем тебе пришлось заплатить за все те способности, которые ты потом использовал против империи?

Даже в царившем в комнате полумраке было заметно, как побагровела шея Вартлоккура. Лицо его стало крайне мрачным. Старец испугался, что его попытка сунуть нос не в свое дело закончится вспышкой яростного гнева, и попытался вновь перевести разговор в безопасное русло:

– Ты намерен отправиться туда в собственном облике?

– А что со мной не так? – рявкнул Вартлоккур, словно тигр, сломавший зуб.

– Я предполагал, что ты снова станешь молодым, как тогда с Марией.

– И что подумает Мария? Нет. И Непанта тоже перепугается. Нет, для всех будет лучше, если я и дальше останусь стариком. – Лицо его постепенно становилось все менее мрачным. – Когда уйду, не говори Марии, куда я пошел. Не стоит ее ранить. Она была хорошей женой. Возможно, я не сумел подарить ей любовь или еще одного сына, но могу хотя бы постараться избавить ее от лишней боли.

Обычно в такие минуты, когда проходил гнев и давала о себе знать совесть, он пытался отплатить ей удвоенной заботой. Хотя порой, как в случае Ильказара или дудочника – нового дудочника баловали больше всех в Фангдреде, – забота появлялась чересчур поздно, чтобы предотвратить нечто ужасное.

– Я ей как-нибудь объясню.

Путешествие Вартлоккура длилось около месяца. Ему пришлось преодолеть несколько совершенно диких горных цепей, Зубы Дракона, а потом, после Шары и Восточных пустошей, Крачнодьянские горы. Погода часто бывала ужасной, с туманами, дождями, снегами и бурями, не приносившими даже малой толики тепла. Все опасности, свойственные лесам, встречались ему необычайно часто, не раз попадались на пути и бандиты. Крестьяне иногда выходили

навстречу чужаку с обнаженным оружием. Со времен его молодости мир стал еще более жестоким. После падения империи Ильказара, служившей очагом стабильности, повсюду воцарилась анархия. Однако в предыдущие несколько сотен лет местные власти как-то справлялись с наведением порядка – вплоть до нынешних времен, когда наступила заря приближающегося хаоса, поскольку иного результата спора между могущественными силами ожидать не приходилось. Вартлоккура охватывало все большее отчаяние, подкрепленное уверенностью, что будущее принесет с собой лишь перемены к худшему.

Однажды, добравшись до края длинного узкого ущелья между серыми скалами, он впервые увидел Вороний Грай. Он вышел на открытое пространство, и воющий горный ветер разогнал тучи, что скрывали возвышавшуюся перед ним вершину. Зеркало не передавало облика цитадели во всей его полноте. Он увидел двенадцать башен и ветхие стены, покрытые серебряными пятнами льда. От замка веяло холодом, одиночеством и мраком, вызывая мысль о древнем потрескавшемся черепе. Замок напоминал ему также выщербленную оловянную корону, которой кто-то увенчал иззубренную вершину Кандарин. Он вздрогнул, пронизанный чувством одиночества, которым веяло от этого места. Какое великое безумие вдохновило имперских строителей на то, чтобы соорудить крепость именно здесь?

Вартлоккур подъехал ближе и увидел выходящего из ворот человека. Остановившись, тот посмотрел на него и поспешно скрылся. Однако он вернулся, прежде чем чародей успел доехать до ворот.

– Хозяин ждет в Большом зале, – объявил он и добавил, обращаясь к сидевшему у него на плече соколу: – Спокойно, Демон. – Затем он снова повернулся к Вартлоккуру. – Иди за мной.

Вартлоккур пошел за привратником по безлюдным коридорам. Вблизи крепость казалась еще более заброшенной, чем Фангдред. Теперь в Фангдред жили люди, создавая хотя бы иллюзию дома. В Вороньем Грае иллюзий не было.

Большой зал оказался просторным пустым помещением, словно ожидавшим неких событий. Сейчас использовался лишь единственный угол в конце. Там, перед большим камином, в котором гудел огонь, сидел Верлоя, хозяин Вороньего Грая. С ним были его дети. Все семеро выглядели вариациями на одну тему. Худые или коренастые, низкие или высокие – все они являлись искаженными отражениями отца.

– Садись. Чувствуй себя как дома, – начал Верлоя. – Как я понимаю, ты проделал нелегкий путь, прежде чем добраться сюда из... – Он вопросительно поднял брови. Вартлоккур никак не отозвался на намек, и Верлоя продолжал: – Я с трудом поверил, когда сокольный доложил, что увидел на горе незнакомца. Ага!

Слуга принес подогретое вино с кореньями. Вартлоккур решил, что будет вести себя сдержанно, и все-таки жадно набросился на свою кружку.

– Прости, – сказал он, выпив все до дна. – Путь был тяжелым.

– Можешь не извиняться. Я несколько раз ездил в Ива-Сколвду и обратно. Это и впрямь утомительное путешествие, даже в хорошую погоду. Ага. Баранина.

Вместе с мясом внесли подносы со свежим хлебом. Верлоя отрезал большой ломоть жаркого, в то время как слуги продолжали вносить миски и тарелки, овощи и сладости, очередные кувшины с подогретым вином и элем. Затем они сами уселись за стол. За одним столом перед камином поместились все обитатели Вороньего Грая, и еще осталось немало места для приезжего чародея.

За едой Вартлоккур спросил о хозяйке замка. Ему показали на Непанту, которая сидела в конце стола, уткнувшись в тарелку. Потом он узнал, что вторая жена хозяина выехала из замка и пропала где-то в пути, забрав с собой немалую часть казны, и с тех пор стала табу для любых разговоров. Она ушла, преследуя невероятные мечты из числа тех, что впоследствии должны были осложнить жизнь Непанты.

Наевшись, Вартлоккур слегка отодвинулся от стола, готовый ответить на любые вопросы.

Верлоя понял.

– Теперь поговорим... – начал он, громко рыгнув, – если ты, конечно, не против. Прости, если покажусь тебе чересчур назойливым. У нас столь редко бывают гости.

Не сказав этого прямо, он дал, однако, понять, что гости его редко вели себя по-дружески. Безрассудные жители Ива-Сколовды, желавшие добыть себе славу, обычно воспринимали Вороний Грай как главный брошенный им вызов.

Тамиль-аль-Рахман, член внутреннего круга, проконсул и вице-король Цис-Крачнодии – провинции, территория которой охватывала во времена империи и Ива-Сколовду, – после падения империи бежал в Вороний Грай. В течение поколений его потомки изо всех сил старались вдохнуть жизнь в труп империи, пытаясь оживить пребывающую в состоянии эмбриона искорку жизни в лоне Вороньего Грая. В итоге им удалось лишь создать постоянную ненависть между цитаделью и Ива-Сколовдой. Город обычно первым оказывался под ударом во время каждой безумной попытки оживить тело, столь давно попрощавшееся с этим миром, что в нем тщетно можно было искать хотя бы одну целую кость.

Безлюдный, полный горечи замок Вороний Грай был всем, что осталось от мечты. Вороний Грай, горстка людей и неугасающая ненависть к Ива-Сколовде.

– Понимаю. Спрашивай.

– Откуда ты?

Как ни странно, Верлоя в первую очередь спросил именно об этом, а не имя гостя. Вартлоккур пожал плечами. Он уже решил, что будет отвечать только правду:

– Из Фангдред в Зубах Дракона.

Все за столом нервно зашевелились. Название это было им знакомо.

– Старец с Гор?

– Нет. Его друг. Можно сказать, напарник.

Все снова беспокойно заерзали. Они хорошо знали и второе мрачное имя, связанное с Фангдредом. Непанта задрожала. Вартлоккур же почувствовал себя разочарованным. Ему предстояло мрачное сражение с этой женщиной, несмелой, словно единорог. Однако сейчас не менее напуганы были и все остальные. Никто из членов семьи не мог скрыть страха, который вызвали его слова.

– Вартлоккур? – прошептал Верлоя.

Вартлоккур кивнул. Непанта задрожала еще сильнее.

– Ты оказываешь нам большую честь, – хрипло проговорил Верлоя.

Вартлоккур невольно посмотрел на Непанту, с трудом заставив себя отвести взгляд. Он слишком долго ждал.

Взгляда его, однако, оказалось достаточно. Испуганно вскрикнув, Непанта убежала, грациозная, словно газель.

– Насчет чести лучше поговорить наедине... Твоя дочь... Что с ней?

Верлоя печально покачал головой:

– На нее слишком сильно повлияла мачеха. Прости ее, если можешь.

– Конечно, конечно. Я Вартлоккур, и обо мне рассказывают легенды. Но в рассказах этих мало правды. Сам, впрочем, подумай – что говорят люди в Ива-Сколовде о Королях Бурь? Если я обидел юную леди – передай ей мои извинения.

Верлоя показал пальцем на сына:

– Скажи Непанте, чтобы немедленно вернулась и попросила прощения.

– Нет, не надо. Я уверен, что сам виноват.

– Как пожелаешь. Мальчики, оставьте нас одних, чтобы мы могли поговорить. – (Сыновья и слуги перебрались за дальний стол.) – Чем я могу тебе помочь, господин?

– Дело и впрямь весьма деликатное, учитывая, кто я. Ты знаком с телелазарской функциональной формой главного пророчества Боробы Тринга?

– Нет, я почти ничего не знаю о восточных системах. Транстемпоральный обзор Клингера – все, в чем я могу разобраться. Мы тут скорее мелкие чародеи, не считая разве что наших способностей управлять Ветром-Оборотнем.

– Ладно, думаю, Клингера хватит. То, что я хотел бы тебе показать, имеет отношение к вопросам времени.

– Тебя привело сюда пророчество?

– В каком-то смысле. Но я бы предпочел продемонстрировать, нежели объяснять. Ты не против?

Он старался быть максимально вежливым с Верлоей, еще не оправившимся от потрясения.

– Самое подходящее место – Нижний Арсенал. Забирай свои вещи.

Час спустя Верлоя, переживший увиденное намного легче, чем предполагал Вартлоккур, сказал:

– Никак не могу до конца понять всей этой истории с судьбами и нормами. Мне она напоминает шахматную партию, правила в которой меняются с каждым последующим ходом. Полное безумие.

– Именно.

Как только они вернулись на прежнее место перед камином в Большом зале, Вартлоккур изложил свою теорию.

Чародей был встревожен и взволнован. На этот раз ему удалось добыть кое-какие новые сведения. Пророчество намекало, что старые грехи в конце концов его настигнут.

Беспокоился и Верлоя. Ему не нравилась роль, предусмотренная в этой игре для его детей.

Вартлоккур начинал подозревать, куда обрушится его второй всеуничтожающий удар, и мысль об этом причиняла боль. Он знал, что данный поступок вновь его изменит, возможно столь же глубоко, как и гибель Ильказара.

Они молча сидели минут десять, погруженные в мрачные мысли. Наконец Вартлоккур заметил:

– Пророчество не изменилось за двести лет.

– Я видел. Теперь я понимаю, зачем ты сюда приехал. Я не умею лгать – мне это не нравится, но я не в силах ничего изменить, даже если бы хотел. С ней тебя ждет немало хлопот, – продолжал Верлоя. – В ее сегодняшнем поведении не было ничего исключительного. Вероятно, ей было чересчур любопытно, раз она столь долго высидела с нами. Полагаю, это моя вина. Мне следовало, пока еще не поздно, положить конец всей той чуши, которую жена вдалбливала ей в голову. Но я был слишком занят, стараясь сделать мужчинами сыновей. Мне попросту не хватало времени на заботу о Непанте... Хотя и с неохотой, даю тебе свое благословение на любое добро, которое ты можешь для нее сделать, но не более того. Мне не нравится картина в целом. Я надеялся, что смогу лучше научить мальчиков. Империя мертва.

– Возможно, если бы ты призвал Силу...

– Я не стану использовать магию. Уже во второй раз я поклялся никого не принуждать к каким-либо поступкам, и из этого правила нет исключений. Все случится без каких-либо чар или не случится вообще.

Договорившись с отцом, Вартлоккур начал предпринимать долгие и лишь изредка вознаграждавшиеся усилия к тому, чтобы разжечь искорку любви в сердце этой девицы-единорога. Порой ему казалось, что еще немного – и наступит перелом. Но значительно чаще у него создавалось впечатление, что все его предприятие обречено на провал. Однако за века ожидания он научился терпению. Время у него было, и, словно капля, что точит скалу, он постепенно разрушал камень страха Непанты. Когда ей исполнилось девятнадцать, она уже ждала его все более

частых визитов, хотя относилась к нему скорее как к симпатичному учителю философии, чем к потенциальному возлюбленному, – ибо считала, что в этом мире возлюбленных для нее нет.

Но он был уверен, что в глубине души ей этого хочется. Погруженная в меланхолию, она продолжала ждать прекрасного рыцаря из трубадурских песен, а таких людей, к превеликому сожалению, в нынешнем мире не существовало.

Действительно жаль. В мире должны были найтись по-настоящему хорошие парни, а не только спектр личностей от плохих до еще худших. Вартлоккур делил свой мир исключительно на друзей и врагов, не возводя в абсолют добро и зло, ибо, с его точки зрения, они зависели лишь от занимаемого поста.

В двадцатый день рождения Непанты Вартлоккур сделал ей предложение. Непанта сперва решила, что он шутит, но, когда он начал убеждать в серьезности намерений, она убежала. Зерна его пали на недостаточно плодородную почву. Год она отказывалась с ним встречаться. Для него это был болезненный удар, но он не собирался отступать.

В конце концов она снова начала с ним разговаривать. Но оставалась по-прежнему пугливой и замкнутой и пыталась защититься от якобы угрожавшей ее чести опасности, постоянно держась в обществе Вальтера.

После смерти Верлои она несколько смягчилась. Именно Вартлоккур сумел лучше всех утешить ее на похоронах отца. Однако перемены в ее капризной натуре были лишь внешними, и она вовсе не собиралась придавать их отношениям более интимный характер.

Вскоре Вартлоккур пережил собственную потерю – во время очередного его короткого пребывания в Фангдред умерла Мария. Вартлоккур уже подозревал, что жена знает, чем он занимается, и потому старался как можно меньше ее беспокоить. Он искренне оплакивал ее смерть – лучшей спутницы жизни не мог пожелать ни один мужчина. Порой он задавался вопросом: почему ему никогда не хватало всего того хорошего, что было в его жизни? Ведь на самом деле не существовало никакой абсолютной, независимой от него силы, вынуждавшей его следовать судьбе, которую он увидел в предсказании. Если бы он пожелал и приложил к тому усилия, мог бы стать обычным крестьянином или парусных дел мастером... Однако ему не доставало силы воли, и он считал своей обязанностью исполнить предсказание пророчества.

Упрямство Непанты, однако, оставалось твердым – как сталь или камень. Шесть лет спустя, когда ее братья перешли от разыгрываемых в коридорах замка военных игр к планам реальных завоеваний, она так и не сдалась ему. Она привыкла к тому, что Вартлоккур стал частью ее жизни. Может быть, даже смирилась с возможным супружеством, вновь научившись сохранять спокойствие в его присутствии, однако не желала помочь ему перенести их отношения в более чувственную плоскость.

В конце концов Вартлоккур не выдержал и однажды снова сделал ей предложение, которое Непанта, как обычно, отвергла. Разразилась первая их крупная гневная ссора. В расстроенных чувствах он вернулся в Фангдред, решив следовать путем, который многие годы отстаивал Старец.

Старец, возможно, оставался тайной для себя самого. Никто не смог бы сохранить в памяти все века и события, свидетелем которых ему довелось стать. Он едва ощущал себя принадлежащим к миру людей. Страсть, любовь, ненависть, боль и радость – что от них остается в жерновах времени? Только прах, пыль от вращающихся мельничных колес. Что можно помнить о родителях, умерших тысячу лет назад? Не остается даже отдельных воспоминаний, кроме непроизносимых архаичных чужих имен. Молодость? Он никогда не был молодым, – по крайней мере, так ему казалось. Он сохранил несколько воспоминаний о радостных мгновениях, о девушке, полевых цветах и запахах весны. Имя той девушки порой приходило к нему в одиноких снах, лицо же ее часто возникало перед глазами в удивительные краткие мгновения счастья, что еще иногда случались. Прошрое его представляло собой бесконечный коридор с

миллионом дверей, за которыми скрывались воспоминания, окутанные старческими тенями. Настоящее и будущее были бесцветны. Прошлое сжималось до размеров темной точки, в которой он впервые встретился с Режиссером. Именно об этом он больше всего тосковал – о свете, о красном, зеленом и голубом цветах, о любви, боли и страсти. Он был самым старым из всех живших на этом свете людей.

За исключением одного-единственного – хотя порой он полагал, что и его друг Звездный Всадник, или Режиссер, тоже покинул этот мир. Со времен крестовых походов Навами, тысячу лет назад, он не получал от него никаких известий, хотя, если как следует приглядеться, в великом эпосе о падении империи можно было заметить следы его руки.

Когда-то Старец хотел жить вечно. Но тогда и он, и мир были моложе, он же ненавидел даже самую мысль о том, что его могли бы миновать наступающие столетия. В те времена, когда магия, как и сам Старец, была молода и необузданна, а он все еще обладал способностью придумывать что-то новое, он рисковал собственной душой и человечностью, чтобы в полной мере воспользоваться бессмертием. Это был безвозвратный дар Звездного Всадника, и ему пришлось заплатить жестокую цену в виде одиночества, нужды и долга, который никогда не удалось бы выплатить сполна.

Иногда ему казалось, что смерть могла бы стать его сладким ангелом с лицом давно забытой любви, и он мечтал о том, как с радостью упадет в ее сладостные объятия, когда она в конце концов придет. Она избавила бы его от бремени этого мира, в котором шли друг за другом в бесконечном хороводе неотличимые друг от друга дни. Она могла бы даровать ему свободу – Мать-Ночь с мягким черным лоном, в котором он упокоился бы навеки...

В ее объятиях, однако, оказаться было проще простого. Почему он не бросился вниз со стены Фангдредра? Потому, что при всем при этом боялся желанной смерти и не мог представить себе мысли о мире, лишенном его самого. Нестерпимое желание, приведшее его к бессмертию, все еще пылало неугасимым огнем в душе. Он мог что-то упустить... Но – что? Он прожил все эти столетия, и они успели ему лишь наскучить. Если ему не хватило катастроф, завоеваний и выдающихся творений человеческого духа – что еще ему было нужно? Чего он ждал?

Когда настроение мрачное, а сам ты раздражителен, все мысли в голове столь же темны и невеселы. Он понятия не имел, чего, собственно, хочет, и не пытался этого узнать. Он ждал, пока оно придет к нему само, и это его вполне устраивало. Тем временем он жил благодаря сформировавшимся за столетия привычкам. Он мечтал о забвении и отвергал любую попытку его избежать. Он уже прожил десять тысяч лет, и, возможно, ему дано было увидеть следующие десять тысяч.

И, кроме того, у него имелись свои долги и обязательства. За долгую жизнь, которую он взял в кредит, требовалось платить проценты.

В мрачной комнате на вершине Башни Ветров на столе лежала большая карта. Похожие на клыки символы на ее восточном краю обозначали Зубы Дракона. Наверху виднелись другие клыки – Крачнодьянские горы, а среди них надпись: «Вороний Грай». Через середину карты и в сторону юга тянулись названия королевств: Ива-Сколовда, Двар, Прост-Каменец, Итаския, Грейфеллс, Мендалайя, Портсмут и сотни других. Над картой склонились Вартлоккур и Старец, обсуждая варианты возможных действий.

– Здесь, – сказал Старец, тыча пальцем в Крачнодьяны над Ива-Сколовдой, – идеальная база. Окрестные народы, промышляющие разбоем, затаили на город злобу. Способный человек, не затронутый племенной завистью, может объединить их в армию, достаточно сильную, чтобы захватить врасплох Ива-Сколовду, но не настолько, чтобы ее удержать. Думаю, это примерно то, что тебе нужно. Если им удастся посадить Непанту на трон, мы сможем ее похитить – когда они потеряют интерес к Ива-Сколовде и вернутся к новым завоеваниям.

– Отличная мысль – при условии, что мы сумеем ее схватить. Она неглупа.

Хотя Непанта изо всех сил старалась это скрыть, Вартлоккур обнаружил, что она весьма умна и сообразительна. Ведя себя глупо, она, по сути, преднамеренно себя же и ослепляла.

– Значит, решено? Наймем этого бин Юсифа и его людей и используем их, чтобы изолировать ее в Ива-Сколовде.

– Думаю, да.

Вартлоккура не оставляло предчувствие, что все будет не столь просто, как казалось Старцу. Сердце его сжималось при мысли, что все закончится очередным всеобщим уничтожением.

– Предположим, что по какой-то причине наш план не удастся и дело закончится тем, что мне придется сражаться с ее братьями.

Старец пожал плечами:

– Повсюду бродит множество солдат без гербов. За ночь можно набрать армию.

Мысли Старца Вартлоккуру не понравились. Он уже много веков назад насытился армией и войнами.

– У них теперь в руках Рог Звездного Всадника, – с едва скрываемым удивлением сообщил Старец.

Вартлоккур повернулся к зеркалу, привлеченный скорее тоном собеседника, чем словами. Каким-то образом братьям Непанты удалось отыскать неуловимого древнего старика, происхождение которого было покрыто еще большей тайной, чем история Старца. В последнее время они без устали выслеживали его в западной части Крачнодьянских гор и наконец захватили врасплох. Удача казалась невероятной – Звездный Всадник был слишком стар для того, чтобы столь легко дать себя поймать.

– Они дураки, все до одного, – горько сказал Старец. – Один магический талисман не сделает их непобедимыми. Даже если это Виндмьирнерхорн.

Рог, о котором шла речь, обладал свойствами рога изобилия, хотя ничем не напоминал мифический аналог. При надлежащем обращении Виндмьирнерхорн мог дать почти все, о чем его просили. В течение многих веков его пытались похитить жаждавшие власти, и иногда им это удавалось. Однако Звездный Всадник всегда выкрадывал его назад – после того, как алчность приводила похитителей к гибели.

Турран хотел завладеть Рогом, чтобы с его помощью получить богатства и запасы, необходимые для создания и снабжения армии, которая так и не возникла, поскольку брат Непанты не научился пользоваться Рогом. Впрочем, так случалось со всеми – они навлекали на себя несчастье раньше, чем успевали овладеть необходимыми умениями.

– Еще научатся. Совать нос в чужие дела – прямой путь к тому, чтобы тебе его расквасили. Ильязар – до сих пор лишь нечто внушающее страх, как и я. А некоторые в Ива-Сколовде до сих пор питают горькие чувства ко временам вице-королевства.

– Что может оказаться только нам на пользу.

– Верно. Что ж, займись делом – начну договариваться с бин Юсифом. Будешь следить за ходом событий?

Старец внимательно наблюдал за происходящим. Он видел, как бин Юсиф под видом знахаря обосновывается у подножия холмов и принимается за дело. Он видел, как Рагнарсон нанимается в войско и становится командиром наемников Туррана. Он видел, как Насмешник под личиной Сальтимбанко начинает неспешный поход в сторону Ива-Сколовды. Он наблюдал, как Гарун, недостаточно осведомленный об истинных целях работодателя, посылает шпиона, чтобы поставить короля Ива-Сколовды в известность о намерениях Королей Бурь. План Вартлоккура не провалился сразу же лишь потому, что Турран успел выступить раньше. В дальнейшем дела шли с переменным успехом, приобретая самый худший оборот, когда Гаруну

не удалось схватить Непанту в Ива-Сколовде. Но Вартлоккур ожидал подобного исхода и имел наготове армию, способную вскоре выступить против Вороньего Грая.

Но тогда Вороний Грай не пал. Рагнарсон не исполнил условия контракта, а бин Юсиф не желал тратить впустую жизни штурмующих замок. Вартлоккур, который от нетерпения сам взвалил на себя руководство осадой, ответил на это бешеной активностью – взяв с собой батальон солдат, он повел их вокруг Кандарина, а потом приказал целый месяц вырубать ступени в обрыве высотой в две тысячи футов, чтобы атаковать замок с тыла...

Лишь затем, чтобы наконец захватить его и убедиться: Гарун сумел-таки выполнить задачу, прибегнув к хитрости.

Однако цель не была достигнута; когда рассеялся дым над руинами замка, ставшего второй жертвой Вартлоккура, оказалось, что Непанта исчезла. Однажды снежным утром, отчаянно выкрикивая заклинания среди бесчисленных мертвых тел, чародей нашел ее на полпути с горы. Схватив ее, он наложил маскирующее заклятие и при первой же возможности незамедлительно отправился в Фангдред. Месяц спустя, вместе со все еще разъяренной Непантой, он прибыл на место.

Все предприятие закончилось полным фиаско, не принеся ничего, кроме смертей. Брошенные солдаты Вартлоккура были вне себя от злости – не только потому, что им не заплатили, но и из-за похищения жены Насмешника. Братья Непанты, которым удалось спасти Виндмьир-нерхорн и инструменты для насылания бурь, избежали гибели и теперь бродили по свету, одержимые жаждой мести. Хотя чародею и удалось завладеть желанной добычей, до финала было еще очень далеко.

И Вартлоккур прекрасно это понимал. Едва вернувшись, объявив о своем прибытии и разместив Непанту в ее новых покоях, он позвал Старца в Башню Ветров.

– Цель достигнута, – пробормотал он. – Она здесь. Но я оставил за собой столько свободных концов, что из них вполне можно свить петлю для моей шеи.

– «Заплата для савана, в котором меня похоронят», – процитировал Старец.

Вартлоккур не сразу узнал источник цитаты – из «Чародеев Ильказара»: последние горестные слова короля Вилиса, которые тот произнес, глядя, как медленно умирает вокруг него сердце империи. Далее он оплакивал разрушенные владения и выпавшие на его долю несчастья, главное место среди которых занимал сам Вартлоккур – та самая «заплата».

– Мне нужно подготовиться. Серебро и черное дерево, лунный свет и ночь всегда принадлежали мне. Есть у нас ремесленник, кто может сделать для меня серебряные колокольчики? Вот, смотри, – сказал он, доставая маленькую потертую шкатулку из груды сваленного в углу хлама. Когда он открыл ее, на пол посыпались комья засохшей земли. Внутри лежали два десятка старых серебряных монет. – Возьми их и прикажи сделать из них колокольчики, на каждом должны быть все тринадцать моих знаков.

Старец не отвечал. Он никогда прежде не видел, чтобы Вартлоккур вел себя подобным образом.

– А стрелу я сделаю сам. – Он быстро выдернул из груды в углу доску из черного дерева и набор точных инструментов. Две серебряные монеты из старой шкатулки он тоже оставил себе. – Ну, иди же! Иди! Принеси мне колокольчики.

Озадаченный Старец ушел. Несколько дней спустя он вернулся со шкатулкой, полной колокольчиков. Вартлоккур за это время выстругал стрелу с древком из черного дерева и выкованным из серебряной монеты наконечником. Серебром от другой монеты он инкрустировал древко, вырезав на нем руны и каббалистические знаки.

– Вот. Помоги мне собрать все вместе.

Чародей разложил на столе небольшую грудку разнообразных предметов. Руководствуясь указаниями Вартлоккура, Старец соорудил устройство из маленьких, лишенных язычков колокольчиков, которые звенели, ударяясь друг о друга. Под ними медленно вращалась стрела.

– Мое охранное устройство, – объяснил Вартлоккур. – Колокольчики зазвонят, когда кто-то захочет до меня добраться, начиная с той минуты, когда он окажется в пятидесяти лигах отсюда. По мере его приближения звон будет усиливаться, стрела же покажет точное направление, откуда идет враг. Так что найти его и задержать будет не так уж и сложно.

Он улыбнулся, гордый своим небольшим творением.

Действительно жаль, подумал Старец, что Вартлоккур становится столь целеустремленным, когда заходит речь о Непанте. После замужества она стала еще более неприступной, из кролика превратившись в тигрицу. Для нее не существовало других мужчин, кроме того, кто ее освободил. Актеришки. Вора. Профессионального изменника.

На лице Вартлоккура часто отражались мучительные размышления о том, что он совершил и что потерял. Старец пытался убедить Непанту проявить большее понимание – естественно, когда чародея не было рядом.

Отчасти это ему удалось, хотя бы самую малость, но она оставалась непоколебимой. Если ей потребовались годы, чтобы принять одного мужчину, на то, чтобы полюбить другого, могли уйти десятилетия.

Он грустно покачал головой. Режиссер ставил жестокую пьесу.

Старец терпеть не мог жалости во всех ее проявлениях, но ему по-настоящему было жаль своего друга Вартлоккура.

14

Весна 997 г. от О. И. И Они были врагами, но помирились

Прошел месяц. Рагнарсон, бин Юсиф и их товарищи окончательно убедились в том, что уже какое-то время подозревали: Вартлоккур не появится, чтобы им заплатить.

– Ты уверен, что он говорил про встречу именно здесь? – в сотый раз спросил Рагнарсон.

– Уверен, – ответил, как всегда, бин Юсиф, глядя в открытое окно на взошедшее солнце. – Он сказал: «Гостиница „Красный олень“, в Итаскии». Думаешь, для эля еще слишком рано?

– Спроси Ялмара. Это его таверна. Ялмар!

Из кухни, ковыляя, вышел пожилой мужчина и, не говоря ни слова, поставил перед ними две кружки. Возвращаясь обратно, он, однако, остановился и хлопнул себя по лбу:

– Да, забыл вам сказать. Вчера ночью вас кто-то искал...

Оба вздрогнули. Глаза их блеснули.

– Смуглый старик с носом как у меня? – требовательно спросил бин Юсиф.

Ялмар ненадолго задумался, уставившись на орлиный нос Гаруна.

– Не-ет, вряд ли. Лет сорока, черноволосый, крепкого телосложения.

Бин Юсиф нахмурился. Рагнарсон уже собирался о чем-то спросить, когда со второго этажа, где размещались комнаты, спустилась Элана. Судя по хмурому виду, она принесла дурные известия.

– Он ушел, – сказала она. – Вчера ночью.

– Насмешник?

– Кто же еще?

Ради собственного блага они держали его связанным, не желая, чтобы он предпринял тщетную попытку свести счеты с Вартлоккуром и найти Непанту, так как это могло существенно уменьшить их шансы получить причитающуюся плату.

Бин Юсиф вздохнул:

– Ладно, что случилось – то случилось. Я предполагал, что этим закончится. Безумец ворошит осиное гнездо, а у нас даже нет ног, чтобы убежать.

– Что ты имеешь в виду? – рассеянно спросил Рагнарсон, все внимание которого поглощала Элана, смотревшая в окно.

В последнее время она казалась ему страшно далекой.

– То, что Насмешник вынуждает нас ему помогать, нравится нам это или нет. Он прекрасно понимает, что до всей этой истории с Вартлоккуром мы составляли единое целое. Так что мы, независимо от того, хотим или нет вмешиваться в его личные дела, окажемся под прицелом Вартлоккура, как только он поймет, что Насмешник его преследует. Так, на всякий случай. Ты бы поступил иначе? Что случилось с Эланой?

– Я не хочу иметь дела с людьми из Фангдредра. Но если нам в любом случае предстоит умереть, лучше уж, если это случится в честном бою, лицом к лицу с врагом. Думаю, Элана беспокоится за Непанту. В последнее время они стали очень близки.

Элана вовсе не беспокоилась за Непанту, – во всяком случае, не это было главным предметом ее забот. Проблема заключалась в том, что внезапно она забеременела. Как она могла сообщить об этом Браги, не оказавшись исключенной из всех его планов? Она чувствовала себя виноватой, поскольку больше заботилась о себе, когда проблемы Непанты были во сто крат хуже.

Рагнарсон крикнул, чтобы принесли еще эля, а когда появился хозяин, спросил:

– Тот человек, что спрашивал о нас, – чего он хотел?

– Он не говорил. Сказал только, что он ваш друг.

Рагнарсон поскреб бороду, выгоревшую наконец до естественного светлого цвета.

– Какой у него был акцент?

– Можешь уже не спрашивать. Он здесь.

Гарун поднял взгляд от кружки. Рагнарсон обернулся...

И тут же нырнул влево, словно прыгая в воду. Перекатился, сбил с ног Ялмара, крикнул:

– Элана!

Бин Юсиф спрятался за стол, опрокинутый Браги, и взревел:

– Хаакен! Рескирд!

В дверях остановились четверо в монашеских одеяниях, удивленные столь бурной реакцией на их появление. Один внезапно рухнул на колени, получив удар сзади. Прежде чем он успел подняться, одна рука ухватила его за подбородок, а другая приставила к горлу сверкающую сталь – Элана подоспела.

– Если кто-то шевельнется, – решительно заявила она, – Турран умрет!

Ей поверили. Признаков жизни гости подавали не больше, чем каменные статуи.

Пригнувшись и перебегая от стола к столу, Рагнарсон наконец добрался до стены, где висели мечи, бросил один бин Юсифу, сам взял другой и двинулся к двери. Загрохотали быстрые шаги по лестнице – появились полуодетые Драконобой и Черный Клык, встав по обе стороны от Эланы.

К ним присоединились Рагнарсон и бин Юсиф.

За спиной Королей Бурь появился Рольф Прешка с мечом в руке.

– Проклятье! – рявкнул он. – Зря я выпрыгивал в окно. Ага. Нет ничего лучше заглянувших в гости старых друзей.

Он посмотрел на четверых с нескрываемым любопытством, смешанным со злорадным весельем.

В другом конце зала, словно любопытная сова, выглянул из-за стойки хозяин. Долгий опыт работы помог ему выработать необходимые рефлексy. «Красный олень» пользовался самой дурной репутацией из всех подобных мест в Итаскии.

– Быстро вы, – сказал Турран. – Я едва не подумал, что у вас совесть нечиста. – Хотя голос его звучал беззаботно, в глазах виднелся страх. – Успокойтесь. Мы не вооружены.

– Сказал чародей и рассмеялся, – буркнул бин Юсиф. – На этот раз молнии вы убрали в ножны?

– Прошу прощения, – притворно извинился Рагнарсон. – Мы ждали неприятностей. – Он оценивающе обвел взглядом всех четверых. – Но не от вас. Сядем за стол.

Вскоре Короли Бурь сидели за столом в окружении шестерых людей бин Юсифа, и им уже несли кувшин.

– Что вам нужно? – рявкнул Рагнарсон.

– Поговорить с Сальтимбанко, – ответил Турран.

– С Насмешником, – вмешался Драконобой.

– Сальтимбанко, Насмешник – все едино. Для нас он был Сальтимбанко, но можем называть его и Насмешником, если желаете. Мы хотели бы с ним увидеться. Это касается Непанты.

– Она уже большая девочка и знает, что делает, – фальшиво-сладким голосом ответила Элана. – Не стоит вмешиваться в ее жизнь.

– Нет, конечно. Мы и не собирались. Даже после Вороньего Грая мы не в силах желать ей зла... Хотя нам больно, что она выступила против семьи.

Турран устало откинул падавшие на глаза волосы. Судя по сторбленным плечам, поникшей голове и бросаемым украдкой в сторону взглядам, это был уставший и проигравший все человек, вынужденный смотреть, как его мечты становятся добычей безжалостного пламени.

– Мы хотим вырвать ее из лап Вартлоккура, вытащить из Фангдреда, чтобы он не смог использовать ее в дальнейших интригах. – Даже после долгого знакомства с чарореем Турран не мог поверить, что у того нет дурных намерений. – А потом она будет свободна и сможет идти куда захочет, делать что пожелает, с кем угодно.

– Гм! – пробормотал Рагнарсон.

Его густые брови задумчиво сдвинулись, небольшой шрам на лбу побелел.

– Послушайте, – с нотками отчаяния в голосе сказал Турран. – Мы не ненавидим вас за то, что вы сделали. Рендель, ты был моим другом и, думаю, им остаешься. Астрид...

– Лучше называйте нас Браги и Элана, – заметила Элана.

– Как хочешь. Ты единственная подруга, которая когда-либо была у Непанты. Глупо было бы ненавидеть тебя лишь за то, что ты дала себя провести чародею...

– Который к тому же нам еще и не заплатил, – проворчал Черный Клык.

– Мы хотели бы забыть о прошлом, помириться с вами, вновь подружиться. Все время помня о спасении Непанты.

– И вы забудете об истинных причинах вражды? – тихо спросил бин Юсиф. – Например, о смерти Ридье?

По лицам четверых пробежала гримаса. Турран едва сдерживал чувства:

– Да. Его больше нет, и ничья ненависть ему не поможет. А месть ничем не поможет живым. Но Непанта жива, и ей можно помочь. Мы бы продали души дьяволу, если бы не было другой возможности забрать ее у Вартлоккура.

– Я почти готов в это поверить, – заявил Рагнарсон. – Но чего вы, собственно, от нас хотите?

– Помощи Насмешника. Она его жена. А у него есть опыт решения подобных проблем.

– Вы опоздали. Этот идиот вчера сбежал.

– Отправился в Фангдред? Один?

– Да. Словно сумасшедший шляпник. И виной тому ваша сестра. Он влюбился. Видимо, полагает, что может помчаться туда сломя голову, словно рыцарь из ее любимых книжек. Возможно, я ошибаюсь – он никогда раньше подобным не страдал. Может быть, он окончательно свихнулся. Эй, а что случилось с Люксосом?

Лицо Туррана снова помрачнело, но он все же ответил:

– Мы не смогли заставить его покинуть Вороний Грай. Он сражался до конца, даже после того, как все остальные сдались. Он был моим братом, и в каком-то смысле я им горжусь. Он был отважен, но при этом и глуп. Сотня таких безумцев, как он, наверное, смогла бы остановить Землю. В конце концов его застрелили из лука. – Подумав, он добавил: – Почему люди проявляют лучшие качества именно тогда, когда все потеряно? Вспомните великих героев. Каждый в конце концов терпел поражение.

– Фангдред – наверняка еще более крепкий орешек, чем Вороний Грай, – заметил Рагнарсон. – У нас больше нет армии. И денег, чтобы ее нанять, тоже. Как вы себе все это представляете?

– Гм... и правда, как? – тупо пробормотал Турран. Его и братьев поддерживала лишь единственная оставшаяся цель. Они плыли среди обломков потерпевшего крушение корабля их мечты. – Понятия не имею.

– Магия?

– Мы сделаем все, что в наших силах. С помощью мечей или Ветра-Оборотня. Без Ридье, Непанты и Люксоса мы не можем им управлять в полной мере. Нам наверняка удастся вызвать дождь или снег, но о такой буре, что мы наслали на Двар, не можем и мечтать.

– Даже это поможет, если случится в нужное время, – задумчиво сказал Гарун.

– И я так думаю, – согласился Турран.

– Браги, не нравится мне это, – вмешался Черный Клык.

– И мне, Хаакен. Но это уже не твоя война. Ты, Рольф и Рескирд можете получить все, что у нас осталось после оплаты по счетам. Элана, найди расписки.

– И что еще стоит сделать? – насмешливо спросил бин Юсиф. – Иметь бурю в кармане было бы весьма неплохо, но нам нужно знать, когда и куда ее наслать.

– Есть предложение, – сказал Вальтер. – Визигодред и Зиндаджира. Мои тамошние агенты сообщают, что вы как-то с ними договорились.

Едва он произнес эти имена, за столом наступила тишина. Это были чародеи – могущественные чародеи, хотя они и не могли превзойти Вартлоккура.

– Похоже, ты глубоко копаешь, раз узнал о них, – заметил бин Юсиф.

– Главная проблема – время, – сказал Рагнарсон. – Насмешник значительно нас опередил, – возможно, прежде, чем мы успеем договориться с теми двоими, он будет уже мертв. Не уверен, что мне вообще хочется иметь с ними дело – во всяком случае, с Визигодредом. Я уже и так слишком много ему задолжал.

Турран оживился, что чувствовалось по его голосу:

– Мы можем несколько подправить планы. Можно задержать Насмешника плохой погодой, пока вы не будете готовы ему помочь.

– Да, пожалуй, – проворчал Рагнарсон. – Станет ли Зиндаджира сотрудничать с Визигодредом? Разве они больше не враждуют?

– Мы можем предложить им Рог Звездного Всадника и инструменты для управления бурями, если это чем-то поможет, – заявил Турран. – Ими способен воспользоваться любой, в чьи руки они попадут.

Гарун кивнул:

– Именно такие предметы могут убедить Зиндаджиру. Он считает, что мировая машина хорошо работает, лишь когда ее смазывают взятками.

– Не нравится мне это, – буркнул Рагнарсон. – Но поскольку других вариантов нет... Что ж, еще сегодня я отправляюсь в Мендалайю.

– А мы последуем за Насмешником в сторону Фангдреда, – сказал Турран. – И все время будем насылать ужасную погоду. Возможностей у нас теперь меньше, чем раньше. Разобьем

лагерь где-нибудь в Восточных пустошах, поближе к Фангдреду, чтобы нанести удар всеми силами, что у нас есть, – если до этого дойдет.

Ялмар принес последний кувшин эля. Подняв тост за успех предприятия, они принялись обсуждать лишь наполовину продуманный план.

Поднявшись на вершину холма, Рагнарсон и его жена остановились, глядя на расположенный по другую сторону долины серый готический замок Мендалайя. Мысли Браги блуждали между удивлением, которое вызвало известие о беременности Эланы, и воспоминаниями о последнем визите в эти края. Несмотря на то что Визигодред был чародеем, он отличался прекрасным гостеприимством, и Рагнарсон надеялся, что в этом отношении ничего не изменилось.

– Странное место, – сказала Элана, откидывая со лба рыжую прядь.

Время от времени она тайно меняла цвет волос, интригуя Рагнарсона своеобразной магией, присущей женщинам. Иногда они оказывались лучшими иллюзионистками, чем достигшие мастерства чародеи.

– Угу! – Волосы тоже падали ему на лицо.

Со стороны Крачнодьянских гор дул сильный морозный ветер. Дальше, к югу от Мендалайи, поднимались к небу первые горные цепи.

– Чего мы ждем?

– Я немного беспокоюсь – ты хорошо себя чувствуешь?

– Не будь глупцом. Конечно да. Пройдет еще несколько месяцев, прежде чем у тебя появятся поводы для беспокойства.

Она прищипорила кобылу. Вскоре они уже поднимались по противоположному склону долины, через окружавшие Мендалайю виноградники. Склон был совершенно голым, высохшие лозы тянулись к небу, словно коричневые костлявые руки. Мрачное место – красота вернется лишь весной. Летом же среди желтеющих листьев появятся кисти голубовато-пурпурных ягод, чтобы породить вино...

В воротах замка их ждал одетый в зеленую ливрею слуга. Он низко поклонился:

– Доброе утро, капитан, госпожа. Я займусь вашими лошадьми, если не возражаете. – Он повел их внутрь. – Отведу в конюшню, а потом позабочусь, чтобы ваши вещи перенесли в апартаменты. Его светлость ожидает вас в своем кабинете. Алова, та девушка у дверей, покажет вам дорогу.

– Этот Визигодред – чародей? – прошептала Элана, когда они отошли достаточно далеко. – Он ведет себя словно аристократ.

– Он и есть аристократ. Графство Мендалайя – его владения. Он получил их от Итаскии, через герцогство Грейфеллс. Магия – лишь его хобби, – по крайней мере, так он утверждает. Но в любом случае он на ней помешан.

– Он знал о нашем приезде.

– Очередная показуха. Он наблюдает за графством словно ястреб, чтобы потом произвести впечатление своим провидением.

Девушка у дверей, тоже одетая в зеленое, сказала:

– Мой господин шлет вам привет и спрашивает, может ли он принять вас в своем кабинете?

– Не вижу никаких препятствий. Веди.

Рагнарсон и Элана пошли за ней по освещенным факелами, богато украшенным коридорам.

– Что вы хотели бы на обед? – спросила девушка. – Мой господин просит, чтобы вы чувствовали себя как дома.

– То, что сочтет подходящим повар, – ответил Рагнарсон.

– Благодарю вас от его имени. Он очень обрадуется, услышав такой ответ.

Они дошли до кабинета Визиготреда – просторного, словно общий зал. Вдоль стен стояли застекленные витрины с коллекциями ножей, мечей, луков, хрусталя, монет, книг – всего, что только собирают люди. Бесчисленные полки, на которых лежали свитки и фолианты в кожаных переплетах, делили помещение на множество ниш, между которыми стоял десяток столов, заставленных непонятными таинственными экспонатами. Пол покрывала коллекция ковров. Свет сотен изысканных ламп сражался с темнотой, которая иначе окутала бы лишенную окон комнату. В тепле перед камином неподалеку от входа дремали два леопарда.

Сверху послышался звук. Браги поднял взгляд и увидел маленькое человекоподобное личико. Некое существо заглянуло ему в глаза, возбужденно чирикавая, и побежало по дубовой балке. Рагнарсон пожал плечами. Он много лет не видел обезьян, почти забыл, как они выглядят, и решил, что это, скорее всего, какой-то демон-фамильяр чародея.

Добежав до конца балки, обезьянка спрыгнула на руки высокого худого мужчины с седой бородой, одетого в простую поношенную зеленую одежду, вышитую серебряной нитью. Он, несомненно, любил темные оттенки зеленого. Взгляд стальных глаз говорил о силе характера. Он улыбнулся, а когда Рагнарсон подошел ближе, освободил руку из объятий обезьянки.

– Добро пожаловать, Браги. – Они пожали друг другу руки. – Долго же мы не виделись. Что? Три года? Тихо, Билли, – сказал он обезьянке. – Все в порядке. – Он снова повернулся к Рагнарсону. – Он боится. Мало кто в последнее время посещает старого злого чародея. Иди, Билли. Иди поиграй с Клыкастой и Когтем.

Обезьянка соскочила по ноге чародея на пол, приземлилась между ним и гостями, а затем побежала к леопардам. Обернувшись через плечо, словно проверяя, все ли в порядке, она схватила пятнистый хвост и дернула. Леопард, казавшийся до этого мирно дремавшим, молниеносно развернулся и взмахнул лапой. Однако Билли там уже не было – он метнулся прочь, весело чирикавая, что наверняка было обезьяньим аналогом смеха.

– Ты начал коллекционировать животных?

– В общем-то, нет. Это подарок от подруги, женщины по имени Мгла. Скиньте книги с тех стульев на пол и садитесь поудобнее.

Они придвинули освобожденные от груд книг стулья. Визиготред прибрался на столе рядом с камином, и вскоре они уже сидели за ним, приняв вино из рук вежливого слуги и готовые к разговору. Рагнарсон достал из кармана две тяжелые золотые монеты. Визиготред поднес их к свету:

– Гм... Ильказар. Кованные. Времен царствования Вилиса Кровавая Рука. Они не имперской чеканки – обратите внимание на знак монетного двора Гог-Алана на этой. Знак на второй мне незнаком – четырехлистник и роза. Может, Шемерхан? Они исключительно редки; по сути, это временная валюта. Ильказар недолго царствовал над восточными городами, и большую часть имперских монет переплавили после падения империи. Там, где ты их взял, есть другие?

– Достаточно, чтобы обрушить рынок.

Визиготред поднял брови:

– Сокровища Ильказара?

Рагнарсон кивнул.

– Значит, ты их нашел? Поздравляю. Я знал, что когда-нибудь тебе это удастся. И какие у тебя планы?

– Это был не я. Сокровища нашел другой. Ты должен знать его имя – Вартлоккур.

Глаза чародея сузились.

– Имя не из тех, которые стоит упоминать всуе. И что дальше?

– Кроме золота, в его руки попало еще одно сокровище... в своем роде. Жена моего друга Насмешника. Ты уже слышал о падении Королей Бурь?

– Кто этого не слышал? Подобные известия расходятся быстро.

Глаза Визиготреда блеснули. Похоже, в последней фразе крылась некая шутка.

– Несомненно.

– Кроме того, мне известно, что без Вартлоккура и тут не обошлось. Прошло немало лет с тех пор, как о нем слышали в последний раз. Он довел Братство до такого состояния, какое ты себе и вообразить не можешь. И все из-за женщины, да?

Элана кивнула.

Визиготред одарил ее мимолетной, хотя и теплой улыбкой, а затем продолжил:

– Некой Непанты, насколько я понимаю. Он страстно возжелал ее, но она не ответила взаимностью. И тогда он уничтожил Вороний Грай и похитил ее. Обычное дело для тех, кто обладает властью, благодаря которой они могут получить все, о чем мечтают. Мои коллеги из-за него чуть ли на ушах не стоят. Новое появление Разрушителя Империи... Мягко говоря, это как минимум беспокоит.

Все дело в том, что он не входит в наше общество, – усмехнулся Визиготред. – Ребята из Первого Круга не любят, когда кто-то, не являющийся членом клуба, создает лишние проблемы, поскольку они не в силах его контролировать. – Уже серьезнее он добавил: – Нам в самом деле очень не нравится, что потенциальный враг именно сейчас создает столько шума. Слишком многое творится на востоке. Первый Круг не так давно собирался на внеочередное заседание, но, естественно, ни к какому решению так и не пришел. И мы никогда ничего не решим, пока будем терпеть этого хвастуна Зиндаджир. Но ближе к делу. Какое вы имеете ко всему этому отношение?

– Накануне падения Вороньего Грая Непанта вышла замуж за Насмешника. А теперь Насмешник отправился в Фангдред. Ему кажется, он сумеет ее освободить.

– Ага. Ну да. Я сразу не сообразил, какую роль вы играли. Рендель Гримнасон? Ты мог бы выбрать себе и более мелодичное имя. Значит, боишься, что волк не станет утруждать себя отделением овец от козлиц? – снова усмехнулся Визиготред. – Наш толстый друг поставил в затруднительное положение и тебя, и бин Юсифа? Повесил меч над вашими головами, так сказать. Дайте догадаюсь – вам нужна моя помощь?

Элана тряхнула головой. Рагнарсон лишь коротко кивнул.

– Моя Сила бесполезна против его Силы. Это человек, который сокрушил империю, Браги. Он победил чародеев Ильказара, к которым относились с уважением даже тервола. Он учился в Шинсане – у Чиня, Ву, Фэна и самих Принцев-Чудотворцев. Об этом никогда не следует забывать. Существо, которое мы называем Вартлоккуром, было создано – по крайней мере до некоторой степени – в Шинсане. Империя Ужаса навсегда останется частью его истории.

– Я знаю.

На самом деле Рагнарсон ничего не знал. Для него Империя Ужаса являлась чем-то вроде бестелесного призрака – но Шинсан был лишь жутким чудовищем, свившим гнездо далеко на востоке.

– Мы вовсе не рассчитываем, что ты займешься этим в одиночку. Короли Бурь, которым удалось выжить... – Он не договорил, не рискуя назвать еще одно имя.

– И?

– Зиндаджир. Возможно, Гарун именно сейчас пытается его завербовать.

– Этого упрямого дурака? Бин Юсифу потребуется неделя, чтобы хотя бы заставить его признать, что я вообще существую. Что я имел наглость пережить все то, что он швырял мне в лицо.

– Можно предложить взятку. Турран готов отдать Рог Звездного Всадника и свои инструменты для насылания бурь, если вы согласитесь помочь. Что-то тебе, что-то Зиндаджире.

– Виндмьирнерхорн? Весьма соблазнительно, Браги, но любой, кто имел с ним дело, кроме самого Звездного Всадника, плохо кончил. Однако предложение достойно обсуждения, при условии, что Рог получит Зиндаджира. Он его заслужил. Что требуется от меня?

– Ничего особенного. Охраняй Насмешника, чтобы у него вообще был шанс добраться туда, куда он направляется. И возможно, немного помощи, когда он будет уже на месте.

– Гм... заглянем в Реестр.

Чародей подошел к столу и начал рыться в высокой стопке книг. Найдя то, что искал, он направился обратно к гостям.

Мимо, размахивая деревянным мечом, промчался верхом на леопарде обезьяныш Билли, преследуя смертельно напуганную крысу. Ловко увернувшись, Визигодред двинулся дальше.

– Билли – гроза крыс. По крайней мере, таковым себя считает. Но всю работу выполняет Клыкастая. Смотрите – сейчас она погонит крысу в сторону Когтя.

Так и случилось. Коготь, до этого, казалось, спавший, лишь взмахнул лапой, когда крыса пробежала мимо, и охота завершилась.

– Исключительно умные звери, – заметил Визигодред. – Впрочем, как и Билли. Итак, что мы имеем. Реестр. Если мы с Зиндаджирой как-то договоримся, я могу подумать о том, чтобы взяться за это дело. Естественно, при условии, что он тоже согласится. Но все имеет свою цену.

– Я тоже так думаю. Всему есть цена. Однако мне казалось, ты должен мне услугу.

– А ты мне – по крайней мере несколько услуг. Во всяком случае, таких, что уравнивали бы эту. Возможно, ты мог бы помочь мне сделать так, чтобы Рог достался тому, кто его заслужил. Ага. Есть. Зиндаджира. – Перевернув страницу, он внимательно ее прочитал. – Гм... угу... – Он провел худым пальцем по бумаге, читая строку за строкой, затем поднял взгляд и улыбнулся. – Из нас получится весьма неплохая команда, если этот пустозвон сумеет удержать в узде свой темперамент. Но даже вдвоем мы не противники для Вартлоккура – по крайней мере, в открытом столкновении. На самом деле Принцы-Чудотворцы – единственные, кто мог бы встретиться с ним один на один и при этом хоть на что-то надеяться.

Визигодреда прервал дикий вопль. Обернувшись, он увидел, что Клыкастая и Коготь наступают с двух сторон на карлика ростом не больше Билли.

– Клыкастая! Коготь! Спокойно!

Леопарды сделали вид, что обнажили клыки лишь в усталом зевке и улеглись на живот. Хвосты, однако, продолжали лениво ударять по полу, а глаза следили за идущим мимо карликом.

– Это мой ученик. В чем дело, Марко? – спросил Визигодред. – И мне очень бы хотелось, чтобы ты перестал дразнить зверей.

Карлик криво усмехнулся, словно собираясь сделать несколько едких замечаний насчет содержания в доме леопардов, но промолчал, поскольку Визигодред и так уже все это не раз слышал.

– В приемной филин. Он хочет видиться с капитаном Рагнарсоном. Говорит, что крайне устал и желает лишь передать известие, а потом немного поспать. Очень вежливый для филина. Но если хотите знать мое мнение – он встретил наверху в башне Герту, и мысли в его птичьей голове заняты вовсе не сном.

Рагнарсон поднял брови. Не каждый день встретишь человека, способного разговаривать с совами. Визигодред улыбнулся:

– Впусти его, Марко. Нет, обойди с другой стороны. Пожалуй, как-нибудь все же отдам тебя кошечкам на забаву. – Он повернулся к Рагнарсону. – Вне всякого сомнения – это известие от Зиндаджире. Но гордость не позволила передать его иначе как через тебя.

– Значит, Гаруну пришлось проделать немалое путешествие. До моря Сейдар путь неблизкий.

Карлик вернулся с большим филином на плече. Птица что-то бормотала ему на ухо.

– Он не любит дневного света.

Филин перелетел на стол, хлопая крыльями, подошел к Рагнарсону и поднял покрытую перьями лапку. Браги забрал сообщение, пытаясь избежать взгляда мудрых, наполненных темнотой глаз. Затем птица взмахнула крыльями и улетела. Бегло прочитав пергамент, Рагнарсон протянул его Визигодреду.

– Ага, он согласен. Маленькое ура в пользу алчности, Браги. Остальное – лишь вопрос переговоров. А вот и обед. Устраивайтесь поудобнее, вам предстоит здесь пробыть какое-то время. Марко, иди сюда! У меня для тебя есть работа.

Чародей снова улыбнулся. Рагнарсон застонал про себя, поняв, о чем речь. Ему и Элане предстояло стать заложниками на случай, если они готовят хитрость, подобную той, из-за которой пал Вороний Грай.

Визигодред отдавал распоряжения перепуганному карлику.

Турран и его братья обошли Ива-Сколовду далеко стороной. Новым властителям города ничто не доставило бы большего удовольствия, чем головы Королей Бурь, украшающие острые колья над воротами. Преодолев за день пятьдесят миль к востоку от Ива-Сколовды и гоня перед собой снежный буран, они случайно наткнулись на заброшенный крестьянский дом.

– Что пошлем на этот раз? – спросил Брок, когда они устроились на ночлег.

– Все, что в наших силах, до самого Фангдредра, пока не выясним, где он, – ответил Турран. – А когда получим помощь от тех чародеев – сможем отдохнуть.

В ту ночь снег толстым слоем покрыл Шару и западную часть Зубов Дракона. Снег шел и следующей ночью, и следующей за ней, и так до конца недели. Путешествие по Восточным пустошам, Шаре и Зубам Дракона стало невозможным.

Однако на восьмой день планы изменились. Близился закат. Турран готовил магические орудия для насылания снега, молчаливый Брок кипятил чай, а Джеррад с Вальтером ушли за дровами для очага, когда в воздухе над домом раздался пронзительный крик. Что-то с оглушительным грохотом ударилось о крышу, а затем свалилось в сугроб у северной стены. Все это сопровождалось потоком цветастых, хотя и приглушенных ругательств; и лишь когда они смолкли, раздался стук в дверь. Турран открыл и увидел дрожащего и стонущего карлика.

– Проклятая птица Рух! – буркнул карлик, протискиваясь в дом. – Чувства юмора у нее хоть отбавляй – обожает смотреть, как падают всякие штуки, особенно если они при этом визжат и брыкаются. Меня звать Марко. Эй, ты! Как насчет чая? У меня вся задница отмерзла. Ты Турран? – спросил он. – Угу? Как я уже сказал – я Марко, из Мендалайи. Меня прислал Визигодред, чтоб этому старому хрычу провалиться. Сперва перелет аж до моря Сейдар, потом неделя с этим напыщенным Зиндаджирой, а потом еще дьявольски долго пришлось искать вас, парни. А, вот и чай. Утром я терпеть его не могу, зато вечером – настоящая амброзия. Слушай, Турран, босс тут кое-что тебе прислал. Вот карта. – Он вытащил из-за пазухи карту. – А с помощью этой штуковины можно поговорить с Визигодредом и Зиндаджирой, когда только захочешь. Они круглые сутки глаз не смыкают в Мендалае. Чего только не придумают...

Марко все говорил и говорил. Туррану лишь изредка удавалось вставить слово. У карлика был заранее готов ответ на любой вопрос. Он указал на характерные черты местности между домом и Фангдредом и назвал местонахождение Насмешника, крайне удивив Туррана. Толстяку удалось уйти намного дальше, чем они предполагали, – он уже пересек Шару и добрался до холмов, за которыми простирались Зубы Дракона.

– А эта штука, – сообщил Марко, доставая из мешка последний предмет, – позволит вам все время видеть, что делает ваш друг. Абсолютно все, так что постарайтесь проявить немного уважения. – Внешне предмет выглядел как обычный камень или кристалл – копия устройства, позволявшего им связываться с Визигодредом и Зиндаджирой. – Босс прислал бы и больше,

но они все заняты. Один для женщины, один для чародея, один для Старца с Гор. Ну и еще один, чтобы не спускать глаза с Зиндаджиры.

Турран задумчиво улыбнулся.

– И наверняка один для меня самого и моих братьев, – сказал он. – И еще один для тебя.

– Не будем об этом, – подмигнул карлик. – На улице холодно, здесь не видать ни одной девчонки, а я не могу вернуться домой, где их полно. И вынужден тут торчать, пока все это дерьмо не закончится. Первым делом – совещание. Визигодред и Зиндаджира вас ждут не дождутся.

15

Весна 997 г. от О. И. И Блеск летящих стрел, сверкающее копье

Клыкастая и Коготь нервно расхаживали по кабинету, – казалось, еще немного – и они начнут изрыгать огонь. Билли спал, свернувшись клубком на коленях Визиготреда, мучимый некими обезьяньими кошмарами. Возможно, леопарды его мыслей сейчас преследовали дух его обезьяньего воображения. Приходили и уходили слуги, приносили напитки и закуски, уносили грязные кружки и посуду или подкладывали дрова в камин. Они были не меньше возбуждены, чем животные. За столом, где Визиготред и Рагнарсон склонились над наблюдательным камнем чародея, чувствовалось удвоенное напряжение. Насмешника уже отделяло от Фанготреда меньше пятидесяти миль, а Вартлоккур наконец начал подавать признаки того, что он готовится к обороне. Из Башни Ветров послали убийцу, который должен был встретиться с Насмешником через несколько часов.

Но несколько часов все же оставалось, и беспокоиться заранее не имело смысла, о чем и сказал Рагнарсон.

– Ты прав, – вздрогнув, тихо согласился Визиготред. – Но меня беспокоит не сама встреча – через засаду мы его как-нибудь проведем. Зиндаджира сейчас обследует местность и делает необходимые приготовления. Проблема, однако, в том, как нам это сделать незаметно? – Он замолчал, усмехнулся и продолжил: – Этот криворукий Зиндаджира хотел использовать дымного демона. С тем же успехом он мог бы написать наши имена огненными буквами на ночном небе.

Рагнарсон, который, нахмурившись, разглядывал хрустальный шар, искоса бросил взгляд на Визиготреда. Несмотря на седую бороду и внешнее безразличие, чародей побледнел. На лбу его блестели капли пота. Неужели ужас, который внушало имя Вартлоккура, действительно имел под собой основания? До сих пор, по крайней мере насколько он сумел понять, Вартлоккур не совершил ничего серьезного. На основе различных намеков, брошенных во время вчерашнего разговора с Гаруном, состоявшегося с помощью хрустальных шаров, он пришел к выводу, что Зиндаджира со страху тронулся умом.

Он вздрогнул, ощутив прикосновение чьей-то руки к плечу, но рука тут же соскользнула на спину.

– Что-нибудь происходит? – прошептала Элана.

– Нет. Ждем, пока противник поставит ловушку. Потом решим, что с ней делать. Но до этого еще несколько часов.

Проведя тонкими пальцами по волосам Браги, она встала позади него и принялась массировать ему шею и плечи.

– Тебе нужно немного поспать, – сказала она.

Слабо улыбувшись, Браги повернулся к ней, положил руки на плечи и поцеловал:

– Ты как настоящая курица-наседка. Уже тренируешься?

– Ха! Чего еще можно ожидать от мужчин? Я лишь хочу тебе сказать о том, чего из-за собственной тупости ты сам не замечаешь. Ты в самом деле свалишься, если немного не отдохнешь.

– Угу. Похоже, я и впрямь слабо держусь на ногах. Отдохну, как только Насмешник будет в безопасности.

Визиготред наклонился, глядя в шар.

– Похоже, это именно то, чего мы ждали, – оживившись, проговорил он.

Рагнарсон и Элана толкались за его спиной, пытаясь заглянуть через плечо чародея. Клыкастая и Коготь остановились, тоже чего-то ожидая. Билли зашевелился на коленях Визиготреда, сел и потер глаза кулачками. Визиготред взял его под мышки и посадил на пол:

– Иди поиграй с Клыкастой, Билли. Я сейчас занят.

Леопарды вернулись к камину и легли возле него, но расслабляться не спешили – казалось, были готовы к прыжку. Билли сел между ними, положив ручонки им на спины и ведя себя неестественно тихо.

В комнату вошел слуга, спрашивая Визиготреда, подать ли напитки.

– Зови всех, Уилл, – ответил чародей. – Скоро начинаем.

Глаза слуги округлились. Поставив кувшин на ближайший стол, он выбежал за дверь.

– Ага, то самое место, – пробормотал чародей, вернувшись к кристаллу. – Обратите внимание на укрытие.

Рагнарсон посмотрел. Убийца выбрал для засады место, где дорога прилегала к крутому склону горы и была столь узкой, что у путника не оставалось никакой возможности ускользнуть от нападения. Сам же убийца мог действовать под прикрытием скал с противоположной стороны ущелья, что обеспечивали ему убежище и защиту, а открывавшийся оттуда вид охватывал по крайней мере милю дороги.

– Ага! – буркнул Визиготред какое-то время спустя. Заметив ожидавших у дверей слуг, он махнул худой, покрытой синими жилками рукой в сторону соседнего стола. – Идите туда. Пусть каждый наблюдает за своим шаром. Если что-то произойдет, дайте мне знать.

Шаркая ногами, слуги заняли места перед шарами, ничем не отличавшимися от тех, что стояли перед Визиготредом.

– Где Насмешник? – спросил чародей.

Один слуга описал местность, что окружала Насмешника.

Визиготред кивнул:

– Осталось меньше часа. Ладно, что происходит в Башне Ветров?

– Ничего не слышу, господин. Они молча ждут.

– Мне не нравится, что я не могу туда заглянуть, – пожаловался Визиготред. – Они могут делать многое, а я обречен лишь слушать. Зинданджира готов?

– Да, – ответила женщина-служанка полным страха голосом. Вид у Зинданджиры был не из приятных, даже если его скрывала темнота, что бывало довольно часто, – он тянулся к тени, как растения тянутся к свету. – Он хочет с тобой поговорить.

– Принеси шар.

Рагнарсон и Элана отошли назад, не сводя взгляда с Визиготреда, бормотавшего что-то в кристалл. Кристалл тихо отвечал, и это напоминало шум волн спокойного моря или легкий ветерок в ветвях сосен. Визиготред еще что-то пробурчал, затем кивнул и повернулся к Рагнарсону:

– Мы можем все сделать, оставшись незамеченными. Ему в голову пришла та же мысль, что и мне. Остается только ждать и за это время наложить несколько заклятий. Одно из них – чтобы защитить твоего друга от обычного оружия. Сейчас этим займусь.

Рагнарсон и Элана подошли к столу, на котором покоилась более многочисленная батарея кристаллов. Через плечо слуги-мужчины Рагнарсон увидел Насмешника, который брел по крутой тропе, где его вскоре ждало столкновение с Темной Госпожой.

– О, смотри! – возбужденно прошептала Элана. – Непанта!

Браги подошел и встал рядом с ней, заглянув через плечо другого слуги. Да, она была там – жена Насмешника, сидевшая в комнате в Фангд্রেде. Похоже, она молилась. На его вопрос наблюдавший за ней слуга ответил: ей только что сообщили о намерениях Вартлоккура. Судя по всему, она готовилась к неизбежному. Маленькая фигурка в хрустальном шаре принялась нервно рассказывать по комнате. В ней боролись страх и надежда.

Казалось, прошло несколько часов, хотя на самом деле минул всего один, когда чародей крикнул:

– Принесите мне кристалл Насмешника!

Браги подал ему шар. Визиготред какое-то время вглядывался в него, затем кивнул и прошептал последние слова заклинания. После очередного, показавшегося вечностью ожидания он сказал:

– Сейчас начнется.

Борода и голова склонившегося над столом Рагнарсона отбрасывали странную тень. Негромкие разговоры слуг смолкли. Наступила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием, цоканьем когтей леопардов, рассказывавших по голому камню перед камином, и едва слышным бормотанием Визиготреда, произносившего следующее заклинание. Когда он закончил, напряжение возросло еще больше.

– Что делают Вартлоккур и Старец? – спросил он у сидевших за вторым столом.

– Ничего не слышу, господин.

Визиготред кивнул. Прошла еще минута.

– Непанта вышла из комнаты! – вдруг крикнула Элана. – Похоже, она идет в башню.

Чародей снова кивнул. В одном кристалле Насмешник с трудом преодолевал последнюю милю крутого склона, отделявшую его от засады. В другом слегка пошевелился убийца, занимая позицию.

– Пора, – сказал Визиготред.

Убийца снова пошевелился. Визиготред наклонился, готовый произнести последнюю фразу могущественного заклинания. Рагнарсон столь крепко вцепился в спинку стула чародея, что побелели костяшки пальцев. В другом конце зала кусала побелевшие губы Элана.

Что-то блеснуло в лучах солнца перед скалой, за которой прятался убийца. Рагнарсон, не сводивший взгляда с шара Насмешника, увидел, как его друг пошатнулся, оперся о каменный склон и опустился на колени, а потом быстро пополз в поисках убежища, словно крыса при виде терьера.

В кристалле убийцы снова блеснул наконечник стрелы. Она попала в скалу возле головы Насмешника, отбив несколько каменных осколков. Ползущий удвоил усилия.

– Ага, – выдохнул Визиготред. – Наконец-то.

Рагнарсон заметил движение в скалах над головой убийцы и за его спиной. Лед и снег сдвинулись с места, величественно опадая, словно водопад при низкой силе тяжести. Казалось, будто рассыпается вся гора.

Лавина все быстрее неслась к убийце, словно поток замерзшей смерти. Казалось, прежде чем она его настигла, прошла вечность. Но он успел лишь увидеть происходящее и попытаться убежать. А когда лавина его накрыла, прошла еще вечность, прежде чем все успокоилось. Но вместе с лавиной исчезла и непосредственная угроза для жизни Насмешника, который в своем кристалле двинулся дальше, улыбаясь, словно мальчишка, узнавший некую тайну.

– На какое-то время этого хватит, – тяжело дыша, сказал Визигодред. – Можете возвращаться к своим делам.

Слуги исчезли.

– Думаешь, Вартлоккур поверит, что это случайность? – спросил Рагнарсон.

– Не могу представить, отчего могло бы быть иначе.

– Что попробуем в следующий раз?

– Кто знает? Но пока можешь не беспокоиться. Почему бы тебе немного не поспать?

– Эй, Турран! – крикнул от дверей дома Марко. – Босс хочет с тобой увидеться. Для тебя есть работа – Вартлоккур попытался добраться до твоего друга.

Карлик был единственным, кто хоть иногда уделял внимание кристаллам. А поскольку ничего другого он делать не хотел, Короли Бурь и поручили это занятие ему.

Турран взмахнул топором, вонзив лезвие в колоду для рубки дров, поднял с земли куртку и, грозно сверкая глазами, направился к карлику. Марко, однако, был смел не только на словах – его не волновало, что думают, говорят или чувствуют другие. Нисколько не смутившись, даже не моргнув, он спокойно взглянул на Туррана.

– Можешь позвать моих братьев? – спросил Турран, останавливаясь на пороге.

– Незачем. Я специально в первый раз кричал погромче. Они меня слышали. Вон, смотри, бегут. Похоже, Джерраду удалось найти жратвы.

Так оно и оказалось. Даже с такого расстояния Турран с легкостью опознал дикую козу, которую Джеррад нес на плечах. Он кивнул.

– Поговори с боссом, – сказал карлик. – А я поставлю чай. Дьявол, ну и дрянь! Что бы вам взять с собой чего-нибудь попримечнее – вина, эля?

Он отвернулся к огню, что-то бормоча и не переставая качать головой. Турран усмехнулся, вспомнив обещание Марко непрерывно на что-нибудь жаловаться, но потом удивленно поднял брови. Карлик действительно чем-то занимался. С тех пор как он тут появился, пользы от него не было никакой – он лишь наблюдал за шарами или бесцельно бродил вокруг, изрекая пространственные речи, в основном касавшиеся женщин. Его женщин. Усаживаясь перед кристаллом, Турран вспомнил хваленую, но крайне загадочную «систему» Марко. Вероятно, он болтал без умолку, пока они не засыпали от скуки, а потом уже брался за дело.

Он дотронулся до шара в том месте, которое раньше показал ему Марко, и в нем появилось худое лицо Визиготреда, напоминавшее странную бородатую рыбу, всплывшую из бриллиантовых глубин.

– Марко говорит, что Вартлоккур сделал первый ход, – сказал Турран. – Сами мы не видели, но, судя по твоей улыбке, все прошло как надо?

Вздвигнув под пальцами Туррана, кристалл издал тихий звук, похожий на шум ветерка в поле зрелой пшеницы. Однако в шепоте этом слышались слова, которые можно было разобрать лишь с расстояния не больше ярда:

– Все прошло хорошо, никто нам не помешал. В Фангдред не слишком обрадовались, но ничего не подозревают. По крайней мере, я ничего такого не заметил. В данную минуту Вартлоккур проклинает судьбы и норны. Старец ничего не говорил, и именно он сейчас больше

всего нас беспокоит. Непанта, естественно, тайно злорадствует. Насмешник скоро должен быть на месте.

– Отлично! – сказал Турран. – Мои братья будут счастливы. Ладно, чего ты хотел?

Несколько минут он вслушивался в едва различимый шепот, время от времени кивая.

Когда Визигодред закончил, он крикнул, ставя кристалл перед другим стулом:

– Марко! Визигодред тебя зовет.

– Да, шеф? – спросил подбежавший карлик.

– Ты хорошо себя ведешь?

– Разве бывает иначе?

– Довольно часто, но я кое-как терплю. С тобой хочет кое-кто поговорить.

Чародей исчез, а его место заняли три молодые женщины. Брови Туррана поползли на лоб. Все три пытались говорить одновременно.

– Это личный разговор, – сказал Марко, смерив Туррана взглядом.

С трудом сдерживая смех, Король Бурь присоединился к братьям, которые только что вошли и начали разделять козу. Когда разговор завершился, Марко подошел поближе, наблюдая за их работой.

– Бедные девушки! – сказал он в пустоту, и его демонический взгляд преисполнился грусти. – Без меня им так одиноко. Бедняжки мои. Турран, чего хочет босс?

– Устроить бурю над Фангдредом, чтобы Вартлоккур не мог послать новых убийц.

Полночь. Все спали, включая Вальтера, который должен был стоять на страже. Снаружи раздались ритмичные шаги по обледеневшему снегу. Незапертая дверь медленно приоткрылась, и на пороге, прислушиваясь, остановилась освещенная сиянием луны сгорбленная фигура. Не услышав ничего, кроме громкого храпа, незнакомец вошел и закрыл за собой дверь.

Обследовав путь тростью, словно слепец, сгорбленный старик обошел дом. Он внимательно приглядывался в тусклом свете стоявшего на столе кристалла к каждому спящему. Возле каждого он удовлетворенно кивал, пока не увидел Марко. Озадаченно нахмурившись, он пожал плечами и пошел дальше.

Затем он снял со спины объемистый сверток, быстро и ловко подменил им точно такой же, спрятанный Турраном под половицами. Осторожно, словно хрупкий кувшин с драгоценным маслом, он вынес сверток в зимнюю ночную выюгу, вызванную Королями Бурь.

А когда звук его шагов стих, раздался голос – древний, словно само время, и далекий, словно первая заря:

– Приди ко мне, моя небесная краса. Мы снова возвращаемся домой с нашим сокровищем.

По заснеженным полям эхом разнесся громогласный хохот. А потом ударила молния без грома, копыта взметнули снег, и большой белый конь, взмахнув широкими крыльями, вознесся в ночь, оставив позади лишь стихающие отзвуки смеха.

Он всегда возвращал свое сокровище, как только оно причинило надлежащий вред.

16

Весна 997 г. от О. И. И

Любовь сильна, как смерть; зависть жестока, как могила

– Не понимаю, – пробормотал Вартлоккур. – Он не желает сдаваться.

Позади него ударились друг о друга серебряные колокольчики, и звенели они значительно громче, чем неделю назад. Стрела с серебряным наконечником продолжала указывать на запад.

Сидевший перед зеркалом Старец наклонился вперед. Вид человека, бредущего по леднику в ста милях к западу от них, словно придавал ему жизненных сил. С тех пор как колокольчики мелодичным звоном впервые предупредили о приближающейся опасности, он и Вартлоккур то и дело приходили посмотреть на глупца, упрямо пробивающегося к ним. Выносливость этого странного, негибачего человека поражала. Ничто не в состоянии было его остановить – ни отвратительная погода, ни горы, ни мелкие катастрофы, с помощью которых Вартлоккур пытался довести его до отчаяния. Снежные лавины, каменные обвалы, упавшие деревья, размытые водой дороги он обходил стороной или преодолевал с упорством, свидетельствовавшим о непреклонной вере в победу. За последнюю неделю он прошел меньше пятидесяти миль, но каждый день вставал с рассветом и до заката отважно бросал вызов Зубам Дракона. Он мог победить одной лишь силой воли.

– Сумасшедший, – сказал Старец. – Он будет так идти, пока не получит желаемое. Или умрет. Уж кто-кто, а ты должен его понимать.

– С чего бы?

– Сколько лет ты посвятил уничтожению Ильказара?

«И чего это тебе стоило?» – мысленно добавил он.

– Слишком много, и все впустую. С тех пор за мной гонятся по пятам гончие псы самой преисподней. Да, пожалуй, я его понимаю. Но – ради женщины?

А он сам ради чего хотел отомстить Ильказару? Ради носорога?

– Он меня любит!

Мужчины обернулись. В дверях стояла Непанта, яростно глядя на них. На лице ее застыла маска плохо скрываемого гнева. Вартлоккур кивнул:

– Возможно, и так, хотя я лично поставил бы на уязвленную гордость.

Мысли Непанты легко было прочитать. Естественно, Насмешником двигала любовь. Несмотря на все, что ей пришлось пережить, романтические иллюзии по-прежнему владели ее разумом, хотя уже и не столь прочно.

– Ты так думаешь? Вот когда он сюда доберется – поймешь!

Вартлоккур без труда заметил, что ее запала хватило лишь на одну фразу.

– Непанта, Непанта, ну почему ты не можешь мыслить здраво? Или он меня убьет, или, что более вероятно, я... – Он не договорил, добавив лишь: – Вряд ли стоит поднимать из-за этого скандал.

– Ты похитил меня, разлучил с мужем и еще хочешь, чтобы я была тебе благодарна? Считаешь, что я могу мыслить об этом здраво? Почему бы тебе самому не начать здраво рассуждать? Дай мне зимнюю одежду и позволь уйти. – Она уже дважды пыталась бежать, но оба раза ей помешали и мягко вернули в покои. – Обещаю, что не позволю ему тебя убить.

Вартлоккур повернулся к ней спиной, пытаясь скрыть улыбку. В этом ведь и состояла его роль, разве не так? Злые чародеи из любовных романов всегда падали жертвой меча героя.

Старец, которому было отнюдь не до веселья, сам вступил в их перебранку:

– Ты не понимаешь. Вартлоккур четыре столетия тебя ждал. Четыре столетия! Почему? Потому что сами судьбы сообщили, что ты должна ему принадлежать. Однако ты пренебрегаешь их пророчеством ради кого-то столь незначительного, как этот... актеришка и вор. Кто он такой? Что он может?

– Он может меня любить.

– В самом деле? Неужели? А не потому ли в основном, что ему за это заплатил Вартлоккур? А сам Вартлоккур – разве он не в состоянии тебя полюбить?

– А он вообще в состоянии полюбить хоть кого-то? – гневно спросила она, хотя и слабым голосом. То, во что она безгранично верила, уже не казалось ей столь очевидным. Проклятые сомнения запустили свои черные щупальца сквозь щели в стенах бастиона ее веры. – Весь мир знает, кто он такой. Убийца города.

Разозлившись, Старец со зловещей усмешкой бросил:

– Двар!

Защита Непанты слабела, сворачиваясь, словно листья тюльпана на закате. Ильказар с допотопных времен славился алчностью и злобой. С точки зрения как угодно понимаемой справедливости следовало согласиться, что он заслужил постигшей его судьбы. В случае же Двара все было иначе – город напоминал мелкого третьеразрядного статиста на фоне могущественных соседей, находясь в двойной зависимости от Ива-Сколовды и Прост-Каменца. Единственной его целью было реализовать страстное и всегда обреченное на поражение желание стать хозяином собственной судьбы. Непанта, которая столь радовалась в ту ночь, когда был раздавлен маленький город-государство, беспомощно опустилась на стул, не в силах произнести ни слова.

Старец смотрел на нее. Казалось, еще немного – и она расплачется. Он только что разбередил незаживающую рану в ее душе и в очередной раз понял, почему она так нравится как своему мужу, так и Вартлоккуру. Она была красива, хотя одиночество и страх наложили свой отпечаток. С минуты появления в Фангдредде она отважно противостояла им, высказывая непоколебимую уверенность, что спасение скоро придет, и никогда не сомневаясь, по крайней мере открыто, в том, что муж явится за ней. Теперь, похоже, она начала постепенно понимать, что Насмешник бросил вызов не кому иному, как Вартлоккуру, и у нее появились поводы для опасений. Однако он все равно ею восхищался. Она боялась за мужа, не за себя. Глядя, как Непанта потирает висок, Старец заметил блеснувшие в ее глазах слезы, которые она пыталась скрыть.

Вартлоккур вышел из комнаты. Бесконечное сражение Насмешника с горами утомило его.

Старец сосредоточился на зеркале, не обращая внимания на женщину. Вскоре послышался шорох платья. Подойдя к нему, она взглянула вглубь зеркала.

– Почему ты ведешь себя так грубо? – спросил он.

– Я должна быть ему благодарна за то, что он уничтожил мой дом и убил братьев?

– А потом тащил тебя через горы, словно рабыню, – добавил Старец. – Ты уже об этом говорила. Нет, я вовсе не рассчитываю, что ты будешь счастлива. Но я был бы рад, если бы ты хоть немного подумала. И хотел бы сообщить тебе, что по крайней мере в одном ты не права. Твои братья живы, кроме Люксоса, который, можно сказать, покончил с собой.

– Что? Почему он ничего мне не сказал?

– Возможно, от отчаяния. Он глубоко верит в судьбу.

– В смысле?

– Представь: допустим, ты любила кого-то много веков...

– Любила?

– Любила. Дай мне договорить. Допустим, ты ждала кого-то, кого любишь триста или четыреста лет. Например, пусть это будет твой муж. А когда наконец появляется тот, кто был обещан тебе столь давно, он не приносит ничего, кроме боли. Разве ты не хваталась бы за любую возможность? Не пошла бы даже на небольшую жестокость? Полагаю, он не упоминал о твоих братьях, поскольку хотел, чтобы ты чувствовала себя от него зависимой. Как будто нет больше никого, кто мог бы о тебе позаботиться. Почему ты его отвергла?

– Я замужем. И я счастлива с тем мужем, что у меня есть.

Ответ был необдуманным. Старцу казалось, что замужество для нее – нечто вроде чуда, в которое она до сих пор не могла до конца поверить.

– Он ухаживал за тобой двенадцать лет, прежде чем ты встретила этого Насмешника. Мне хотелось бы знать, почему тогда ты его отвергла.

Она пожала плечами:

– Должна признаться, как поклонник он вел себя безупречно. И он мне нравился – по крайней мере настолько, насколько мне могли нравиться мужчины. Он действительно многое для меня сделал, помог понять себя намного лучше, чем удалось бы самой. И за это я ему благодарна. Но он был очень стар, и его звали Вартлоккуром. Я всегда считала, что он хочет меня использовать, что ему нужна моя Сила.

– То есть если бы он пришел к тебе молодым, под другим именем... что тогда? А что касается Силы – если бы он ее пожелал, кто удержал бы его от того, что он продемонстрировал под Ильказаром? Ты что, вообще не в состоянии логически мыслить?

– Не знаю... Если бы он был моложе – возможно. Но тогда у меня были другие проблемы... – Она пожала плечами и натянуто рассмеялась. – Никто никогда не обвинял меня в том, что я нелогично мыслю.

– У Вартлоккура когда-то была служанка, которая очень его любила. По ряду причин он омолодился и взял ее в жены. Так что старик он по собственному выбору, а не по необходимости. И несмотря на то что ты слышала или даже видела, он на самом деле приятный и мягкий человек, ненавидящий зло и жестокость. Скажи мне, разве он когда-либо не был к тебе доброжелателен?

– Он меня похитил!

Старец вздохнул. Разговор описал полный круг и вернулся в исходную точку.

– Не обращай внимания. Это была моя идея, а он ее лишь реализовал, хотя и был против, лишь потому, что ничего другого в голову ему не приходило. В противном случае это могло продолжаться долгие годы – он постоянно думал бы о тебе и так ни к чему бы и не пришел.

– Твоя идея?

– Да.

– Как бы он ко мне ни относился, теперь появилась еще одна проблема – я замужем.

Она показала на изображение в зеркале.

– Поговорим о реальных вещах. Вартлоккур, к твоему счастью, пока сдерживается. Он ничего до сих пор не сделал, лишь затруднял Насмешнику путь. Однако рано или поздно ему придется что-то предпринять. То существо, которое ты называешь мужем, скоро будет мертво... если не откажется от своих намерений. В любом случае эта часть твоей жизни завершилась. Если Вартлоккуру не хватит решительности – я займусь этим сам.

– Если ты его убьешь, я брошусь со стены, – тихо ответила она. – Если он повернет назад, я немного поплачу... прежде чем спрыгнуть. Но он не сдастся.

– Не надо мелодрам, – возразил Старец.

Однако он понимал, что она вполне может сдержать обещание. Непанта уже успела доказать, насколько она неизлечимый романтик.

Вартлоккур устал – от ссор с Непантой, от постоянных усилий, что приходилось прилагать для поддержания Силы, которая, похоже, уходила, от сражения с судьбами и прочими зловещими силами, управляющими будущим. Больше всего его раздражало, что власть над Силой в последнее время уменьшилась. Даже лучше всего продуманные и спланированные эксперименты разваливались у него в руках. Порой он задумывался о том, чтобы избежать приближающихся событий, погрузившись, словно в кокон, в глубокий сон Старца. Рассматривал он и возможность самоубийства, но недолго и не всерьез, как это зачастую бывает. Ни смерть, ни долгий сон не помогут ему достичь цели. Если он жил столь долго ради Непанты – он добьется желаемого.

Он часто расхаживал по тихим пустынным залам Башни Ветров, пытаясь найти способ отыскать дорогу к сердцу Непанты. И он находил их, но тут же отвергал, поскольку они не предусматривали ее согласия. А он хотел, чтобы она приняла его по своей воле.

Раздражал его и Насмешник. Он мог бы избавиться от этого вредителя единственным магическим ударом, но ему приходилось сдерживаться, чтобы сохранить мир с Непантой. Однако вскоре требовалось что-то предпринимать, хотя бы для самозащиты.

Однажды днем он сидел перед зеркалом, опершись подбородком на руки и наблюдая, как его враг взбирается по горному склону. Погруженный в сонную задумчивость, он почти не обращал внимания на зеркало. Пребывая в подобном ленивом настроении, он чувствовал себя лучше, чем когда-либо за последнее время, – словно некий закулисный дипломат устроил ему наконец короткое перемирие с судьбами.

Послышался тихий звук открывающейся двери, но он не обернулся, не позволяя, чтобы нечто нарушило его чудесное настроение.

Кто-то легкими шагами пересек комнату и остановился позади него. Вартлоккур все так же не оборачивался. Его вдруг невыносимо потяжелевшие веки опустились. Вошедший приблизился к зеркалу. Он понял, что Непанта наблюдает за мужем. Ему предоставилась очередная возможность высказаться, но он промолчал, не желая приносить свое настроение в жертву на алтарь бесплодного спора.

Шурша платьем, она села в кресло Старца. Вартлоккуру показалось, что он слышит ее слабое дыхание. Представив вдруг, будто мечты его исполнились, он попытался вообразить это дыхание в своих волосах, на плече – так, как он помнил дыхание Марии. Перед глазами закружились воспоминания. Лицо воображаемой любимой превратилось в лицо его жены, а потом он предался приятным мечтам. Однако подсознательно его продолжало мучить чувство вины. Он должен был позволить ей родить еще одного ребенка. Но нет – как там говорилось в поговорке, которую часто повторял Старец? «Дети – заложники в руках судеб». Или в руках тех, кому удается их похитить.

Негромкий кашель Непанты вернул его к действительности. Открыв глаза, он посмотрел в ее сторону. Она украдкой бросила на него нервный взгляд.

– Я сегодня не в настроении, чтобы ссориться, – сказал он, закрывая глаза.

– Я тоже не хочу, – ответила она, и при звуках ее голоса по спине у него пробежала дрожь. – Я хотела только узнать, почему ты не позволяешь мне уйти.

– Ну вот, – вздохнул Вартлоккур. – Ладно, можем начать и с этого. Я тебе сто раз говорил почему, но ты меня не слушала. Если я повторю еще раз, ты скажешь, что дело вовсе не в этом, и будешь и дальше требовать истинных причин. Чего ты хочешь? Иди и дай мне подремать, женщина. Дай мне хотя бы один день побыть усталым старым человеком.

Нахмурившись, Непанта пошевелилась в кресле. Она помнила, что говорил ей Старец, и думала о том, как выглядел бы сейчас Вартлоккур, будучи молодым. Она подозревала, что он оказался бы довольно симпатичным, похожим на ястреба, вроде бин Юсифа.

– Ладно, – заявила она. – Ради блага нашего спора... до чего же неудачные слова!.. Предположим, ты говорил мне правду. И что ты теперь собираешься делать?

Открыв глаза, он внимательно на нее посмотрел. Она, как обычно, ответила вызывающим взглядом.

– Что я собираюсь делать? Тебя действительно это интересует? – довольно резко спросил он. – Ничего. Я лишь отвечаю на то, что делаешь ты. На то, что будет делать он. – Он показал на изображение в зеркале. – Если он доберется сюда, ему придется защищаться. Времени осталось немного. Что же касается тебя – будущее покажет.

Непанта вздрогнула, глядя на изображение мужа. Лицо ее чуть побледнело. Вартлоккур предположил, что она наверняка сейчас думает о его Силе.

– Я не хочу никому причинять вреда, – продолжал он. – Но вы двое, отвергая пророчество судеб, меня к этому вынуждаете. Ты считаешь, что судьбы и норны можно подчинить воле людей. Для меня же они негибемы.

– Судьбы! Норны! Больше я от тебя ничего не слышу. Ты что, не можешь быть со мной откровенным? Взять всю вину на себя? Ведь это из-за тебя все неприятности.

– Вот видишь? Ты постоянно это повторяешь. Об этом я и говорил раньше. Скажу тебе кое-что еще: я следую течению заранее предопределенных событий. И должен делать то, что делаю, поскольку я лишь пешка в игре судьбы. Чем быстрее ты поймешь, что к тебе это тоже относится, тем скорее закончатся наши разногласия.

– Ничто не сможет меня в этом убедить, – бросила она. – Он мой муж, и ничто этого не изменит. Я не допущу подобного... а судьбы, или кто там еще, пусть катятся к дьяволу.

– Даже смерть не изменит? – спросил Вартлоккур. – Через день-другой он умрет. Лишь ради тебя я дал ему время подумать и вернуться. Но скоро, если он и дальше будет идти своей дорогой, я его остановлю.

– Я прыгну со стены!

– Нет, не прыгнешь. Пророчество гласит, что ты проживешь еще долго.

– Пророчество? Чушь!

Хотя она и оспаривала его способности, Вартлоккур слишком устал, чтобы с ней спорить.

– Непанта, я уже несколько столетий занимаюсь пророчествами, и еще ни разу не случилось, чтобы какое-то из них оказалось ошибочным, – тихо ответил он. – Я сталкивался с неверной интерпретацией, с человеческими ошибками, но никогда – с ложным пророчеством. Старые пророчества исполняются сегодня, становясь нашей реальностью. Ты живешь на острие стрелы предназначения, выпущенной из тетивы сто лет назад. Можешь мне верить или не верить, но позволь тебя предостеречь. Через несколько дней ты сделаешь выбор, который судьбы предоставили исключительно тебе. От этого будет зависеть мое будущее, твое, твоего мужа, а может быть, и будущее империй. Я действительно видел это собственными глазами. Когда будешь решать, прошу – готов даже умолять на коленях, если мое мнение для тебя хоть

что-то значит, – будь холодна и логична. Хотя бы раз, на одно-единственное бесценное мгновение, отбрось эмоции и подумай, прежде чем что-то скажешь.

Непанта вздрогнула. В голосе его звучало достаточно силы, чтобы окончательно убедить ее в том, что он действительно верит в сказанное.

– И какое это должно быть решение?

– Принять мое предложение.

– Каким образом оно может повлиять на чужие жизни, кроме твоей, моей и Насмешника? Хватит мне зубы заговаривать. Мой ответ ты знаешь.

– В самом деле? Ты в самом деле уже решила? Возможно. Но обстоятельства меняются с каждой минутой. Тебе может казаться, что все уже предопределено, однако осталось еще несколько дней, прежде чем твое решение станет необратимым. Умоляю тебя, когда придет время, послушай свой разум, а не сердце.

Его вовсе не волновало, что он до сих пор еще не продемонстрировал ей ни одного своего магического аргумента. Он полностью упустил из виду, что она знает куда меньше, чем он сам.

– Я не стану твоей женщиной.

– Почему?

– Я замужем.

Вартлоккур вздохнул. Дискуссия вновь вернулась в исходную точку.

– Ты наверняка ею станешь, – раздраженно рявкнул он, – когда я наконец избавлюсь от этого кретина...

Она застонал. Вартлоккура вновь охватывало разрушительное, болезненное безумие, и он испугался, что на этот раз не сумеет ему противостоять.

– Только дотронься до него, и я тебя убью!

Слова застали его врасплох. Перед ним была совсем другая Непанта. Гнев быстро сменился любопытством. Он внимательно вглядывался в ее лицо, ища правду за словесной угрозой. Ага... она вовсе так не думала, лишь ответила на его гнев своим.

– Сомневаюсь.

Впрочем, на самом деле в том не было ничего невозможного. Следовало предпринять меры предосторожности. Весьма мрачное занятие.

Старец вошел в комнату, осторожно балансируя серебряным подносом, который нес в одной руке. Он нахмурился, услышав острые слова, рассекавшие воздух, словно сабли. Вартлоккур и Непанта снова наносили друг другу душевные раны.

– Сколько это может продолжаться? – спросил он. – Вы уже начинаете меня утомлять. Мой отец... ну да, он у меня был, не вижу причин удивляться... обычно говорил: «Если не можешь сказать ничего приятного, лучше держи свой проклятый язык за зубами».

– Это может закончиться в любой момент! – бросила Непанта. – Просто прикажи бородатому распутнику отпустить меня.

– Похоже, между вами стоит некий невидимый барьер. Отсутствие взаимопонимания или что-то вроде того. Возможно, вы оба просто не желаете слушать друг друга. У меня есть идея. – Голос Старца стал мягким – словно шелк, сладким – словно мед, словно покрытый сахаром кинжал. – Я придумал, как он сможет добиться своего, Непанта. Я наложу заклятие на твои мысли, и тебе придется сделать то, что нужно.

Вартлоккур бросил на него яростный испепеляющий взгляд. Старец невозмутимо улыбнулся в ответ, и, по мере того как он смотрел на потрясенно умолкшую Непанту, улыбка его становилась все шире. Бездумно взяв с подноса кубок с вином, она спросила Вартлоккура:

– Он действительно может это сделать?

– С легкостью. И твое мнение о собственном муже станет еще хуже моего. Одна мысль о том, что он может до тебя дотронуться, будет невыносимой.

Она уже не в силах была скрыть охвативший ее ужас:

– Это отвратительно, мерзко! Почему же ты еще до сих пор так со мной не поступил?

– Я вот тоже думаю – почему? – проворчал Старец. – Это избавило бы нас от множества хлопот...

– А я тебе говорю, что мне не нужна рабыня! – рявкнул в ответ Вартлоккур. – Мне нужна полноценная женщина.

– Но ведь пока что у тебя даже тени этого нет? – еще более притворно-сладким голосом спросил Старец. – Ничего, кроме душевной боли, которую причиняет тебе какая-то сучка с ослиными мозгами... Проклятье! Теперь уже ты меня к этому вынуждаешь!

Вартлоккур и Непанта потрясенно застыли с раскрытыми ртами. Старец покачал головой. В любом случае он только что показал Непанте, что их союз – не более чем фасад, что в их взаимоотношениях тоже растет напряжение. Возможно, пока она ничего не может с этим сделать, но потом... Сейчас его слова лишь ранили, и, как он подозревал, куда сильнее, чем любые сказанные Вартлоккуром. Сделав большой глоток вина, она поспешно вышла. Плечи ее поникли.

– Прекрасная женщина, – сказал Старец. – Преданная и с характером. Извини. Не сдержался.

– Понимаю. Мне тоже часто приходится брать себя в руки, чтобы не сказать то же самое.

Вартлоккур с трудом сдерживал гнев. Однако ссориться пока не стоило – кризис был столь близок... Ему требовались союзники, пусть даже преданные лишь наполовину.

– Возможно, для нее так будет только лучше. Может, она наконец задумается. Кто знает? В моей коллекции есть пословица, одна из самых старых: «Не разбив яйца, не приготовишь яичницу». И если уж зашла речь о яйцах... Что будем делать с ее мужем? Он уже слишком близко. – Старик сменил тему, рассчитывая направить энергию их раздражения в более полезное русло.

– Понятия не имею. В любом случае мне больше не хочется причинять ей боль... Но пока он жив, у меня не остается ни капли надежды. Есть мысли?

– Мысли... да. Они могут тебе не понравиться. У меня нет таких проблем, как у тебя, так что я могу взглянуть на происходящее со стороны. Мне нравится думать, и потому я составил несколько планов. Здесь есть человек, отлично владеющий луком. Вчера я с ним разговаривал. Он охотно спустится и пристрелит этого Насмешника, стоит лишь тебе сказать слово.

– Что ж, простой и непосредственный выход. – Вартлоккур потер лоб и задумался, рассматривая другие варианты. Вид у него был намного более грустный, усталый и постаревший, чем обычно. Наконец он махнул рукой и сказал: – Ладно, действуй. Надо рано или поздно с этим кончать.

Вартлоккур и Старец наблюдали, как убийца занимает позицию среди валунов в пятидесяти милях к западу от замка.

– Непанта знает? – спросил Вартлоккур.

– Слуги все знают – вести расходятся быстро. Здесь ни от кого не бывает секретов.

Чародей устало кивнул, пытаясь сосредоточиться на изображении в зеркале. Серые и белые пятна на одежде убийцы сливались с покрытым снежными хлопьями гранитом.

– Ага, – сказал Старец. – Идет.

Насмешник обошел край каменного склона в миле от затаившегося в засаде убийцы...

Дверь за их спинами с грохотом ударилась о стену. С покрасневшими от слез глазами, обезумев от отчаяния – Вартлоккур вдруг вспомнил другую плачущую женщину, давным-давно, – Непанта бросилась к зеркалу. Она прижала руки к губам, сдерживая крик.

Вартлоккур повернулся к ней, чувствуя, как его захлестывает волна чувств. Теперь она наверняка его возненавидит. Растрепанные волосы, слезы на глазах... Совсем как та женщина, Смирена...

– Пора! – сказал Старец.

Изображение в зеркале вновь завладело вниманием Вартлоккура. Он заметил легкое движение там, где прятался убийца. Насмешник пошатнулся и упал. Непанта вскрикнула. Однако затем толстяк пополз в поисках убежища. Среди скал вновь возникло движение. Блеснул накол стрелы, не причинив Насмешнику никакого вреда. Непанта истерически рассмеялась.

– Будь я проклят! – воскликнул Старец. – Что ж, когда-нибудь ему все равно придется выйти, и тогда ему конец.

– Сомневаюсь, – ответил Вартлоккур.

– Почему?

– Взгляни на склон.

В сторону стрелка катилась лавина.

Вартлоккур встал и прошелся по комнате, обреченно опустив плечи. Ничего не получалось. Даже самые простые замыслы, лишённые участия магии, рассыпались в прах, словно их раздирали на части десятки рук, тянувших каждая в свою сторону. Как же его должны были ненавидеть судьбы!

Непанта безумно хохотала, не в силах остановиться. Старец какое-то время испытующе ее разглядывал, затем снова повернулся к зеркалу, задумчиво хмурия лоб. Он поморщился, когда Насмешник выбрался из укрытия и продолжил свое утомительное путешествие, на этот раз с луком в руках. На лице толстяка красовалась неприятная самоуверенная улыбка.

Вечером пошел не по сезону густой снег, покрыв толстым слоем все вокруг. Дорога, ведущая вдоль склона Эль-Кабара, стала слишком скользкой, чтобы ею можно было воспользоваться. Непанта и Вартлоккур в полном молчании прогуливались по стенам Фангдредра, в окружении сказочно спокойных снежных просторов. Погруженные в собственные мысли, они не перекинулись даже словом. Старец, услышав о снегопаде, снова нахмурился и отправился в Башню Ветров.

Намного позднее туда пришел и Вартлоккур, страшно уставший как душой, так и телом.

– Суета сует, – бормотал он. – Все суета и прах на ветру.

– Держи, – сказал Старец, протягивая ему кружку, источающую отвратительнейший смрад. – Это поставит тебя на ноги.

– Тьфу! Или прикончит! – Вартлоккур несколько мгновений всматривался в кружку, затем проглотил ее содержимое. Скорчил несколько зловещих гримас, с минуту помолчал, а потом действительно почувствовал себя лучше. – Что это было?

– Не поверишь, но я тебе скажу. Это непанта. Напиток. Знаешь, я часто думал о том, каким даром предвидения обладал ее отец, давая ей это имя. Горькое снадобье, да?

Вартлоккур слабо улыбнулся:

– Что дальше? Другого человека нам не послать из-за снега. Придется прибегнуть к чарам. Но одна лишь мысль об этом внушает мне отвращение. Впрочем, Сила в моих руках стала в последнее время столь ненадежной и капризной...

– Тогда – очередная полумера? Как насчет существа под названием дьявольский ястреб? Правда, это рискованно. Птица смертна, и ее можно убить. Хочешь попробовать что-нибудь более могущественное?

– Нет, никаких демонов. Никаких джиннов, никаких духов. Когда-то мне удавалось подчинить себе самых отвратительных из них, однако сомневаюсь, что сумел бы сейчас справиться с обычным демоном огня или воздуха. Непанте не стоит об этом знать, но маскирующее заклятие, которым я воспользовался, чтобы выбраться с ней из Вороньего Грая, едва не убило

нас обоих. Ничего не понимаю. У меня никогда не было с этим проблем, только в последние месяцы. Да, наверное, нужно что-нибудь вроде дьявольского ястреба.

На восточном горизонте уже брезжил рассвет, когда Вартлоккур наконец получил полный контроль над монстром – Сила ускользала из его рук, и даже с простой магией не все шло гладко – и отнес его, отчаянно хлопающего крыльями, на вершину Башни Ветров. Распростерлись двадцатифутовые черные крылья, блеснули огнем золотые глаза, словно двери самой преисподней. Легенды гласили, что это существо – помесь ястреба и черного ифрита и потому обладает чертами как мира смертных, так и обители мертвых.

Осмотрев птицу и придя к выводу, что она вполне послужит его целям, он приготовился отправить ее в полет. В комнату в башне вошла Непанта и молча села перед зеркалом. Она была необычно молчалива – возможно, опасалась, что резкое замечание вызовет очередную вспышку гнева Старца. Вартлоккур какое-то время молчал.

– Я бы предпочел, чтобы тебя здесь не было, когда... – сказал он.

– Тебе его не остановить. Я это чувствую. Я еще увижу, как он перережет тебе горло.

Голос ее звучал мертво, будто с ним разговаривал камень. Она выглядела увереннее, чем раньше, но не менее испуганной.

Вартлоккур нахмурился:

– Посмотрим.

Он произнес слово, заставив ястреба взлететь. Башня задрожала от хлопанья огромных крыльев над головами. Чародей опустился в кресло, наблюдая, как Насмешник идет по вершине горного хребта в тридцати милях от Фангдредра.

Быстро долетев до нужного места, птица закружила в воздухе. Заметив тень, Насмешник послал в небо бесполезную стрелу. Старец сдавленно рассмеялся, но тут же замолчал, когда Вартлоккур бросил на него многозначительный взгляд. Птица спикировала на жертву. Отбросив лук, Насмешник взял на изготовку меч, крепко упершись ногами в землю. Вартлоккур невольно восхитился его отвагой... Едва увернувшись от клинка, монстр отлетел в сторону.

Птица опустилась ниже в ущелье и снова взлетела, поймав восходящий поток. Вартлоккур и Старец тихо выругались. Непанта смеялась, словно обрадованный ребенок.

Чудовище вновь спикировало, на этот раз со стороны солнца, на мгновение ослепив Насмешника. Смех Непанты сменился стоном, когда ее муж закрыл глаза рукой. Но когда ястреб оказался в точности над ним, он присел, перекатился на бок и замахнулся мечом.

Могучая птица ударилась о край склона и, кувыркаясь, покатила вниз. Насмешник бросился за ней. При первой же возможности он прыгнул вперед и кинжалом снес большую голову, затем вонзил меч в грудь чернее ночи. Вытерев окровавленный клинок о ястребиные перья, он улыбнулся.

Все кончилось столь же быстро, как и началось, и притом легко. Дьявольский ястреб с репутацией коварного убийцы, что следовало уже из одного имени, оказался отчаянно беспомощным. Собственно говоря, он вел себя невероятно тупо, словно одурманенный наркотиком...

– Не может быть! – крикнул Вартлоккур, чувствуя, как его охватывает внезапная волна страха.

Вскочив, он прошел несколько шагов, что-то невнятно бормоча.

– Непанта, иди отсюда, – бросил Старец.

Она молча ушла, лишь коротко усмехнулась возле самой двери.

Немного помолчав, Вартлоккур повернулся к Старцу:

– У него все получится! Я не в силах его остановить! – Лицо его исказилось в панике.

Он наклонился вперед, словно сгорбившись под тяжестью мучивших его тревог.

– Ты прав! – прорычал Старец. – У него и впрямь все получится, если ты и дальше будешь себя так вести. Хватит, у нас нет времени на пораженческие настроения. Я покажу тебе, отчего

так происходит. – Он пробормотал простое заклинание, и изображение в зеркале изменилось. – Прошлой ночью, пока ты гулял по стене, я кое-куда сунул нос. Мне показалось странным, что Насмешнику столь фантастически повезло в нашей засаде. Кстати, первая стрела попала точно в цель, но с ним ничего не случилось. А потом та лавина окончательно убедила меня, что о случайности не может быть и речи. И наконец, снежная буря, из-за которой даже ворота невозможно было открыть. Мы не смогли послать еще людей, и все это оказалось ему дьявольски на руку.

– К чему ты клонишь?

– Смотри! – бросил Старец, показывая пальцем.

Вартлоккур посмотрел. Точно в центре зеркала он увидел пятерых человек, среди них одного карлика. Они стояли в заброшенном крестьянском доме, столпившись вокруг блестящего шара. Казалось, они чем-то страшно возбуждены. Вартлоккур сразу же заинтересовался:

– Турран! Джеррад! И Вальтер, и Брок. Что?..

– Я бы сказал, что они наблюдают за Насмешником. Вот ответ на вопрос о странной погоде.

– Понятно!

– И взгляни заодно на коротышку.

– Кого? О... кто это?

Старец пробормотал очередное заклинание, и предыдущая сцена исчезла, сменившись новой.

– Его зовут Марко. Он ученик этого человека.

В зеркале появилась худая фигура, в страхе склонившаяся еще над одним хрустальным шаром. Позади нее стоял рослый мужчина, которого Вартлоккур сразу же узнал.

– Рагнарсон!

– Да. Я же говорил, чтобы ты не спускал с него глаз. Сам толстяк не сумел бы столь ловко вести игру. Представь себе, о чем они сейчас думают: во-первых, ты должен им денег – по крайней мере, по их мнению. Во-вторых, они знают: тебе известно, что они заодно с Насмешником, и ты вполне можешь предполагать, что и они действуют совместно, – и потому поступают так в целях самозащиты. Этот худой – Визиготред, чародей из Первого Круга Братства. Это он спустил лавину и создал щит, предохранивший Насмешника от стрел. Я уже давно наложил чары на эту комнату, чтобы никто не мог в нее заглянуть, но не смог защитить ее от подслушивания. Возможно, именно сейчас он нас слышит и смертельно напуган, поскольку мы узнали о нем. Верно, Визиготред?

Визиготред кивнул. Рассмеявшись, Старец пробормотал очередное заклинание.

– На этот раз мы его поймали.

Зеркало показало темное, мрачное место.

– Тот, второй, – сказал Вартлоккур, – бин Юсиф.

– Угу. И чародей, который живет в гроте у моря Сейдар, в нескольких сотнях миль к югу отсюда. Его зовут Зиндаджир.

Вартлоккур вздрогнул, представив, во что может вылиться война чародеев.

– Насколько они сильны?

– Реестр относит обоих к Первому Кругу. Они ничем не хуже любых чародеев на западе, за исключением тебя. Ненавижу это повторять, но я тебе уже говорил, что...

– Пожалуйста. Я это заслужил. Они все еще нас слышат?

– Думаю, да. А если и нет, то могут это сделать, когда им только захочется. Те кристаллы...

– У них есть слабое место. Дай-ка мне книгу Ю Чиня.

Вартлоккур покопался в своих инструментах, почувствовав себя намного лучше, когда у него наконец появилась работа. Среди них нашелся предмет, напоминавший большую двухзубую вилку.

– Ты не мог бы принести мне кристалл из витрины с камнями? – спросил он, взяв книгу. – Думаю, аметист. – Он еще раз заглянул в книгу. – Да, аметист. Похоже, я еще помню уроки у мастера Чиня. Так. Все готово.

Он произнес длинное сложное заклинание, читая слова из книги, затем ударил вилкой о стол, коснулся вибрирующим зубцом драгоценного камня.

– Это не позволит им и дальше подслушивать нас. Для их устройств Фангдред теперь словно черная дыра. Что дальше?

– Ответный удар!

– Нет. Если они принадлежат к Первому Кругу, наверняка у них есть могущественные защитные средства.

– Думаю, тебе они противостоять все же не смогут.

– Может, и нет. Но моя власть над Силой уже давно не слишком надежна. Пока я буду с ними расправляться, может появиться Насмешник. Он сделает свое дело и спасет их. Хотя сами они, возможно, еще этого не осознают.

– И как ты намерен поступить?

– Дай-ка подумать, дай-ка подумать... Так. Прежде всего, мы подготовим собственную защиту. Те двое сейчас напуганы, они будут пытаться ударить первыми, опередить нас – в надежде, что застигнут врасплох. А когда у нас будет надежный щит, я займусь Зимней Бурей. Пока это лишь эксперименты, но, кажется, скоро мне удастся найти новый источник Силы.

– Что мне делать?

Совместными усилиями, опираясь на знания Старца, они быстро возвели могущественную защиту вокруг Фангдреда. Как раз вовремя – первый удар последовал всего через несколько мгновений после того, как они закончили.

Слушая вой и стоны, Старец раздумывал, каким образом это и все остальные события вписываются в текущий сценарий Режиссера. Он уже много веков не спал, но только теперь начал постепенно различать оборванные края материи его замыслов, ощущать едва заметный штрих кисти мастера в таких очевидно подготовительных мероприятиях, как войны Эль-Мюрида.

Что бы ни произошло, оно должно было закончиться кровавой резней. Так было всегда.

17

Весна 997 г. от О. И. И И мысли из ночных видений

Непанта расхаживала по комнате, думая о Насмешнике, Вартлоккуре и Старце. Ее полные тревог мысли ударялись о преграды, подобно волнам прилива, прокладывая себе путь по проторенным каналам. Утром, когда она увидела, как Насмешник отражает атаки ястреба, а потом побеждает его, ей впервые пришло в голову, что у него есть реальные шансы остаться в живых. Она заподозрила это еще накануне вечером, прогуливаясь по стенам и вдыхая странно знакомый запах, чувствующийся в ночи. Где-то действовали ее братья – она ощущала запах Ветра-Оборотня.

Где они? Каким образом им удалось договориться с ее мужем? Что с Рагнарсоном и бин Юсифом? Имели ли они к этому отношение? Или путешествие ее мужа должно было лишь отвлечь внимание от действий остальных, намеревавшихся нанести удар с другой стороны? Как она уже убедилась, надежда лишь добавляла ей печали. Когда надеждой и не пахло, душа ее была спокойна, несмотря на всю ту злость, которую она выплескивала на Вартлоккура. Теперь же, когда появилась искорка надежды на спасение, она впала в неподдельную тоску. Словно угодивший в ловушку зверь, она бегала туда-сюда в поисках невидимой дыры в прутьях клетки. Ее сердце стучало, будто барабан, быстро и громко...

Знал ли Вартлоккур, что братья послали против него духа погоды? Мысль об этом ее пугала – против чародея они будут беззащитны. Бросившись на пуховую перину, она легла на живот, оперлась подбородком на руки и уставилась в пустоту. Как помочь тем, кто шел ей на спасение? Если бы ей удалось отвлечь внимание Вартлоккура, пока не появится Насмешник... У нее возникала мысль о том, чтобы его соблазнить, но она тут же ее отбросила: подобные намерения станут слишком очевидны, пусть даже чародей сам этого желает.

– Насмешник, я так хотела бы знать, что мне делать, – прошептала она.

Одиночество, охватившее ее в Фангдредде, преследовало, словно ухмыляющийся призрак. Эта крепость и жившие в ней люди сами весьма напоминали Зубы Дракона – суровые, грубые и примитивные. Перевернувшись на спину, она уставилась в потолок. На глазах у нее

выступили слезы. Как тяжело быть одной... Она вспомнила его объятия... тепло... безопасность...

Одиночество. Теперь она уже лучше понимала Вартлоккура. Четыре столетия полного одиночества. Она вспомнила его визиты в Вороний Грай отчасти потому, что он выглядел столь одиноким, когда уделяла ему время. Точно такое же выражение лица она видела каждый раз, проходя мимо зеркала. Если бы не появился Насмешник, а Ватрлоккур не потерял терпение и не прибег к силе, она сейчас могла бы быть его женой. Она действительно об этом думала – на самом деле он был не таким уж и плохим человеком, хотя и чересчур верил в могущество судьбы.

Внезапно возникла идея, как отвлечь Вартлоккура. Собственно, других вариантов у нее и не было. Даже если бы он об этом знал, собственная природа все равно заставила бы его идти предсказуемым путем. Вскочив с постели, она поспешила к гардеробу с подаренными им платьями. С тех пор как они покинули Вороний Грай, он сделал ей множество подарков.

Она обшаривала гардероб, напевая себе под нос и впервые за столь долгое время неподдельно наслаждаясь. Ха! Теперь все будет хорошо.

Неподалеку, словно почувствовав ее настроение, заиграл нынешний дудочник. Мелодия была стара как мир. Непанта засмеялась, услышав ее, – она идеально подходила!

«Слышу голос милого, что идет по горам, перепрыгивая через холмы...»

Она снова рассмеялась, представив себе Насмешника, скачущего с одной горной вершины на другую, словно Звездный Всадник из повести о Короле Из-под-Горы. Выбрав бледно-розовое платье, она поднесла его к груди. Платье точно подходило к ее фигуре, хотя она никогда его раньше не видела, – короткое, из мягкой материи. Какая-то женщина говорила ей, что Вартлоккур магическим образом получает одежду из далекой империи. В очередной раз рассмеявшись, она сбросила черное бесформенное одеяние, которое носила со дня своего появления в замке.

Она немного постояла перед зеркалом, разглядывая собственное обнаженное тело, затем подушилась ароматом лилии – едва заметно, чтобы ее окружал легчайший из всех возможных запахов. Она никогда особо не обучалась женским премудростям, но интуиция подсказывала ей, как поступать.

– Берегись, Вартлоккур, – усмехнулась она, глядя на свое отражение.

Она никогда прежде не видела такого платья, но вполне понимала, что с ним делать, и вскоре уже снова стояла перед зеркалом, поправляя подол. Она наслаждалась своим видом в столь откровенном наряде. Впрочем, там, где Вартлоккур его раздобыл, в нем, скорее всего, не заметили бы ничего откровенного. Удивительная страна.

Подол не доходил ей до колен. Юбка была широкой, но верхняя часть плотно прилегала к телу, подчеркивая округлости. Смело. Она знала, что обитателей Фангдред, которых трудно было назвать ханжами, потрясли бы ее голые ноги и чересчур обтянутый бюст. Однако в душе любой женщины дремлет тайное желание хотя бы иногда вести себя подобно шлюхе. Ах, как чудесно она себя чувствовала, полная оптимизма!

Однако оптимизм ее угас, когда она вышла из комнаты. Фангдред внезапно сотрясся до самого основания. Камень заскрежетал о камень. Вой ветра над замком напоминал вопли из преисподней. Нет, это был не ветер. Никакой ветер, даже Ветер-Оборотень, не мог издавать подобных звуков – словно дьявольские создания с воем бросались на стены крепости. Магия! Забыв о своих планах по соблазнению Вартлоккура, она в ужасе бросилась к Башне Ветров. Ее черные волосы развевались на ветру. По коридорам бежали испуганные люди, никто даже не заметил, как она одета. Несмотря на панику, она почувствовала себя разочарованной. Женщине хочется, чтобы ее замечали, когда она ведет себя вызывающе. Однако все остальные, похоже, были напуганы еще больше, чем она. Они в замешательстве метались туда-сюда, пытаясь скрыться от доносящихся со всех сторон зловещих воплей.

Все, кроме идиота-дудочника, столкнувшегося с ней на пересечении коридоров. Будь она внимательнее, могла бы увернуться. Глупец громко играл траурный марш из «Чародеев Ильказара», возможно насмехаясь над Вартлоккуром, и она должна была его услышать. Однако страх притупил чувства. Дудочника для нее не существовало, пока она не сбила его с ног.

С неприятной улыбкой, лежа на полу, он заиграл старую песенку, популярную в тавернах: «Женщина в красном платье». Залившись румянцем, Непанта поспешила подальше от него. Однако мелодия дудки преследовала ее по всему продуваемому сквозняком коридору.

Едва она ворвалась в мастерскую Вартлоккура, дрожь стен и царившая внутри суматоха внезапно стихли. Чародей стоял в центре тщательно вычерченной пентаграммы, испещренной десятками мерцающих магических символов. В воздухе, опираясь гранями о грани пентаграммы на полу, висели еще пять таких же, очерченных голубыми огненными линиями. Над головой Вартлоккура висела пентаграмма, плавающая красным, по бокам от которой выступали пять зеленых. Те в свою очередь соединялись с голубыми под ними, так что Вартлоккур находился внутри образованного пентаграммами двенадцатигранника. В плоскостях висящих в воздухе пентаграмм мерцали серебристые, золотистые, фиолетовые и оранжевые светящиеся символы. В помещении было темно – единственный свет давала лишь сложная магически-топологическая конструкция. Движущиеся символы вспыхивали ярче, когда Вартлоккур ударял по ним коротким черным жезлом, и все вокруг словно двигалось в такт с приливами и отливами удивительных цветов.

Непанта остановилась в шаге от выхода. Если бы она сразу заговорила, все могло бы погибнуть. Однако, сумев сдержаться, она осторожно закрыла за собой дверь и на цыпочках подошла к Старцу, который сидел и зачарованно глядел на происходящее. Разыгрывающийся перед их глазами спектакль столь же быстро поглотил и ее внимание. Это была первая демонстрация магии Вартлоккура, свидетелем которой ей довелось стать. На мгновение она ощутила, как текущая в ее жилах Сила рвется к чародею, пытаясь слиться с его Силой.

Чародей стоял посреди своего творения, и разноцветные отблески падали на его лицо. С жезлом в руке он походил на бога, мягко дотрагивающегося до звезд своей вселенной.

Желая поделиться впечатлением, Непанта дотронулась до руки Старца и легко ее сжала, как когда-то держалась за руку отца в минуты страха или удивления.

– Великолепно, правда?

Она лишь ошеломленно кивнула в ответ.

– Это нечто совершенно новое, что он изобрел, ожидая тебя. Раньше он никогда такого не пробовал. Он совершил открытие, дающее начало совершенно новой области магических исследований. Потрясающе.

– Красиво, – ответила она.

– Угу.

– Но почему? Что случилось?

Старец с хитрой усмешкой взглянул на нее:

– Приятели твоего мужа, Рагнарсон и бин Юсиф, нашли парочку чародеев, достаточно безумных для того, чтобы нас атаковать. Впрочем, это весьма знающие люди из Первого Круга, но для Вартлоккура они не противники. Мы поймали их с поличным после того, как они убили дьявольского ястреба. Теперь они пытаются добраться до нас, прежде чем мы доберемся до них. Но пока что им не удалось ничего добиться, сомневаюсь также, что они способны причинить хоть малейший вред.

Она кивала в такт его словам, слишком зачарованная игрой света и цвета, чтобы возмущаться самодовольной тирадой. Внезапно Вартлоккур расслабился и вздохнул. Она наклонилась, вновь чувствуя магическое влечение. Чародей сунул жезл под мышку, вытер рукавом пот со лба и вышел из своего творения. Символы замерцали ярче, потревоженные движением.

Непанта вздохнула. Вартлоккур услышал ее вздох.

– Бояться нечего, – устало проговорил он. – Это не ваша обычная пентаграмма. Она не защищает от дьяволов. Ее можно назвать матрицей Силы. Она сосредотачивает в себе Силу, так что потом я могу ею произвольно управлять. Символы представляют собой находящиеся снаружи демонов. Когда я дотрагиваюсь до одного, я касаюсь чьей-то души... – Он замолчал и потер виски. – Я устал.

Старец выпустил руку Непанты:

– Я принесу тебе чего-нибудь подкрепиться. Почему бы вам пока не посидеть вдвоем?

Он вышел. Вартлоккур с минуту массировал виски, затем повернулся к своему творению.

– Думаю, мне лучше от него избавиться, – пробормотал он.

– Пожалуйста, не надо, – сказала Непанта. – Пусть пока останется. Оно прекрасно. Словно смотришь на Вселенную со стороны.

Вартлоккур еще раз бросил на него взгляд, затем опустился в кресло Старца.

– Полагаю, так оно и есть. Я никогда не думал о нем иначе как об инструменте. – Он внимательнее пригляделся к Непанте, наблюдая за мерцающими на ее лице пятнами света и тени, и усмехнулся. – Это платье словно на тебя и пошито. Но не слишком ли рано ты пришла? Он не доберется сюда до завтра.

Молчание затягивалось. Она не могла придумать, что сказать. Более того, она помнила о влечении, которое захлестнуло ее чуть раньше, и боялась поддаться искушению.

– Иди сюда, – сказал он, вставая и беря ее за руку. – Встань в центре пентаграммы.

Она неуверенно встала посреди сверкающей золотой звезды, концы которой указывали на углы нарисованной на полу пентаграммы. Негромко произнес несколько слов, Вартлоккур коснулся жезлом серебристого символа, и тот прильнул к нему. Затем он приложил конец жезла к ее левому уху. Она вздрогнула, не в силах скрыть страха, но, к своему удивлению, ничего не почувствовала. Внешне он казался теплым. Вартлоккур снова что-то сказал, и символ вернулся на прежнее место.

Он повторил то же самое с ее правым ухом, затем с волосами. А потом вывел из своего творения, подвел к зеркалу, которое сейчас было самым обычным, и показал ее отражение со звездами в волосах.

– Я чувствую себя богиней, – улыбнувшись, тихо сказала она. – Чудесно.

– Верно. Ты моя богиня. Я дарю тебе все звезды ночи.

Улыбка ее сменилась гримасой. Она тряхнула головой – скорее для того, чтобы сбросить охватившее ее восхищение, нежели возразить.

– Я уже сделала свой выбор. Все кончено.

– Не совсем. Позволь мне еще кое-что тебе показать – то самое пророчество, о котором я столь часто упоминал и в которое ты так и не захотела поверить.

Он наконец понял, что должен предложить ей нечто более убедительное, чем просто слово Вартлоккура, Разрушителя Империи.

Округлив от удивления глаза, Непанта в замешательстве подошла за ним к столу. Выбрав несколько инструментов, он расположил их в только ему известном порядке и начал читать заклинание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.